

1914
K-30

140 / К 30 / 7к-30

14 / К-30 +

14 / К-30 / 6927

Карль Гаутскій.

ЭТИКА

И

85

материалистическое пониманіе исторіи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

По редакціи А. В. Луначарскаго.

Семипалатинской
Центральной Библиотеки
И. Н. В. ГОТСЛЯ

И М Е Н И

№ 692

№ 1


К-30

№ 14

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Уч. 616.
7842
7697



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подобно нѣкоторымъ другимъ марксистскимъ сочиненіямъ, настоящая работа является случайной, продуктомъ полемики. Споръ, который я завязалъ въ сентябрѣ прошлаго года съ тогдашнимъ большинствомъ редакціи «Vorwärts», побудилъ меня коснуться также «этическихъ тенденцій» этого большинства. Мои выводы по этому вопросу, съ одной стороны, столь часто невѣрно истолковывались, а съ другой — повлекли за собой предъявленіе ко мнѣ столь многочисленныхъ требованій о томъ, чтобы я подробнѣе и систематичнѣе изложилъ свой взглядъ на этику, что я почувствовалъ себя вынужденнымъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, краткій набросокъ развитія этики съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. При этомъ я опираюсь на ту матеріалистическую философію, которую обосновали, съ одной стороны, Марксъ и Энгельсъ а съ другой, хотя на иной манеръ, по въ томъ же смыслѣ — Іосифъ Дитцгенъ. Выводы же, къ которымъ я пришелъ, лежатъ на моей собственной отвѣтственности.

Монимъ первоначальнымъ намѣреніемъ было только написать по этому вопросу статью для «Neue Zeit». Но никогда еще я такъ ошибочно не разсчиталъ работы, по заранѣе составленному плану, какъ на этотъ разъ; ошибка вышла не только въ отношеніи объема. Я началъ работу въ октябрѣ, ибо думалъ, что теперь наступятъ для нартін мѣсяцы спокойствія, которые можно будетъ посвятить теоретической работѣ. Іенскій партейтагъ прошелъ такъ дружно, что я не ожидалъ скорого возникновенія конфликта въ средѣ нашей

партіи. Съ другой стороны, казалось къ началу октября, что въ русской революціи какъ будто наступила пауза, посвященная собранію и организаціи революціонныхъ боевыхъ силъ.

Но, какъ извѣстно, все пошло по-прежнему. Побочный вопросъ личнаго характера послужилъ поводомъ къ оживленной полемикѣ, которая, хотя ни на одинъ моментъ не вызвала потрясеній въ партіи, но партійнымъ работникамъ, а именно тѣмъ изъ нихъ, которые проживаютъ въ Берлинѣ, стоила массы времени, спокойствія и рабочей энергіи. Но еще большей траты времени и рабочей энергіи—хотя, конечно, тутъ они тратились на споръ болѣе возвышеннаго характера—повлекла за собой русская революція, которая, именно въ теченіе октября мѣсяца, совсѣмъ неожиданно достигла своего наивысшаго подъема, какого раньше не достигала. Это-то славное движеніе поглотило, разумѣется, также и внѣ Россіи интересы всѣхъ революціонно-настроенныхъ элементовъ. Это было чудное время, но въ такое именно время нѣтъ подходящихъ условій для работы по этикѣ. Однако предметъ овладѣлъ мною и не давалъ покоя; вотъ почему я все же закончилъ свою работу, не взирая на многочисленныя уклоненія и перерывы, вызванные берлинской бурей въ стаканѣ воды и штормомъ на русскомъ океанѣ. Надѣюсь, что совпаденіе времени рожденія моего труда съ такой бурной эпохой не такъ ужъ сильно скажется на немъ.

Когда работа моя была, наконецъ, закончена, возникъ новый вопросъ: рамки статьи она переросла, но по всему плану это собственно не была и книга. Въ работѣ этой я ограничиваюсь краткимъ наброскомъ хода моихъ мыслей, ссылаюсь на малое количество фактовъ и даю мало аргументовъ для доказательства и иллюстраціи своихъ выводовъ.

Я задалъ себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли мнѣ обработать и расширить свой трудъ, пополнивъ его аргументами и фактами. Но если бы это сдѣлать основательно, и если бы всѣ набросанные здѣсь вопросы были подвергнуты подробному изслѣдованію, то это значило бы оттянуть появленіе книги до безконечности, ибо для выполненія такой работы потребовалось бы года два спокойной, ненарушимой дѣятельности. Мы же приближаемся къ такому періоду, когда кто знаетъ, на какой періодъ времени для всякаго социаль-

демократа исключается возможность спокойной работы, — когда дѣятельность наша, по необходимости, сводится къ неустанной борьбѣ. А мнѣ не хотѣлось бы слишкомъ медлить съ появленіемъ моего труда, ибо я считаю настоятельно необходимымъ, въ виду того большого вліянія, какое Каптовская этика начинаетъ пріобрѣтать въ нашихъ собственныхъ рядахъ, выяснитъ ту связь, которая существуетъ, на мой взглядъ, между матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи и этикой.

Такимъ образомъ я все же рѣшился тотчасъ же выпустить эту книжку. Но въ указаніе того, что въ ней я не высказалъ всего, что хотѣлъ бы сказать по вопросу объ этикѣ, и что я оставляю за собой право въ болѣе спокойныя времена обстоятельнѣе разработать тему, настоящая работа названа мною просто «опытомъ» изслѣдованія — попыткой.

Конечно, когда именно наступить эти болѣе спокойныя времена, какъ уже сказано нами—въ данную минуту предвидѣть нельзя. Какъ разъ теперь полицейскіе слуги царизма усердно принялись за работу, желая уподобиться Альбамъ и Тияли эпохи релігіозной борьбы шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій— не въ ихъ великихъ военныхъ подвигахъ конечно, а въ жестокости убійствъ. Западно европейскіе поборники культуры и порядка и тому подобныхъ священныхъ благъ человѣчества восторженно привѣтствуютъ эти дѣянія, видя въ нихъ возстановленіе законнаго порядка вещей. Но какъ не удалось наемникамъ Габсбурговъ, не взирая на временный успѣхъ, снова вернуть къ католицизму Сѣверную Германію и Голландію, такъ не удастся казацкимъ атаманамъ возстановить режимъ абсолютизма. У режима этого еще хватаетъ силы, чтобы опустошать страну, но у него нѣтъ силы, чтобы управлять ею.

Во всякомъ случаѣ, русская революція далеко еще не завершилась, она и не могла бы завершиться, пока русское крестьянство не удовлетворено. Чѣмъ дольше оно будетъ тянуться, тѣмъ сильнѣе будетъ возрастать возбужденіе пролетарскихъ массъ Западной Европы, тѣмъ ближе опасность финансовыхъ катастрофъ, тѣмъ болѣе вѣроятной становится возможность наступленія также и въ Западной Европѣ эры самой обостренной классової борьбы.

Такое время не можетъ благоприятствовать теоретической работѣ

революціонныхъ писателей. Но объ этомъ вѣроятномъ нарушеніи нашей теоретической дѣятельности намъ не приходится жалѣть. Значеніе матеріалистическаго взгляда на исторію состоитъ не въ томъ только, что взглядъ этотъ даетъ намъ возможность лучше, чѣмъ доселѣ, истолковывать исторію, а и въ томъ, что даетъ намъ возможность лучше, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, *дѣлать* ее; послѣднее много важнѣе перваго. Изъ успѣховъ практики проистекаютъ успѣхи нашего познанія, а въ успѣхѣхъ практики осуществляется успѣхъ нашего познанія. Но ни одно міровоззрѣніе не является въ такой высокой степени философіей *дѣла*, какъ діалектическій матеріализмъ. Не только оплодотвореніемъ изслѣдованія, но еще больше оплодотвореніемъ дѣла мы надѣемся доказать превосходство нашей философіи.

И настоящая книжка должна служить не только созерцательному познанію, но и *борьбѣ*; въ этой борьбѣ мы должны *развернуть наивысшую этическую силу*, равно какъ и наибольшую ясность познанія; въ ней мы должны побѣдить.

Берлинъ-Фриденау
Январь, 1903 г.

Н. Каутскій.

Me
142

I. АНТИЧНАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА.

Въ исторіи философій вопросы этики впервые выступили на сцену въ Греціи послѣ персидскихъ войнъ. Побѣда надъ колоссомъ персидскаго деспотизма сразу подѣйствовала на маленькій эллинскій народъ приблизительно подобнымъ образомъ, какъ недавнее отраженіе колосса русскаго деспотизма — на японскій народъ. Японія разомъ стала великой державой, владычицей моря, окружающаго ее, а черезъ это — и повелительницей торговли. И если теперь надъ Японіей всей тяжестью обрушится капиталистическая крупная промышленность, которая до сихъ поръ существовала въ ней въ зачаткахъ, то и послѣ персидскихъ войнъ Греція, именно Аѳины — тоже стали сосредоточіемъ тогдашней міровой торговли; торговый капиталъ овладѣлъ всѣмъ народомъ и уничтожалъ всѣ унаслѣдованныя общественныя отношенія и возрѣвья, которыя господствовали до тѣхъ поръ надъ отдѣльными индивидуумами и регулировали ихъ поступки. Индивидъ почувствовалъ себя вдругъ перенесеннымъ въ новый общественный строй — и это чувствовалъ онъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ высшую ступень занималъ онъ въ обществѣ, ибо въ этомъ новомъ строѣ онъ лишился опоры, оказался представленнымъ самому себѣ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на кажущееся отсутствіе регламентаціи, индивидъ не только чувствовалъ потребность въ опредѣленныхъ правилахъ для руководства въ своихъ поступкахъ, но даже болѣе или менѣе ясно сознавалъ внутри себя присутствіе какого-то регулятора; регуляторъ этотъ управлялъ его поведеніемъ, заставлялъ его различать между добромъ и зломъ,

отдавать предпочтенію первому, гнушаться второго, но опъ проявлялся въ видѣ совершенно таинственной силы. Пусть въ нѣкоторыхъ людяхъ регуляторъ этотъ проявляется необычайно сильно, пусть сужденіе его о добрѣ и злѣ произносится быстро, безъ размышленія и высказывается безапелляціонно, но если бы мы вздумали разобраться, въ чемъ собственно его сущность и на чемъ обосновываются его сужденія, тогда какъ регуляторъ, гнѣздящійся въ душѣ каждаго человѣка, такъ и сужденія, произносимыя имъ столь вразумительно и естественно, представлятъ намъ такого рода явленія, понять которыя несравненно труднѣе, чѣмъ всякое другое явленіе въ мірѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что со времени персидскихъ войнъ этика, т. е. изслѣдованіе этого таинственнаго регулятора человѣческихъ поступковъ—правственнаго закона—выстунаетъ на первый планъ. До тѣхъ поръ философія была прежде всего *натурфилософіей*. Ея задачей было изслѣдовать и объяснить закономѣрныя взаимоотношенія въ природѣ. Но вотъ природа все больше стала терять интересъ для философовъ. *Человѣкъ*, т. е. этическая природа человѣка стала центральнымъ пунктомъ философскаго изслѣдованія. Натурфилософія перестаетъ прогрессировать, естественныя науки отдѣляются отъ философіи; отнынѣ всякій успѣхъ древней философіи вмѣлъ своимъ источникомъ изслѣдованіе духовной сущности человѣка и его нравственнаго міра.

Уже софисты начали съ того, что стали пренебрежительно относиться къ познанію природы. Еще дальше ихъ пошелъ Сократъ, который былъ того мнѣнія, что деревья ничему не могутъ поучать, но зато люди въ городахъ—очень многому. Платонъ смотрѣлъ на натурфилософію, какъ на забаву.

Вслѣдствіе этого и методъ философіи сталъ инымъ. Натурфилософія неизбежно сводилась къ наблюденію вишняго міра. Познаніе же нравственной природы человѣка, казалось, вѣрнѣе всего достигнуто путемъ наблюденія своего собственнаго я. Чувства могутъ насъ обмануть, всякій посторонній человѣкъ можетъ насъ ввести въ заблужденіе. Но сами мы не можемъ обмануться, если мы хотимъ добиться истины. Такимъ образомъ, въ кон-

цѣ кощцовъ, едипственно вѣрнымъ было признано то позпаніе, которое челоуѣкъ производитъ надъ самимъ собой.

Но не только предметъ и методъ, но и задача философіи отнынѣ стала иной. Натурфилософія стремилась къ изслѣдованію *необходимой связи между причиною и дѣйствіемъ*; ея точкой зрѣнія была *причинность*. Въ этикѣ, напротивъ того, трактуется о *хотѣніи и долженствованіи* челоуѣка, о цѣляхъ и *намѣреніяхъ*, къ которымъ ему слѣдуетъ стремиться; ея точкой зрѣнія является цѣлесообразность—*телеологія*.

Между тѣмъ, эти новыя воззрѣнія не во всѣхъ направленіяхъ выступали одинаково рѣзко.

Существовалъ двойкій путь толкованія кроющагося внутри насъ моральнаго закона.

Во-первыхъ, основу его можно было искать въ видимыхъ для насъ побужденіяхъ челоуѣческихъ поступковъ, а таковыми являлось стремленіе къ счастью и удовольствію. Но въ товарномъ производствѣ, въ производствѣ съ внѣшней стороны независимыхъ, частныхъ производителей—счастье, удовольствие и потребности для этого условія являются также дѣломъ частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ основу моральнаго закона стали искать въ потребности индивидуума въ индивидуальномъ удовольствіи и счастьи. Добро—это то, что доставляетъ индивидууму радость, содѣйствуетъ его счастью, зло—это то, что приноситъ противоположное. Какъ, однако, возможно возникновеніе желанія зла. Какъ возможно, что не всякій челоуѣкъ и не при всѣхъ обстоятельствахъ стремится къ добру? Последнее объясняется тѣмъ, что существуютъ различные виды удовольствія и счастья. Зло получается тогда, когда челоуѣкъ предпочитаетъ низшій родъ наслажденія и счастья высшему, ради минутнаго, скоро преходящаго жертвуетъ продолжительнымъ удовольствіемъ—словомъ, зло получается вслѣдствіе невѣжества и близорукости. Такимъ образомъ, по Эпикуру, духовныя наслажденія стоятъ выше физическихъ, ибо первыя дольше продолжаютъ и доставляетъ чистую радость. По его мнѣнію, удовольствие, получаемое при покоѣ, сплѣнѣ, чѣмъ удовольствие при движеніи. Душевное спокойствіе представляется ему наивысшимъ счастьемъ. Въ силу этого, неумѣренность при любомъ наслажденіи

предосудительна; въ силу этого, должно также считаться дурнымъ всякое себялюбивое поведеніе, ибо уваженіе, любовь и помощь сосѣдей, равно какъ и процвѣтаніе общины, къ которой я принадлежу, суть факторы, необходимыя для моего собственнаго благосостоянія, но я его не добьюсь, если буду, не смотря ни на что, заботиться только о себѣ самомъ.

Такого рода пониманіе этики имѣло то преимущество, что оно казалось вполне «естественнымъ», легче всего мирилось съ филозофскими потребностями тѣхъ элементовъ, которые хотѣли довольствоваться познаниемъ міра, воспринимаемаго нашими чувствами, какъ реальнаго, и которымъ человѣческое существо казалось только частью этого міра. Съ другой стороны, именно такое пониманіе этики должно было породить, въ свою очередь, матеріалистическій взглядъ на міръ. Этика, обоснованная на стремленіи къ удовольствію и счастью индивидуума, или на эгоизмѣ, и матеріалистическое міросозерцаніе взаимно обуславливали и поддерживали другъ друга. Связь обоихъ элементовъ наиболѣе совершенно выступила у *Эпикура* (341 г. до 270 г. до нашей эры). Его матеріалистическая натурфилософія непосредственно связывается съ этической цѣлью. Матеріалистическое пониманіе природы, по его мнѣнію, само по себѣ способно освободить насъ отъ той болѣзни, которую вызываетъ въ насъ глупое суевѣріе, и можетъ доставить намъ то душевное спокойствіе, безъ котораго истинное счастье невозможно.

Напротивъ того, всѣ тѣ элементы, которые встали во враждебное отношеніе къ матеріализму, должны были также отвергнуть его этику и наоборотъ: кто не примирился съ этой этикой, тотъ не удовлетворялъ также и матеріализмъ. А эта этика эгоизма, или стремленія къ счастью собственнаго я, заключала въ себѣ не малое число слабыхъ пунктовъ. Прежде всего она не объясняла, какимъ образомъ моральный законъ выступаетъ какъ *принудительный мотивъ*, какъ *обязанность* дѣлать добро, а не какъ простой *советъ* предпочесть болѣе разумный видъ счастья менѣе разумному. Вѣдь быстрое, рѣшительное моральное сужденіе о добрѣ и злѣ является чѣмъ-то совсѣмъ отличнымъ отъ взвѣшиванія между различными видами удовольствія и пользы. Наконецъ, бываютъ случаи, когда можно почувствовать нравственный долгъ, въ которомъ

самое затасное размышленіе не можетъ отыскать ни слѣда удовольствія или пользы, могущаго произойти отъ исполненія этого Долга. Если я, напримѣръ, отказываюсь солгать, хотя этимъ я настраиваю противъ себя навсегда все общественное мнѣніе, ставлю на карту свою жизнь или, быть можетъ, даже навлекаю на себя смертную казнь, то здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи хотя бы объ отдаленномъ удовольствіи или счастіи, могущихъ въ заключеніе превратить неудовольствіе или боль даннаго момента въ свою противоположность.

Какъ же объяснялось критиками это явленіе? Фактически они ничего дѣльпаго не давали, хотя, на ихъ собственный взглядъ, они давали очень много, ибо неумѣнье объяснить моральный законъ естественнымъ путемъ служило для нихъ вѣрнѣйшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что человѣкъ живетъ не только среди природы, но и внѣ ея, что въ немъ дѣйствуютъ таинственныя, сверхъестественныя силы, что его духъ есть нѣчто чудесное. Такимъ образомъ изъ этого пониманія этики произстекли философскій идеализмъ и монотеизмъ, новая вѣра въ Бога.

Эта вѣра въ Бога была совѣмъ другого рода, чѣмъ прежде многобожіе; различіе состояло не только въ числѣ божествъ, монотеизмъ произошелъ вовсе не посредствомъ сведенія боговъ къ одному—единственному.

Многобожіе было попыткойъ объяснить процессы, происходящіе въ природѣ. Ея божества представляли собою олицетвореніе силъ природы; эти божества стояли такимъ образомъ не надъ природой и не внѣ ея, но внутри ея, они составляли части этой природы. Натурфилософія вытѣснила ихъ по мѣрѣ того, какъ она открывала другія причины не личнаго характера въ явленіяхъ природы и развивала понятіе закономерности, необходимой связи между причиною и дѣйствіемъ. Боги могли еще долго спустя по традиціи продолжать свое существованіе въ философіи, но только въ качествѣ особаго вида сверхчеловѣковъ, которые уже не играли никакой активной роли. И для Эпикура, не взирая на его матеріализмъ, старые боги не умерли, но они жили у него на покоѣ, были превращены въ пассивныхъ зрителей.

И нематериалистическое, этическое направленіе философій. пред-

ставленное наиболѣе совершеннымъ образомъ *Платономъ* (427 г. до 347 г. до пашей эры), мистическія стороны котораго еще гораздо рѣзче развиты неоплатониками, именно *Плотиномъ* (204 г. до 270 г. нашего лѣтосчисленія),—также не нуждалось болѣе для объясненія природы въ старыхъ богахъ, и ово относилось къ нимъ, подобно матеріалистамъ. Понятіе о Богѣ нематеріалистовъ проистекало не изъ потребности объяснить окружающую насъ природу, но изъ потребности дать объясненіе этической, духовной, внутренней сущности человѣка. Для этого понадобилась наличность Духа, стоящаго надъ природой, такимъ образомъ — внѣ пространства и времени; Духъ этотъ составлялъ квинтъ-эссенцію морали, онъ господствовалъ надъ матеріальной природой подобно тому, какъ аристократы-философы господствовали надъ трудящимися массами. И какъ философы считали себя благородными, а массу, напротивъ, вульгарной и грубой, такъ и природа считалась низменной и злой, а Духъ, напротивъ, возвышеннымъ и добрымъ. Человѣкъ имѣетъ несчастье принадлежать одновременно обоимъ мірамъ — міру матеріи и міру духа. Такимъ образомъ, онъ — наполовину звѣрь, наполовину ангелъ, колеблется между добромъ и зломъ. Но какъ Богъ господствуетъ надъ природой, такъ и этическое въ человѣкѣ имѣетъ силу преодолевать физическое, вожделѣнія плоти и восторгествовать надъ ними. Полное счастье, однако, недостижимо для человѣка, пока онъ пребываетъ въ сей юдоли печали, гдѣ онъ осужденъ на борьбу съ своей собственной злой плотью; только съ освобожденіемъ отъ послѣдней, когда его духъ возвращается къ своему первоисточнику — къ Богу, человѣку выпадаетъ въ удѣлъ безграничное блаженство.

Мы видимъ, что здѣсь Богъ играетъ совсѣмъ другую роль, чѣмъ при первобытномъ политеизмѣ. Этотъ единый Богъ не есть олицетвореніе какого-либо явленія виѣшней природы, но — выдѣленіе въ иѣчто самостоятельное духовнаго существа человѣка, а такъ какъ существо это едино, то и божество не можетъ быть множественнымъ. А въ его совершеннѣйшемъ философскомъ видѣ функція этого единаго Бога сводится къ тому, чтобы объяснить происхожденіе моральнаго закона, чѣмъ и исчерпывается его задача. Вмѣшательство въ міровой ходъ вещей по примѣру старыхъ

боговъ—не есть дѣло Бога; въ этой области достаточно было—по крайней мѣрѣ, для философовъ—допустить существованіе законмѣрной связи между причиной и дѣйствиємъ.

Конечно, чѣмъ больше это воззрѣніе становилось популярнымъ, тѣмъ больше единый, всевышній, всеобъемлющій и вседѣсущій Духъ снова пріобрѣталъ индивидуальныя черты, тѣмъ больше сталъ онъ принимать участіе въ міровыхъ дѣлахъ и тѣмъ чаще стали снова появляться на сцену также и старые боги. Теперь они выступали въ качествѣ посредниковъ между Богомъ и людьми, какъ святые и ангелы. Но и въ этой популярной формѣ сохранился пренебрежительный взглядъ на природу, сохранилось воззрѣніе, что духовная, а именно моральная сущность человѣка имѣеть сверхъестественное происхожденіе и служить несомнѣннымъ доказательствомъ существованія сверхъестественнаго міра.

Между обѣими крайностями—Платономъ и Эпикуромъ — были возможны многообразныя промежуточныя стадіи. Важнѣйшей между ними была *стоическая философія*, основанная *Зенономъ* (341 г. до 270 г. до нашей эры). Подобно Платоновской, и она также противилась тому, чтобы выводить моральный законъ изъ удовольствія или эгоизма отдѣльныхъ, бранныхъ индивидуумовъ; въ этомъ законѣ признавалась ею наличность высшей, надъ индивидуумомъ стоящей, силы, которая въ состояніи натолкнуть человѣка на поступки, причиняющіе ему боль, страданіе и даже смерть. Но, въ противоположность Платону, эта философская школа видѣла въ моральномъ законѣ не вѣчто сверхъестественное, а продуктъ природы. Добродѣтель пронетекаетъ изъ познанія природы; счастье достигается, если человѣкъ поступаетъ согласно природѣ, т. е. согласно вселенной или міровому разуму. Познать природу, поступать согласно ей разумно, т. е. добродѣтельно, добровольно подчиняться ея необходимости, не заботясь объ удовольствіи или неудовольствіи—вотъ путь къ блаженству, по которому шествуетъ мудрецъ. Но изслѣдованіе природы—это только средство къ достиженію цѣли—изслѣдованія добродѣтели. И сама природа объясняется у стоиковъ съ моральной точки зрѣнія. Практическій результатъ стоической этики—не стремленіе къ удовольствію, но презрительное отношеніе къ мірскимъ благамъ. Но презрѣніе къ міру, въ

копцѣ концовъ, должно служить той же цѣли, которая Зенону и Эпикуру казалась высшей: душевному покою индивидуума. Общественныя системы имѣютъ своимъ первоисточникомъ потребность въ покой.

Этому промежуточному положенію стоической этики между Платоновскою и Эпикуровскою соответствовала также космогонія, набросанная стоицизмомъ. Толкованіе природы не есть для стоицизма нечто безразличное, но природа кажется ему своеобразной метакосмически матеріалъ змѣй допускающей существованіе божественной перьсилы, изъ которой происходитъ также человѣческая душа. Но эта перьсила, первобытный огонь — матеріальна, стоитъ не вѣдъ природы, но внутри ея, душа также не безсмертна, хотя бы она и дольше существовала, чѣмъ человеческое тѣло. Въ концѣ концовъ, она пожирается первобытнымъ огнемъ. Стоицизмъ и платонизмъ въ заключеніе вошли элементами въ христіанство и преодолѣли въ этомъ видѣ матеріалистическій эпикурензмъ. Материализмъ послѣдняго могъ удовлетворить только такой классъ или общество, которое было удовлетворено существующей дѣйствительностью, находило въ ней свое удовольствіе и счастье и не чувствовало потребности въ другомъ ея состояніи.

Эпикурензмъ должны были отвергнуть классы, которымъ эта дѣйствительность казалась отвратительной и мучительной — оппобующіе классы старой аристократіи, а также эксплуатируемые классы, для которыхъ и настоящее и будущее на этомъ свѣтѣ должны были казаться одинаково безнадежными, если допустить, что міръ матеріальный, т. е. міръ эмпирической, былъ единственнымъ, если нельзя было уповать на Всемогущаго Бога, который могъ весь этотъ міръ разрушить. Наконецъ, матеріализмъ должно было отвергнуть все общество, павшее до того, что даже господствующіе въ немъ классы стали страдать, что даже они пришли къ убѣжденію, что добро не имѣетъ своимъ источникомъ реальный міръ, гдѣ зарождается одно только зло. Презирать міръ на подобіе стонковъ или ждать спасителя изъ міра потусторонняго или спасителя, подобнаго Христу — такова была единственная альтернатива.

Новый элемент был внесен в христианство благодаря переселению народов, которое на место погибающего общества римского государства поставило другое, в котором от сущности дряхлых остатков римских форм производства и возрели юношески связями германскими товарищескими марками и главным жизнерадостным мирозерцанием возникло своеобразное новообразование.

Съ одной стороны, христианская церковь послужила связью, которая сдерживала новые государственные основы; здесь, повидимому, снова подтвердилось учение, что духъ сильнее материи, что разумъ христианскаго духовенства показалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы обуздать германскихъ варваровъ и подчинить ихъ. И эта грубая сила, беря свое начало въ материальномъ мѣрѣ, казалась представителямъ христианства источникомъ всего злого, если только она не направлялась духомъ, не держалась имъ въ нововеніи; духъ же этотъ, напротивъ того, казался имъ олицетвореніемъ всего хорошаго.

Такимъ образомъ новое общественное положение способствовало укрѣпленію философской основы христианства и его этики. Но, съ другой стороны, благодаря этому новому положенію въ общество былъ внесенъ элементъ жизнерадостности и самоуверенности, котораго въ эпоху возникновенія христианства ему не доставало. Даже христианскому духовенству—по крайней мѣрѣ, въ его массѣ—мѣръ также не казался ужъ больше юдолюю печали, и оно также было охвачено радостью бытія, веселымъ эпикуреизмомъ, правда грубымъ, ничего облаго не имѣвшимъ съ первоначальнымъ эпикуреизмомъ античной философіи. Тѣмъ не менѣе духовенство должно было держаться христианской этики, которая не была уже выраженіемъ ихъ собственныхъ чувствъ, по служила средствомъ для сохраненія господства надъ народомъ. Да и все побуждало ихъ признавать философскую основу этой этики—самостоятельность, даже превосходство духа надъ реальнымъ міромъ. Такимъ образомъ измѣнившееся общественное положеніе давало, съ одной стороны, новые стимулы къ созданію материалистической этики, между тѣмъ какъ, съ другой, она вызывала рядъ причинъ, способствовавшихъ прочности христианской этики. Отсюда про-

истекла та двойственная этика, которая стала отличительнымъ признакомъ христіанства—вышнее признаніе морали, только отчасти являющейся выраженіемъ нашего дѣйствительнаго моральнаго чувства и хотѣнія, а слѣдовательно—регуляторомъ нашихъ поступковъ. Другими словами, *моральное лицемеріе* отнынѣ стало постояннымъ общественнымъ установленіемъ, и нигдѣ оно такъ рѣзко не выражено, какъ въ христіанствѣ.

Этика и религія отнынѣ являлись неразрывно связанными. Конечно, моральный законъ послужилъ логическимъ творцомъ единого Бога; но въ христіанствѣ Богъ скорѣе выступалъ творцомъ моральнаго закона. Безъ вѣры въ Бога, безъ религіи—нѣтъ нравственности. Каждый этический вопросъ становился вопросомъ теологіи, а такъ какъ самой первоначальной и самой наивной формой всякаго соціальнаго возмущенія было моральное возмущеніе, сознаніе безнравственности существующаго общественнаго строя, то каждое общественное возмущеніе начиналось въ формѣ теологической критики; это, конечно, происходило также въ силу того обстоятельства, что церковь была наиболѣе яркой формой господства, римское духовенство вѣнчаннымъ и наиболѣе распространеннымъ классомъ эксплуататоровъ эпохи среднихъ вѣковъ, такъ что всякое возстаніе противъ какой-либо формы эксплуатации начиналось въ первую очередь съ церкви.

Даже послѣ того какъ съ эпохи возрожденія снова воскресло философское мышленіе, вопросы этики еще долго оставались вопросами религіозными.

II. ЭТИКА ВѢКА ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Начиная съ эпохи возрожденія, снова принялись за изученіе природы, а вмѣстѣ съ этимъ и за философію, которая до восемнадцатаго столѣтія оставалась преимущественно натурфилософіей и, какъ таковая, значительно подняла уровень нашего познанія, по сравненію съ древностью; исходнымъ пунктомъ для нея послужили усѣхи, достигнутые арабами въ области естественныхъ наукъ въ средніе вѣка, усѣхи, превысившіе результаты грече-

скаго знанія. Кульминаціоннымъ пунктомъ этой философской эпохи является, несомнѣнно, ученіе *Спинозы* (1632 г. до 1677 г.).

Этика у мыслителей этого времени стояла на второмъ планѣ, она была подчинена познанію природы, въ которое входила, какъ часть. Но она опять выступила на передній планъ, когда быстрый ростъ капитализма въ восемнадцатомъ вѣкѣ создалъ для Западной Европы положеніе, сходное съ тѣмъ, какое создалось для Греціи вслѣдствіе экономическаго подъема, наступившаго послѣ перспидскихъ войнъ; положеніе это выразилось въ быстромъ крушеніи стараго экономическаго строя, а въ силу этого—въ распаденіи унаслѣдованныхъ общественныхъ организацій и моральныхъ воззрѣній. Наступила, выражаясь современнымъ языкомъ, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, а въ силу этого—дѣятельное мышленіе и изслѣдованіе по вопросу о сущности и основѣ морали. Но наряду съ этимъ, конечно, началось такое же усердное изслѣдованіе сущности новой формы производства. Одновременно съ выступленіемъ этики появилась новая наука, которая не была извѣстна древности, специфическое дитя капиталистическаго товарнаго производства, для поясненія котораго она служить—*политическая экономія*.

Въ этикѣ мы опять встрѣчаемся съ тремя, рядомъ идущими, направленіями, указывающими на нѣкоторую параллель съ тремя направленіями древности—платоновскимъ, эпикурейскимъ и стоическимъ: антиматеріалистическое — унаслѣдованное христіанское — матеріалистическое и, наконецъ, среднее между ними. Воспрянувшая буржуазія, жизнерадостная, отдавшаяся жизненнымъ наслажденіямъ,—по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ передовыхъ элементовъ, именно интеллигенціи, — чувствовала себя теперь достаточно сильной, чтобы открыто сбросить съ себя тѣ лицемѣрныя покрывала, въ которыя она вынуждена была кутаться по милости господствующаго христіанства. И какъ бы печальнымъ ни казалось иной разъ настоящее, все же воспрянувшая буржуазія чувствовала, что лучшая часть дѣйствительности, будущее принадлежитъ ей, и она чувствовала себя способной превратить сію юдоль печали въ рай, въ которомъ людямъ можно будетъ поступать согласно своимъ склонностямъ. Въ дѣйствительной жизни

Карль Каутскій. Этика.

Областная
библиотека
№ 10604
Удѣльному завѣдующему
отделенію

видѣли зародыши всего добраго, а не всего злого. Это новое умственное направленіе встрѣтило, однако, благодарную публику не въ однихъ только передовыхъ слояхъ буржуазіи, но также и среди придворной знати, которая тогда завоевала себѣ такую абсолютную власть въ государствѣ, что и она полагала возможнымъ, предаваясь усядамъ жизни, не прикрываться личной христіанскаго лицемѣрія, тѣмъ болѣе что между нею и народомъ лежала глубокая пропасть. На мѣщанство и крестьянство аристократія смотрѣла, какъ на существъ низшаго порядка, которымъ абсолютно недоступна и непонятна ея философія, а потому она считала возможнымъ, не стѣсняясь, развивать эту философію, не боясь въ то же время ослабить этимъ силу своего господства, силу христіанской религіи и этики. Сильнѣе всего эти условія, вызывавшія новыя воззрѣнія на жизнь и этику, развились во Франціи. Тамъ они были и наиболѣе рѣзко выражены. Какъ въ старомъ эпикуреизмѣ, такъ и въ новой философіи просвѣщенія *Ламетри* (1709 г. до 1751 г.), *Гольбаха* (1723 г. до 1789 г.) и *Гельвеція* (1715 г. до 1771 г.) этика эгоизма, пользы и удовольствія находилась въ тѣснѣйшей логической связи съ матеріалистической философіей. Миръ, познаваемый путемъ опыта, кажется имъ единственнымъ, достойнымъ вниманія.

Причины этого новаго вида эпикуреизма были по своему характеру сходны съ причинами, вызвавшими ученіе стараго эпикуреизма; сходны были также и результаты, къ которымъ оба эти ученія пришли. Тѣмъ не менѣе по одному существенному пункту эти два вида эпикуреизма обнаруживали различіе. Старый эпикуреизмъ не стремился къ испроверженію унаслѣдованныхъ религіозныхъ воззрѣній; онъ сумѣлъ къ нимъ приспособиться, онъ не былъ также ученіемъ революціоннаго класса, онъ не проповѣдывалъ борьбы, но—только созерцательное наслажденіе. Скорѣе платоновскій идеализмъ и деизмъ былъ ученіемъ сокрушенія унаслѣдованныхъ религіозныхъ воззрѣній, ученіемъ недовольныхъ классовъ.

Иначе было съ философіей просвѣщенія. Правда, и въ ней коренилось консервативное начало, и она находила удовольствіе къ созерцательномъ наслажденіи, поскольку она служила потребно-

стямъ придворной знати, которая черпала средства своего существованія изъ существующей абсолютной государственной власти. Но въ главномъ это все же была философія наиболѣе интеллигентныхъ, наиболѣе развитыхъ, а также наиболѣе смѣлыхъ элементовъ воспрянувшей буржуазіи. Это то и придавало ей революціонный характеръ философіи вѣка просвѣщенія. Ставъ съ самаго начала въ противорѣчіе съ унаслѣдованной религіей и этикой, философія эта, по мѣрѣ того какъ спала и осмосознаніе буржуазіи, постепенно ставилась все болѣе возрѣніемъ борьбы, возрѣніемъ, которое совершенно отдалилось отъ стараго эпикуреизма и проповѣдывало борьбу противъ поповъ и тирановъ, борьбу за новые идеалы. Характеръ нравственныхъ возрѣній и уровень нравственныхъ страстей, согласно французскимъ матеріалистамъ, опредѣляется жизненными условіями людей, именно конституціей государства, а также воспитаніемъ. Эгоизмъ всегда присущъ человѣку; но чувство это можетъ принять ярко социальный характеръ, если общество такимъ образомъ организовано, что эгоистическій интересъ сливается съ интересомъ общественнымъ, что людскія страсти служатъ общественному благу. Истинная же добродѣтель выражается въ радѣніи о общественномъ благѣ, она только такъ можетъ проявиться, гдѣ человѣкъ, служа общественному благу, служитъ также и себѣ, гдѣ онъ не можетъ нанести вредъ общественному благу, чтобы тѣмъ самымъ не повредить себѣ.

Только непониманіе людьми собственныхъ высшаго порядка интересовъ, не носящихъ минутнаго характера, незнакомство съ лучшими государственными формами должно неизбежно приводить къ конфликту между общественнымъ и личнымъ благомъ. Нужно положить конецъ этому невѣжеству, что можетъ быть достигнуто созданіемъ такихъ формъ государственныхъ и общественныхъ, такихъ формъ воспитанія, которыя были бы согласны съ разумомъ, и при помощи ихъ создать прочную основу счастья и добродѣтели.

Здѣсь замѣтны слѣды вліянія революціонно настроеннаго французскаго матеріализма, который считалъ тогдашнее государство источникомъ всякихъ пороковъ, т. е. противорѣчія между общественнымъ благомъ и частнымъ интересомъ. Благодаря этому взгляду, французскій матеріализмъ становится выше древняго эпикуреизма, по,

въ силу того же взгляда, онъ также увеличиваетъ слабость позиціи, занятой его этикой.

Вѣдь дѣло не въ томъ только, чтобы позбрѣсть наилучшія формы для государства и общества. Надо же еще *бороться* за нихъ, надо выступить противъ господствующихъ властителей, испровергнуть ихъ, чтобы водворить царство добродѣтели. Но для этого нужны большія моральныя добродѣтели, а откуда имъ взяться, если существующее общество столь дурно, что въ немъ никакая добродѣтель, никакая нравственность не могутъ пускать ростки. Не должна ли раньше имѣться въ наличности болѣе высокая нравственность, чтобы могло возникнуть высшаго порядка общество? Не долженъ ли въ насъ жить нравственный идеалъ раньше, чѣмъ нравственный порядокъ станетъ фактомъ? Но откуда взяться этому нравственному идеалу въ порочномъ мірѣ?

На это мы не получаемъ удовлетворительнаго отвѣта.

Нѣсколько иначе, чѣмъ французы, старались объяснить нравственный законъ англичане восемнадцатаго вѣка. Они, въ общемъ, оказывались менѣе смѣлыми и болѣе склонными къ компромиссамъ, что соответствовало исторіи Англіи со времени реформации. Положеніе Англіи, какъ острова, особенно благопріятствовало въ эту эпоху ея экономическому развитію. Она занялась мореплаваніемъ, которое въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, при помощи колонизаціонной системы, повело къ ея быстрому обогащенію. Благодаря своему положенію, Англія освободилась отъ тягостей и опустошеній сухопутныхъ войнъ, которыя истощали континентальныя государства. Такимъ образомъ Англія быстрѣе другихъ европейскихъ націй обогащалась въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и въ экономическомъ отношеніи стала во главѣ ихъ. Но когда въ какой-либо странѣ раньше, чѣмъ въ другихъ, выступаютъ новые классы, новыя классовыя противорѣчія и черезъ это новыя общественныя задачи, то самосознаніе новыхъ классовъ обыкновенно еще недостаточно развито, оно еще находится подъ сильнымъ вліяніемъ старыхъ формъ мышленія, такъ что и классовыя противорѣчія тоже проявляются въ недоразвитомъ видѣ. Благодаря этому, въ такой странѣ дѣло не доходитъ сразу до рѣшительныхъ стычекъ на почвѣ классовой борьбы, здѣсь не удастся одержать верхъ

надъ старыми классами, которые продолжаютъ еще неограниченно господствовать во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Новые классы въ такой странѣ еще не способны къ единовластному господству, ибо еще не въ состояніи ориентироваться въ своемъ положеніи; испуганные новизной собственныхъ стремленій, они сами еще ищутъ опоры и точесъ соприкосновенія съ унаслѣдованными условіями.

Въ виду этого, можно считать, кажется, закономъ всеобщаго развитія, что страны, въ экономическомъ развитіи опережающія другія, обнаруживаютъ склонность ограничиваться компромиссами вмѣсто радикальныхъ рѣшеній.

Такъ, напр., Франція въ средніе вѣка стояла рядомъ съ Италіей во главѣ экономическаго развитія Европы. Вслѣдствіе этого Франція также одной изъ первыхъ встала въ оппозицію къ римскому папству, и ея правительственная власть первая выступила противъ папы. Но такъ какъ при этомъ Франція упустила случай, не стремилась къ тому, чтобы основать собственную государственную церковь, то она вынудила папскую власть лишь на компромиссъ, который съ ничтожными перерывами длится до нынѣшнихъ временъ. Зато два государства, выступившія позднѣе всѣхъ, напротивъ, оказались наиболѣе радикальными борцами противъ папской власти, хотя въ экономическомъ отношеніи они были наиболѣе отсталыми; я говорю о Шотландіи и Швеціи.

Со времени реформаціи на мѣсто Франціи и Италіи пионерами экономическаго развитія выступила Англія и вмѣстѣ съ ней Шотландія благодаря чему компромиссъ сталъ для этихъ странъ формою разрѣшенія классовой борьбы. Именно потому, что въ XVII вѣкѣ капиталъ въ Англіи сильнѣе разрастался, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а также потому, что опъ тамъ раньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, вступилъ въ борьбу съ феодальной аристократіей, борьба эта закончилась компромиссомъ, приведшимъ къ тому, что и повнѣе феодальная поземельная собственность въ Англіи сильнѣе, чѣмъ въ любой изъ европейскихъ странъ, за исключеніемъ развѣ Австро-Венгріи. Въ силу того же слишкомъ быстрого экономическаго развитія, классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей вспыхнула въ Англіи впервые въ мірѣ. Борьба эта началась въ такое время, когда ни пролетаріатъ, ни промышленные капита-

листы не отдѣлялись еще отъ мелкобуржуазнаго міросозерцанія; въ ту эпоху многіе и даже пропитательные наблюдатели обоихъ классовъ валили ихъ въ одну кучу, подъ именемъ «промышленныхъ», въ ту эпоху не развился еще ни типъ пролетаріата, полного самосознанія, уповающаго на будущее своего класса, ни типъ совершенно господствующихъ въ государствѣ промышленныхъ магнатовъ — капиталистовъ. Такимъ образомъ борьба обоихъ классовъ послѣ кратковременной бурной вспышки завершилась компромиссомъ, который сдѣлалъ на цѣлые десятки лѣтъ господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ въ Англіи болѣе неограниченнымъ, чѣмъ въ любой странѣ съ современнымъ производствомъ.

Разумѣется, дѣйствія этого закона, какъ и всякаго другого, могутъ быть задержаны какими-нибудь, становящимися по пути, побочными вліяніями или, наоборотъ, могутъ быть усилены благоприятными тенденціями. Но, во всякомъ случаѣ, вопросъ достаточно серьезенъ, чтобы остерегаться популярнаго пониманія историческаго матеріализма, который будто бы гласитъ, что въ странѣ, стоящей во главѣ экономическаго развитія, формы классовой борьбы, соответствующія ей, бываютъ наиболѣе рѣзко и рѣшительно выражены.

Матеріализмъ и атеизмъ, равно какъ и этика, тоже подчинились въ Англіи духу компромисса, господствовавшаго тамъ, начиная съ семнадцатаго столѣтія. Борьба пробудившихся демократическихъ классовъ противъ независимой отъ буржуазіи, преданной феодальному дворянству, монархической государственной власти съ ея придворной знатію и государственной церковью началась въ Англіи слишкомъ на цѣлое столѣтіе раньше, чѣмъ во Франціи, въ такое время, когда немногіе освободились отъ тисковъ христіанскаго мышленія. Если во Франціи борьба противъ государственной церкви приняла характеръ борьбы между христіанствомъ и атеистическимъ матеріализмомъ, то въ Англіи она была только борьбой демократическихъ христіанскихъ сектъ противъ секты, организованной въ государственную церковь. И если во Франціи въ вѣкъ просвѣщенія большинство интеллигенціи и классы, на которые она оказывала вліяніе, придерживались матеріалистическаго и атеистическаго образа мыслей, то англійская интеллигенція несвѣза

компромисса между матеріализмомъ и христіанствомъ. Правда, повѣйшій матеріализмъ впервые открыто былъ формулированъ въ Англіи *Томасомъ Гоббесомъ* (1588 г. до 1679 г.); правда, въ Англіи находились мыслители по вопросамъ этики, смѣлость которыхъ превосходила даже самыхъ смѣлыхъ французовъ, каковымъ былъ *Мандевиль* (1670 г. до 1733 г.), который рассматривалъ мораль какъ орудіе господства, какъ средство къ угнетенію рабочихъ классовъ, и который въ порокъ видѣлъ корень всякаго общественнаго блага. Но на мышленіе англійской націи такія идеи оказывали мало вліянія. Христіанскій образъ мыслей остался признакомъ благопристойности, и лицемѣрно выказывать таковой, хотя бы онъ въ душѣ не находилъ сочувствія, стало задачей даже всякаго ученаго, если онъ только не хотѣлъ вступить въ конфликтъ съ обществомъ.

Такимъ образомъ англичане встали въ критическое отношеніе къ той матеріалистической этикѣ, которая стремилась обосновать моральный законъ на себялюбіи, или удовольствіи, или пользѣ индивидуума. Правда, интеллигентные представители пробудившейся буржуазіи пытались также и въ Англіи рассматривать нравственный законъ какъ естественное явленіе, но они признавали, что его принудительная сила не можетъ быть объяснена одними только мотивами пользы; на ихъ взглядъ слишкомъ искусственны были тѣ конструкции, которыя нужно было соорудить, чтобы даже просто связать велѣнія нравственности съ побудительными мотивами пользы или удовольствія, не говоря уже о томъ, чтобы послѣднія считать исключительной побудительной силой первыхъ. Поэтому они тщательно различаютъ наряду съ эгоистическими и симпатическія побужденія челоѵка, допускаютъ существованіе *моральнаго чувства*, которое побуждаетъ людей къ дѣятельности на благо своего ближняго. Послѣ шотландца *Гетчисона* (1694 г. до 1747 г.) представителемъ этого ученія выступилъ великій экономистъ *Адамъ Смитъ* (1723 г. до 1790 г.). Въ двухъ своихъ капитальныхъ сочиненіяхъ онъ изслѣдовалъ дѣйствіе обоехъ побудительныхъ мотивовъ челоѵческихъ поступковъ. Въ «Теоріи моральныхъ чувствъ» (1759 г.) онъ исходитъ изъ симпатіи, какъ важнѣйшаго связующаго звена челоѵческаго общества; его «Изслѣдова-

ніе сущности и природы народнаго богатства» выдвигаетъ эгоизмъ, матеріальный интересъ побудительнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ. Книга появилась въ 1776 г., но принципы, содержащіяся въ ней, Смитъ устно изложилъ еще въ 1752 г. или 1753 г. въ Глазговѣ. Его теорія эгоизма и его теорія сочувствія не исключали такимъ образомъ, но дополняли другъ друга.

Если англичане этого направленія противоположали другъ другу эгоизмъ и моральное чувство, то, въ противоположность матеріалистамъ, они такимъ путемъ приближались къ платонизму и христіанству. Но все же ихъ воззрѣнія рѣзко различались отъ воззрѣній того и другого. Ибо если, согласно христіанскому ученію, человѣческая природа дурна, если, согласно Платоновскому ученію, наши природныя побужденія по характеру своему безнравственны, а нравственность есть нѣчто сверхъестественное, подъестественное, то, по воззрѣніямъ англійской школы восемнадцатаго столѣтія, моральное чувство, хотя и стоитъ въ противорѣчій съ эгоизмомъ, является такимъ же естественнымъ побужденіемъ, какъ и послѣдній. Кромѣ того, эгоизмъ не казался этимъ мыслителямъ дурнымъ, но воплѣтъ полноправнымъ побужденіемъ, столь же необходимымъ для процвѣтанія человѣческаго общества, какъ и сочувствіе по отношенію къ ближнимъ. Моральное чувство было такимъ же чувствомъ, какъ и всякое другое человѣческое чувство — нѣкоторымъ образомъ, шестымъ чувствомъ.

Конечно, при допущеніи даже такого взгляда, затрудненіе, какъ и у французскихъ матеріалистовъ, было только отодвинуто, но не разрѣшено. На вопросъ, откуда же именно у человѣка взялось это своеобразное моральное чувство, англичане не находили отвѣта. Оно было свойственно, по ихъ мнѣнію, человѣку по природѣ. Такое объясненіе могло удовлетворить тѣхъ, которые еще придерживались взгляда о существованіи Міросоздателя, но безъ помощи послѣдняго имъ пельзя было бы обойтись въ своихъ толкованіяхъ.

Задача, которую слѣдуетъ себѣ поставить для дальнѣйшаго научнаго развитія этики, казалась, при такомъ положеніи вещей, ясной. Французская, равно какъ и англійская школы много поработали въ пользу психологическаго и историческаго толкованія отдѣльныхъ нравственныхъ ощущеній и воззрѣній. Но ни та, ни

другая не дошли до того, чтобы признать нравственность продуктомъ причинъ, всецѣло лежащихъ въ предѣлахъ нашего опыта. Необходимо было переступить границы англійской школы и изслѣдовать причины моральнаго чувства; нужно было также перешагнуть границы французской школы и указать причины нравственнаго идеала.

Но развитіе идетъ не прямолинейно, оно идетъ путемъ діалектическимъ: оно движется противорѣчіями. Первые шаги философія дѣлала не въ этомъ направленіи, но въ противоположномъ. Въмѣсто того, чтобы еще больше прежняго заключить этическую природу человѣка въ рамки всеобщей естественной необходимости, философія снова совершенно уничтожила эти рамки.

Этотъ шагъ сдѣлала *нѣмецкая философія* благодаря *Канту* (1724 г. до 1804 г.).

Нынѣ принято взывать: назадъ къ Канту! Но кто при этомъ имѣлъ въ виду Кантовскую этику, могъ бы съ одинаковымъ правомъ воскликнуть: *назадъ къ Платону!*

III. ЭТИКА КАНТА.

1. Критика познанія.

Кантъ сталъ на ту же точку зрѣнія, что и матеріалисты. Онъ призналъ, что міръ внѣ насъ дѣйствительно существуетъ, и что исходной точкой всякаго познанія является чувственный опытъ. Но наше эмпирическое познаніе есть нечто сложное, оно составляется изъ воспріятій, полученныхъ путемъ чувственныхъ впечатлѣній, и изъ того, что является продуктомъ одной только нашей познавательной способности; другими словами, наше познаніе природы обуславливается не только свойствами внѣшняго міра, но также свойствами нашей собственной познавательной способности. Для познанія вселенной поэтому столь же необходимо изслѣдованіе нашей познавательной спо-

собности, какъ изслѣдованіе вѣшняго міра. Изслѣдованіе первой является отнынѣ задачей философіи, этой науки наукъ.

Во всемъ вышесказанномъ нѣтъ ничего такого, подъ чѣмъ не подписался бы любой матеріалистъ, и что не было бы раньше высказано самими матеріалистами, за исключеніемъ развѣ послѣдняго положенія. Правда, матеріалисты высказывали это въ такой же формѣ, какъ отдѣльныя положенія матеріалистическаго пониманія исторіи, встрѣчающіяся у нихъ до Маркса, т. е. какъ отдѣльныя замѣчанія, не имѣвшія дальнѣйшихъ плодотворныхъ результатовъ. Кантъ впервые положилъ ихъ въ основу всего своего ученія. Благодаря ему, философія дѣйствительно стала наукой наукъ, задачей которой было не созданіе опредѣленнаго философскаго ученія, но обученіе философствованію, освѣщенію процесса познанія, методическаго мышленія, путемъ критики познавательныхъ способностей.

Но Кантъ переступилъ эти границы, и его великая философская заслуга — изслѣдованіе познавательной способности—стала также его философскимъ грѣхопаденіемъ.

Такъ какъ нашъ чувственный опытъ не даетъ намъ представленія о мірѣ *въ себѣ*, но только о такомъ, каковъ онъ *есть для насъ*, какимъ онъ *является* намъ, благодаря особенностямъ нашей познавательной способности, то міръ *въ себѣ* долженъ быть инымъ, чѣмъ онъ является намъ. Поэтому Кантъ различаетъ міръ явленій — «феномены» — отъ міра вещей *въ себѣ* — «нумены», «абстрактный міръ». Конечно, послѣдній не поддается нашему познанію, онъ лежитъ по ту сторону нашего опыта, а потому намъ нечего имъ и заниматься. Можно было бы только ограничиться констатированіемъ факта, что наше познаніе природы постоянно ограничивается самымъ характеромъ нашей познавательной способности, постоянно является ограниченнымъ, относительнымъ для насъ, не даетъ намъ абсолютныхъ истинъ, не есть нѣчто законченное, но представляетъ собою безконечный процессъ познанія.

Но на этомъ Кантъ не успокоился. Онъ почувствовалъ неутопимую жажду все же бросить взглядъ въ тотъ невѣдомый, неизслѣдованный міръ вещей *въ себѣ*, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть что-либо уловить отъ нихъ.

Дѣйствительно же онъ дошелъ до того, что сталъ объ этомъ мѣрѣ высказывать весьма опредѣленные вещи. Путь къ этому онъ нашелъ въ самой критикѣ нашей познавательской способности *).

Такимъ образомъ онъ открылъ идеальность пространства и времени. Это не понятія, пріобрѣтенныя путемъ опыта, но простыя формы созерцанія природы, существующія только въ нашей познавательной способности. Только въ формѣ представленій пространства и времени мы можемъ познать мѣръ. Но внѣ нашей познавательной способности не существуетъ ни пространства, ни времени. Такимъ образомъ Кантъ дошелъ до того, что о мѣрѣ вещей въ себѣ, этомъ совершенно непознаваемомъ мѣрѣ, высказалъ нѣчто очень опредѣленное, а именно, что въ немъ не существуетъ *ни пространства, ни времени*.

Безъ сомнѣнія, это логическое открытіе является однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ настроеній человѣческаго ума. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно стоитъ внѣ всякихъ возраженій. Напротивъ, противъ него можно чрезвычайно многое возражать, и, въ дѣйствительности, много вѣскаго было выдвинуто противъ Кантовскаго открытія. Допущеніе идеальности пространства и времени ведетъ къ самымъ запутаннымъ противорѣчіямъ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что наши представленія пространства и времени обусловливаются свойствами нашей познавательной способности, но я полагаю бы, что достаточно было сказать, что мы въ состояніи познавать лишь тѣ взаимоотношенія въ природѣ, которыя укладываются въ нашей познавательной способности въ категоріи пространства и времени. Идеальность пространства и времени обозначаетъ въ такомъ случаѣ, какъ и вещь въ себѣ, только извѣстный предѣлъ нашего познанія. Соотношенія такого рода, которыя не укладываются въ форму представленій пространства и времени, если таковыя существуютъ въ дѣйствительности, чего мы не знаемъ,—недостижимы для насъ,

*) Выключая изъ опыта все то, что является продуктомъ чувственного воспріятія, наша познавательная способность должна дойти до представленія въ чистомъ видѣ формъ познанія и созерцанія, которыя съ самаго начала, а priori равнѣе всякаго опыта, заложены были въ нашей „душѣ“.

подобно тому, какъ для нашего зрѣній недоступны ультрафіолетовые и ультракрасные лучи.

Но не такъ себѣ представляетъ дѣло Кантъ. Такъ какъ пространство и время являются тѣми формами, въ которыхъ моя познавательная способность только и въ состояніи познавать міръ, то онъ пришелъ къ заключенію, что пространство и время суть формы, присущія лишь моей познавательной способности, для которыхъ не существуетъ никакихъ соотношеній въ дѣйствительномъ мірѣ. Въ своихъ «Прологеменахъ ко всякой будущей метафизикѣ» Кантъ сравниваетъ представленія пространства съ представленіемъ цвѣтовъ. Это сравненіе намъ кажется очень подходящимъ, но оно никоимъ образомъ не доказываетъ того, что хочетъ доказать Кантъ. Если киповаръ представляется мнѣ красной, то это несомнѣнно обуславливается особенностью моей зрительной способности. Въ ея не существуетъ цвѣтовъ. То, что для меня является въ формѣ цвѣта, вызывается волнами эфира опредѣленной длины, попадающими въ мой глазъ. Но если бы мы вздумали разсматривать эти волны въ отношеніи цвѣта, какъ вещь въ себѣ,—въ дѣйствительности, разумѣется, это не такъ,—то наша зрительная способность была бы не способностью видѣть вещи въ себѣ такими, каковы онѣ суть, но такими, каковы онѣ не суть; это была бы не способность *познанія*, но способность *самообмана*.

Но иначе обстоитъ дѣло, если мы разсматриваемъ не одинъ какой-либо цвѣтъ, но нѣсколько цвѣтовъ подрядъ, взаимно *различаемъ* ихъ. Каждый изъ этихъ цвѣтовъ вызывается различными волнами опредѣленной длины. Разницъ въ цвѣтахъ соотвѣтствуетъ разница въ длинѣ эфирныхъ волнъ. Эти *различія* кроются не въ моей зрительной способности, но во внѣшнемъ мірѣ. Моя зрительная способность содѣйствуетъ только тому, что эти различія доходятъ до моего сознанія въ опредѣленной формѣ—въ формѣ цвѣта. Какъ средство познавать эти различія, она является реальной зрительной способностью, не фиктивной. Различія эти не суть простыя явленія. То, что я вижу и зеленый, и красный, и бѣлый цвѣтъ, обуславливается моей зрительной способностью. Но что зеленое есть нѣчто иное, чѣмъ красное—это указываетъ на что-то внѣ меня лежащее, на существованіе реальныхъ различій въ вещахъ.

Но, кромѣ того, своеобразіе моеѣ зрительной способности содѣйствуетъ тому, что я ощущаю при ея посредствѣ колебанія эфира. Всякое другое впечатлѣніе внѣшняго міра я такимъ путемъ не могу воспринять.

Какъ со зрительной способностью, такъ обстоитъ дѣло со всякой познавательной способностью вообще. Способность эта помогаетъ мнѣ только воспринимать представленія пространства и времени, т. е. она указываетъ мнѣ на такія соотношенія вещей, которыя въ состояніи вызывать въ моемъ мозгу представленія пространства и времени. На впечатлѣнія другого рода, если бы таковыя существовали, она не реагируетъ. А моя познавательная способность содѣйствуетъ тому, что до моего сознанія эти впечатлѣнія доходятъ въ особомъ видѣ. Въ этомъ отношеніи категоріи пространства и времени находятся въ связи со свойствами моеѣ познавательной способности. Но *отношенія* и *различія* самихъ вещей, которыя познаются мною въ формѣ отдѣльныхъ представленій пространства и времени, при чемъ различныя вещи кажутся мнѣ большими и малыми, близкими и отдаленными, являются раньше или являются позже—все это *реальныя* отношенія и различія внѣшняго міра, они не обусловливаются способомъ моеѣ познавательной способности.

Если мы и не можемъ познать отдѣльную вещь въ себѣ, если въ этомъ отношеніи наша способность познанія есть способность непознанія, но мы все же познаемъ *дѣйствительныя различія* вещей. Эти различія не представляютъ собою простыхъ явленій, хотя бы созерцаніе ихъ получалось въ видѣ явленій; они существуютъ внѣ насъ и могутъ быть познаваемы нами, конечно, только въ опредѣленной формѣ.

Кантъ, напротивъ, полагалъ, что не только пространство и время суть формы нашего созерцанія, но что также *различія* пространства и времени въ явленіяхъ коренятся только въ нашемъ умѣ, что они не указываютъ на нѣчто реальное. Если бы дѣло, дѣйствительно, такъ обстояло, то въ такомъ случаѣ всѣ явленія имѣли бы исходнымъ пунктомъ нашъ умъ, такъ какъ всѣ они принимаютъ форму пространства и времени, и тогда мы ничего не могли бы узнать о внѣшнемъ мірѣ, даже того, существуетъ

ли онъ. Если же вѣкъ насъ существуетъ мѣръ, тогда, благодаря идеальности пространства и времени, наша познавательная способность представляла бы собою не только несовершенный, односторонний механизмъ, именно такой, при посредствѣ котораго мы получаемъ одностороннее познаніе міра, но она являлась бы, напротивъ, въ своемъ родѣ совершеннымъ механизмомъ, именно прекрасно приспособленнымъ для того, чтобы исключить какое бы ни было познаніе міра; во всякомъ случаѣ это былъ бы механизмъ, которому названіе *познавательная* способность совсѣмъ ужь не подобало бы.

Пусть Кантъ отворачивается съ особой энергіей отъ «мистическаго» идеализма Беркли, котораго онъ думалъ побить своимъ «критическимъ» идеализмомъ. Его критика принимаетъ такое направленіе, при которомъ предпосылка, что мѣръ дѣйствительно существуетъ и можетъ быть познанъ путемъ опыта, совершенно теряетъ свое значеніе; покосившись, съ одной стороны, съ мистицизмомъ, Кантъ при посредствѣ той же критики торжественно раскрываетъ для того же мистицизма ворота, черезъ которыя тотъ снова влѣзаетъ подъ трубные звуки.

2. Нравственный законъ.

Кантъ исходилъ изъ того положенія, что мѣръ дѣйствительно существуетъ вѣкъ насъ, не только въ нашей головѣ, и что познаніе его можетъ происходить только эмпирическимъ путемъ. Его философской задачей, казалось, было изслѣдованіе условій опыта, границъ нашего познанія. Но это именно изслѣдованіе послужило для него ступеню, прыгая черезъ которую онъ переступилъ границы и открылъ непознаваемый мѣръ; о немъ онъ въ точности узналъ, что онъ совсѣмъ другого рода, чѣмъ мѣръ нашихъ явленій, что онъ вѣкъ пространства и времени, а въ силу этого и безъ начала.

Но къ чему понадобился Канту этотъ головоломный *salto mortale* за предѣлы нашего познанія, благодаря чему онъ потерялъ почву подъ ногами? Это было вызвано не причиной логическаго характера, ибо благодаря именно своему скачку Кантъ

впалъ въ противорѣчїя, которыя опровергли его собственную исходную точку зрѣнія. Здѣсь въ основѣ лежала скорѣе подкладка историческаго характера; она-то и пробудила въ Кантѣ потребность въ допущеніи существованія сверхчувственнаго, міра, эту-то потребность Кантъ во что бы то ни стало хотѣлъ удовлетворить.

Если въ восемнадцатомъ столѣтіи Франція на сто лѣтъ отстала отъ Англіи, то настолько же Германія отстала отъ Франціи. Если англійская буржуазія не нуждалась больше въ матеріализмѣ, такъ какъ она безъ его содѣйствія справилась съ феодално-абсолютистической государственной властью и ея церковью, то нѣмецкая буржуазія не чувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы вступить въ открытую борьбу съ государственной властью и церковью. Въ силу этого, она пугалась также и матеріализма. Послѣдній проникъ въ восемнадцатомъ столѣтіи въ Германію, равно какъ и въ Россію, не какъ философія *борьбы*, но какъ философія *наслажденія*, въ формѣ, приспособленной къ потребностямъ «просвѣщеннаго» деспотизма. Онъ процвѣталъ при княжескихъ дворахъ бокъ-о-бокъ съ самой ограниченной ортодоксіей. Но въ душѣ мѣщанства, даже у самыхъ смѣлыхъ и независимыхъ его борцовъ, обыкновенно оставался еще слѣдъ христіанскаго образа мысли, отъ котораго они не могли отдѣлаться.

Это именно и привлекло симпатіи нѣмецкихъ философовъ на сторону англійской философіи. На Банта англійская философія тоже фактически оказала большое вліяніе. Я не припомню, чтобы у него гдѣ-либо упоминался по имени какой-нибудь изъ французскихъ матеріалистовъ восемнадцатаго столѣтія. Зато англичанъ семнадцатаго и восемнадцатаго вѣка онъ, напротивъ, цитируетъ съ любовью—именно Локка, Юма, Беркли, Пристлея.

Но все же между нѣмецкой и англійской философіей существовала большая разница. Англичане создавали свою философію въ эпоху наиболѣе быстрого практическаго подъема, въ эпоху великой практической борьбы. Практика захватила всѣ ихъ умственные силы; и въ философіи англичанъ тоже господствовала практическая точка зрѣнія. Англійскіе философы дали болѣе значительные труды въ области экономіи, политики, естествознанія, чѣмъ по философіи.

Для нѣмецкихъ философовъ не существовало такой практической дѣятельности, которая мѣшала бы имъ сосредоточить всю силу своего мышленія на глубочайшихъ, абстрактныхъ проблемахъ науки. Въ этой области у нихъ не было соперниковъ за предѣлами Германіи. Это вызывалось не какими-нибудь особыми германскими расовыми качествами, но условіями времени. Въ шестнадцатомъ и въ первыя двѣ трети семнадцатаго столѣтія самыхъ глубокихъ философскихъ мыслителей давали Италия, Франція, Голландія, Англія, но не Германія. Только политическое затишье, наступившее послѣ тридцатилѣтнихъ войнъ, дало перевѣсъ Германіи въ области философій, подобно тому, какъ «Капиталъ» Маркса былъ созданъ въ періодъ реакціи, наступившей послѣ 1848 г.

Но такого человѣка, какъ Кантъ, несмотря на всѣ его симпатіи къ англичанамъ, не могла удовлетворить нѣмецкая философія; точно такъ же критически онъ отнесся и къ материализму. Какъ въ той, такъ и другой философій наиболѣе слабымъ пунктомъ, однако, показалась ему *этика*. Онъ находилъ совершенно невозможнымъ провести необходимую связь между нравственнымъ закономъ и природой, т. е. «міромъ явленія»... Объясненіе перваго нуждалось въ другомъ мірѣ, лежащемъ внѣ пространства и времени, мірѣ чистаго Духа, въ предполагаемомъ мірѣ свободы въ противоположность міру явленій, надъ которыми господствуетъ необходимое сцѣпленіе причинъ и дѣйствій. Съ другой стороны, однако, и христіанскія чувства должны были также пробудить въ Кантѣ, воспитанномъ въ благочестіи, потребность признать существованіе такого міра, въ которомъ возможно было бытіе Бога и безсмертіе *).

) Какъ курьезъ слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что Бернштейновская острога „Kant противъ Zant“, подходитъ къ тому факту, что Кантъ самъ былъ Zant (писался черезъ C).—Его прадѣды были шотландцами по происхожденію... „Его отецъ, по ремеслу сѣдельникъ, писалъ еще свою фамилію на шотландскій манеръ—Sant; только нашъ философъ переимѣнилъ за благо-времени начальную букву, чтобы предупредить ошибочное прозяновеніе имени (Zant) (Купо Фишеръ, „Исторія новѣйшей философій“, III, стр. 52). Семья Канта была строго благочестивая, и отъ этого влѣднія Кантъ никогда

Такъ какъ Кантъ былъ вынужденъ признать, что Богъ и безсмертіе совершенно излишни въ нашемъ мірѣ, подлежащемъ опыту, то ему оставалось искать для ихъ пребыванія міръ по ту сторону опыта; вотъ тотъ-то міръ вещей въ себѣ, лежащихъ внѣ пространства и времени, «абстрактный» міръ, наилучшимъ образомъ соотвѣтствовалъ тому, что требовалось Канту.

Лучшимъ доказательствомъ существованія Бога и безсмертія въ потустороннемъ мірѣ служилъ для Канта нравственный законъ. Такимъ образомъ мы у него, какъ и у Платона, снова встрѣчаемъ, что выведеніе естественно научнымъ путемъ происхожденія нравственнаго закона и допущеніе особаго міра духовныхъ существъ или, если угодно, духовнаго міра—необходимы и взаимно поддерживаютъ другъ друга.

Но какъ ухитрился Кантъ заглянуть въ этотъ духовный міръ? Критика чистаго разума помогла ему лишь въ опредѣленіи этого міра, какъ лежащаго внѣ пространства и времени. Теперь нужно было наполнить эту безпространственность какимъ-нибудь содержаніемъ. И здѣсь Кантъ тоже нашелся.

Непознаваемый міръ вещей въ себѣ, по крайней мѣрѣ отчасти, поддается познанію, если удастся овладѣть хоть одной вещью въ себѣ, а такую именно вещь мы находимъ у Канта: *это—личность человека*. Я для самого себя представляю одновременно и явленіе и вещь въ себѣ. Мой чистый разумъ есть вещь въ себѣ. Какъ часть чувственнаго міра, я являюсь звеномъ цѣпи причинъ и слѣдствій и, такимъ образомъ, подверженъ закону необходимости, но, какъ вещь въ себѣ, я свободенъ, т. е. мои поступки, какъ таковой вещи, не опредѣляются причинностью чувственнаго міра, но скрытымъ во мнѣ нравственнымъ закономъ; законъ этотъ имѣетъ своей исходной точкой чистый разумъ, онъ не говоритъ

и не могъ отдѣлаться. Въ такой же мѣрѣ, какъ саль Кантъ, слово „Саль“ тоже имѣетъ отношеніе къ пуританскому святостеству. Слово это обозначаетъ пуританскую манеру вѣтъ, вѣтъ пуританскую религіозность и, наконецъ, великую, вошедшую въ привычку, безсмысленную, на одинъ ладъ повторяемую фразу, которая овладѣваетъ нами. Вернштейнъ въ своихъ „Предисловіяхъ“ вызываетъ къ Канту, ища его помощи противъ матеріалистическаго „царль-нагъ“.

мнѣ: «тебѣ необходимо», но «ты долженъ». Однако это «долженъ» не имѣло бы значенія, если бы за нимъ не скрывалось возможности, если бы я не былъ свободенъ.

Нравственная свобода человѣка, поистинѣ, запутанная вещь. Она влечетъ за собой не меньше противорѣчій, чѣмъ идеальность пространства и времени, ибо эта свобода проявляется въ поступкахъ, причастныхъ міру явленій, а, какъ таковыя, они подлежатъ сцѣпленію причинъ и слѣдствій—т. е. необходимы. Одни и тѣ же поступки, такимъ образомъ, одновременно и свободны и необходимы. Но, кромѣ того, свобода имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ «абстрактный» (intelligible) міръ, внѣ времени лежащій, причина же и дѣйствіе, напротивъ, постоянно вращаются въ опредѣленномъ *пространствѣ*. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же во времени опредѣленный поступокъ вызывается причиной временной и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ времени лежащей.

Какова, однако же, сущность этого нравственнаго закона, который изъ потусторонняго міра вещей въ себѣ, «міра разсудка» оказываетъ дѣйствіе на міръ явленій, «чувственный міръ», и подчиняетъ себѣ его? Такъ какъ законъ этотъ имѣетъ своимъ первоисточникомъ міръ разсудка, то причина его дѣйствій должна быть заложена исключительно въ чистомъ разумѣ. Законъ нравственный—чисто формальнаго свойства, ибо онъ долженъ быть вполне свободенъ отъ всякаго отношенія къ чувственному міру, иначе это тотчасъ же повлекло бы за собою отношеніе причины и слѣдствія, создало бы мотивъ для проявленія воли и нарушило бы свободу.

«Однако», говоритъ Кантъ въ «Критикѣ практическаго разума», «познимо содержанія законъ заключаетъ въ себѣ только законодательную форму. Такимъ образомъ законодательная форма, поскольку она заключается въ правилѣ, представляетъ собою единственный мотивъ дѣйствія свободной воли».

Отсюда Кантъ выводитъ слѣдующій «Основной законъ чистаго практическаго разума»:

«Поступай такъ, чтобы правила, которыми руководится твоя воля, могли во всякое время послужить принципомъ всеобщаго законодательства».

Поразительнаго въ этомъ основномъ положеніи нѣтъ ничего. Оно представляетъ собою только философскій переводъ старой сентенціи: чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ, того не дѣлай также другимъ. Ново во всемъ этомъ только заявленіе, что это сентенція есть откровеніе «абстрактнаго» (intelligible) міра, откровеніе, которое, послѣ громадной траты философскаго глубокомыслія, удалось открыть въ качествѣ принципа, пригоднаго не только для людей, но и для всѣхъ смертныхъ существъ, обладающихъ разумомъ и волей, и даже для «Безконечнаго Существа, какъ вышаго интеллекта».

Къ сожалѣнію, обоснованіе этого, даже для вышаго интеллекта подходящаго, принципа заключаетъ въ себѣ порядочную прорѣху. Принципъ этотъ «долженъ быть независимъ отъ всѣхъ условій, «присущихъ чувственному міру», но это легче сказать, чѣмъ выполнить—это такъ же недостижимо, какъ недостижима возможность полученія безвоздушнаго пространства подъ воздушнымъ насосомъ какъ это пространство всегда должно заключать въ себѣ воздухъ, хотя бы въ видѣ тончайшаго газа, который неощутимъ для насъ точно такъ же невозможно уловить мысль, независимую отъ всѣхъ условій, присущихъ чувственному міру. Этой судьбы не можетъ избѣгнуть и нравственный законъ.

Уже самое понятіе нравственный законъ заключаетъ въ себѣ условія, имѣющія отношеніе къ чувственному міру. Это не есть законъ «чистой воли» въ себѣ, но законъ дѣйствія моей воли по отношенію къ *ближнему*; послѣднее предполагается; но для меня эти явленія суть части чувственнаго міра.

Еще больше предполагаетъ понятіе нравственнаго закона гласящаго: «поступай такъ, чтобы правила, которыми руководится твоя воля, могли во всякое время послужить принципомъ всеобщаго законодательства». Это предполагаетъ не только существованіе ближнихъ, помимо меня, но также и желаніе, чтобы эти ближніе вели себя извѣстнымъ образомъ. Они должны поступать такъ, какъ поступаю я, слушаясь велѣній нравственнаго закона.

Этимъ не только предполагается желательнымъ для меня существованіе общества, но даже *опредѣленнаго общественнаго строя*.

Что фактически потребность въ такомъ кроется въ основѣ «практическаго разума» и опредѣляетъ его чистый нравственный законъ, пребывающій внѣ времени и пространства—это у Канта проскальзываетъ и въ его «Критикѣ практическаго разума» въ полемикѣ противъ взгляда, выводящаго нравственный законъ изъ удовольствія: «Удивительно, какимъ образомъ разумнымъ людямъ могло придти на умъ изъ факта всеобщности жажды счастья и правила, согласно которому каждый дѣлаетъ это счастье опредѣлительнымъ мотивомъ своей жизни, сдѣлать выводъ, что это то и есть общій практической законъ. Общій законъ долженъ всегда приводить къ гармоніи. Если же бы эта максима были признавы всеобщимъ закономъ, возникло бы противорѣчіе всякой гармоніи, самый рѣзкій раздоръ. Ибо въ этомъ случаѣ воля всѣхъ не имѣла бы одного и того же объекта, но у каждаго былъ бы свой собственный (собственное благополучіе); случайно данный объектъ воли можетъ оказаться въ согласіи съ намѣреніями другихъ, которые тоже имѣютъ въ виду только себя самихъ, но этого далеко недостаточно для наличности закона ибо исключенія, которыя мы принуждены будемъ сдѣлать, безконечны и вовсе не могутъ быть опредѣленно обобщены въ правило. Такимъ путемъ устанавливается «гармонія», аналогичная съ той, о которой поется въ извѣстномъ сатирическомъ стихотвореніи, написанномъ на тему о душевномъ согласіи двухъ губищахъ другъ друга супруговъ: «О чудная гармонія, чего хочешь онъ, того хочешь и она» (изд. Кирхманна, 1869, стр. 31).

Итакъ, удовольствіе потому не можетъ лечь принципомъ въ основу всеобщаго моральнаго законодательства, что оно способно вызвать социальныя дисгармоніи. Нравственный законъ поему имѣетъ цѣлью созданіе гармоническаго общества, а такое, очевидно, признается возможнымъ, иначе было бы нелѣпо стремиться къ его созданію.

Кантовскій нравственный законъ предполагаетъ, такимъ образомъ, желательность существованія гармоническаго общества, а также и возможность его. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагаетъ, что нравственный законъ является средствомъ, при помощи котораго можно создать подобнаго рода общество, и что этого резуль-

тата можно добиться путем правила, могущаго служить руководством для отдѣльнаго индивидуума. Изъ сказаннаго мы видимъ, какъ основательно ошибается Кантъ, если думаетъ, что его нравственный законъ независимъ отъ всѣхъ условій чувствующаго міра и является основнымъ положеніемъ, имѣющимъ значеніе для всѣхъ духовныхъ существъ, въѣ времени и пространства обрѣтающихся, включая сюда и Господа Бога.

Въ дѣйствительности, Кантовскій нравственный законъ представляетъ собою продуктъ весьма конкретныхъ общественныхъ условій. Разумѣется, разъ источникомъ его является желаніе создать гармоническое общество, то изъ него можно также вывести идеаль гармоническаго общества, и такимъ путемъ дошли до того, что возвели Канта въ основателя социализма. Когенъ вновь повторяетъ это въ своемъ послѣднемъ произведеніи — «Этика чистой воли» (1905 г.). Въ дѣйствительности же, Кантъ стоитъ дальше отъ социализма, чѣмъ французскій материализмъ восемнадцатаго столѣтія. Въ то время какъ, согласно французскому материализму, нравственность обуславливается состояніемъ государства и общества, такъ что реформа нравственности предполагала собою реформу государства, а борьба съ порокомъ приводила къ борьбѣ съ господствующими классами,—у Канта общество, зависящее отъ условій пространства и времени, опредѣляется нравственнымъ закономъ, въѣ пространства и времени находящимся, и свои требованія законъ этотъ предъявляетъ не къ обществу, но къ индивиду. Если нравственность индивидуумовъ несовершенна, то виновато въ этомъ не государство или общество, но то обстоятельство, что человекъ, по природѣ своей, полуангелъ, полуживотное и что его животная натура тянетъ его постоянно внизъ, противъ чего онъ можетъ бороться только путемъ внутренняго возвышенія и очищенія. Совершенствованіе общества можетъ произойти только путемъ совершенствованія индивида.

Мы видимъ, что социализмъ принимаетъ своеобразныя формы, если разсматривать Канта какъ его основателя; своеобразность эта не умалется, если мы прослѣдимъ за дальнѣйшимъ развитіемъ нравственнаго закона, приложеннаго Кантомъ. Изъ нравственнаго закона проистекаетъ со идее *личности* и *достоинства* человека и тезисъ:

«Поступай такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоёмъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, служило для тебя во всякое время также и цѣлью и никогда не средствомъ только».

«Въ этихъ словахъ», говоритъ Когенъ (А.а. О, стр. 303, 304), «заключается самый глубокий и мощный смыслъ категорического императива; въ нихъ выражена моральная программа *новаго времени и какого бы то ни было будущаго міровой исторіи*... Идея о томъ, что человѣчество, какъ цѣль, должно имѣть преимущество передъ всякими другими цѣлями, приводитъ, въ силу этого, къ идеѣ социализма, гласящей, что всякій человѣкъ представляетъ собою конечную цѣль, самоцѣль».

Программа «какого бы то ни было будущаго міровой исторіи» здѣсь нѣсколько узко понята. «Независимый отъ времени» нравственный законъ, гласящій, что человѣкъ во всякое время долженъ быть цѣлью, а не простымъ средствомъ, самъ имѣетъ смыслъ лишь въ такомъ обществѣ, въ которомъ одни люди могутъ быть употребляемы другими въ качествѣ только средствъ. Въ коммунистическомъ обществѣ ничто подобное невозможно, а потому исчезаетъ необходимость въ Кантовской программѣ «какого бы то ни было будущаго міровой исторіи». Что же съ ней станется? Такимъ образомъ мы либо не будемъ имѣть социализма, либо никакой міровой исторіи.

Кантовскій нравственный законъ былъ протестомъ противъ очепь конкретнаго феодальнаго общества, условія котораго создавали личную зависимость. Такъ называемый «соціалистическій» тезисъ, возстановляющій личность и достоинство человѣка, въ сущности столь же хорошо мирится съ либерализмомъ и анархизмомъ, какъ и съ социализмомъ, и въ немъ такъ же мало новаго, какъ въ вышеупомянутомъ тезисѣ о всеобщемъ законодательствѣ. Это есть философская формулировка идеи «свободы, равенства и братства», которая была уже развита Руссо, и которая къ тому же встрѣчается еще въ ученіи первобытнаго христіанства. Свообразно и здѣсь чисто Кантовское обоснованіе тезиса.

Достоинство личности человѣка выводится именно изъ того, что человѣкъ есть часть сверхчужденнаго міра, что онъ, какъ нравственное существо, стоитъ внѣ природы и надъ природой.

Личность—это «свобода и независимость от механизма всей природы», такъ что лицо, какъ нѣчто, принадлежащее чувственному міру, подчиняется своей собственной личности, поскольку она въ то же время принадлежит интеллигибельному міру.

Въ такомъ случаѣ, нечего удивляться, «что человѣкъ, принадлежа *обоимъ мірамъ*, долженъ относиться къ своей собственной сущности, принимая во вниманіе свое второе и высшее назначеніе, не иначе, какъ съ благоговѣніемъ» (А. а. О., стр. 104, 105).

Такимъ путемъ мы очень благополучно добрались бы до протекающаго отсюда стараго христіанскаго обосновавія равенства всѣхъ людей, какъ дѣтей Божіихъ.

3. Свобода и необходимость.

Между тѣмъ какъ необходимымъ не считаемъ мы сколь отклонить идею о двухъ мірахъ, къ которымъ, согласно Платону и Канту, принадлежитъ человѣкъ, мы все-таки не можемъ не согласиться, что человѣкъ живетъ одновременно въ двухъ разныхъ мірахъ, и что нравственный законъ существуетъ въ одномъ изъ нихъ и не въ томъ, который познается путемъ опыта, хотя, тѣмъ не менѣе, это все же не сверхчувственный міръ.

Тѣ два міра, въ которыхъ живетъ человѣкъ, суть *міръ прошлого и міръ будущаго*; настоящее образуетъ границу между ними. Весь опытъ человѣка коренится въ прошломъ, всякій опытъ есть нѣчто прошлое, и всѣ взаимоотношенія, на которыя указываетъ ему прошлый опытъ, лежатъ съ неотвратимой необходимостью передъ нимъ или скорѣе позади него. Въ нихъ нельзя измѣнить даже самаго малаго, въ нихъ человѣкъ можетъ лишь констатировать необходимость. Такимъ образомъ міръ опыта есть міръ познанія, а также и міръ необходимости.

Иначе, напротивъ, обстоитъ дѣло съ будущимъ. О немъ я ничего не знаю. Оно рисуется предо мною, повидимому, свободнымъ, какъ міръ, не поддающійся познанію, но въ которомъ я вижу себя *дѣйствующимъ лицомъ*. Разумѣется, я могу рядъ опытовъ, произведенныхъ въ прошломъ, приимать къ будущему, сдѣлавъ от-

сюда выводъ, что оно столь же необходимо, какъ и прошлое; но если познавать мѣръ я могу лишь при условіи допущенія необходимости, то дѣйствовать въ немъ я могу, лишь предположивъ извѣстную свободу. Даже тогда, когда мои дѣйствія вызываются извѣстнымъ принужденіемъ, мнѣ остается выборъ — подчиниться ему или нѣтъ, мнѣ еще остается крайнее средство — избѣгнуть принужденія путемъ добровольной смерти. Дѣйствовать — значитъ постоянно выбирать между различными возможностями, и если эти возможности относятся къ дѣйствию или недѣйствию, то дѣйствовать — значитъ принять или отклонить, защищать и бороться. Но процессъ выбора предполагаетъ возможность выбора между приемлемымъ и отвергаемымъ, между добромъ и зломъ.

Нравственное сужденіе, которое есть нелѣпность въ мѣрѣ прошлаго, въ мѣрѣ опыта, гдѣ ничего нельзя выбирать, гдѣ господствуетъ желѣзная необходимость, является неизбѣжнымъ въ мѣрѣ неспзвѣданнаго будущаго, въ мѣрѣ свободы.

Но не только чувство свободы предполагается въ нашихъ дѣйствіяхъ, но также опредѣленныя цѣли. Если въ мѣрѣ прошлаго господствуетъ послѣдствіе причинъ и дѣйствій (причинность), то въ мѣрѣ поступковъ — цѣлесообразность (телеологія).

Для дѣйствія чувство свободы является непремѣнной психологической предпосылкой, которую не можетъ уничтожить въ насъ никакое познаніе. Даже самый строгій фатализмъ, даже самое глубочайшее убѣжденіе, что человѣкъ есть необходимый продуктъ условій своей жизни, не могутъ повліять на то, чтобы мы перестали любить и ненавидѣть, защищать и бороться.

Но все это не есть монополія человѣка, все это относится также и къ животному. И животное обладаетъ свободой воли въ томъ смыслѣ, какъ ею обладаетъ человѣкъ, именно — субъективнымъ, неотвратимымъ чувствомъ свободы, которое истекаетъ изъ незнакомства съ будущимъ и изъ необходимости активно на него вліять. Животное имѣетъ нѣкоторое также представленіе о связи причинъ и дѣйствій. Наконецъ, и постановка цѣлей ему тоже не чужда. Въ отношеніи взгляда на прошлое и необходимость въ природѣ, съ одной стороны, а съ другой — въ отношеніи предвидѣнія будущаго и постановки цѣлей для своихъ поступковъ, самый глубокомыслен-

пый дикарь гораздо меньше отличается отъ животнаго, чѣмъ отъ культурнаго человѣка.

Но постановка цѣли не есть нѣчто такое, что стоитъ внѣ сферы необходимости, внѣ связи причинъ и дѣйствій. Если я даже ставлю себя цѣли только для будущаго, для царства кажущейся свободы. то самый фактъ постановки цѣли съ того момента, какъ я себя ее ставлю, какъ и всякая мысль, доходящая до моего сознанія, относится уже къ области прошлаго, и цѣль эта поэтому въ своей необходимости познается какъ слѣдствіе опредѣленныхъ причинъ. Это ни на юту не мѣняетъ того обстоятельства, что *достиженіе* цѣли лежитъ въ будущемъ, лежитъ еще въ области неизвѣстнаго, такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ, въ области свободы. Но если можно еще достиженіе поставленной цѣли относить къ свободѣ, то самый фактъ постановки цѣли относится всецѣло къ области прошлаго. Въ царствѣ свободы находятся только тѣ цѣли, которыя еще не были поставлены нами, о которыхъ мы еще ничего не знаемъ.

Итакъ, міръ установленныхъ уже цѣлей не есть міръ свободы въ противоположность міру необходимости. Для каждой поставленной нами себя цѣли, равно какъ и для каждаго средства, употребляемаго нами для ея достиженія, причины уже даны и при извѣстныхъ обстоятельствахъ поддаются нашему познанію, какъ съ необходимостью вызвавшія постановку этой цѣли и ея осуществленіе.

Нельзя, однако, различать царство необходимости и царство свободы только, какъ прошедшее и будущее: ихъ различіе совпадаетъ также во многомъ съ различіемъ, существующимъ между природой и обществомъ или, точнѣе выражаясь, между обществомъ и прочей природой, особенную, своеобразную часть которой общество составляетъ.

Если мы станемъ разсматривать природу съ болѣе узкой точки зрѣнія, какъ нѣчто отдѣльное отъ общества, а природу и общество въ ихъ отношеніи къ будущему, то мы тотчасъ же найдемъ большую разницу между ними. Природныя условія мѣняются гораздо медленнѣе, чѣмъ общественныя. Последнія же въ эпоху, когда люди начинаютъ философствовать, въ эпоху товарнаго производства—обнаруживаютъ крайне запутанный характеръ, между тѣмъ какъ въ

природѣ существуетъ громаднѣйшій рядъ простыхъ фактовъ, закономѣрность которыхъ относительно легко постичь.

Изъ этого вытекаетъ, что, несмотря на нашу кажущуюся свободу дѣйствія въ будущемъ, это дѣйствіе по отношенію къ природѣ очень рано начинаетъ представляться намъ какъ нѣчто необходимое. Какимъ бы образомъ неизвѣстности не было для меня покрыто будущее, все же я съ увѣренностью знаю, что за зимой послѣдуетъ лѣто, что завтра взойдетъ солнце, что завтра я почувствую голодъ и жажду, что зимой у меня будетъ потребность въ теплѣ и т. д.; мои поступки никогда не будутъ направлены къ тому, чтобы уйти отъ этой естественной необходимости, но я буду стараться считаться съ нею. Такимъ образомъ, при всей кажущейся свободѣ моихъ дѣйствій въ отношеніи природы, я познаю ихъ необходимость. Свойства внѣшней природы и свойства моего собственного организма создаютъ рядъ необходимостей, которыя навязываютъ мнѣ опредѣленные, сообразныя съ опытомъ и, такимъ образомъ, заранѣе познаваемые желанія и поступки.

Но совсѣмъ другимъ характеромъ обладаетъ мое поведеніе относительно моихъ ближнихъ, мое общественное поведеніе. Здѣсь не такъ легко постичь тѣ внутреннія и внѣшнія необходимости, которыя опредѣляютъ мои дѣйствія. Здѣсь я наталкиваюсь не на непреодолимые естественныя силы природы, которымъ я выпужденъ подчиниться, но на аналогичныя мнѣ факторы, на такихъ же людей, какъ и я, которые по природѣ своей обладаютъ одинаковой со мною силой. Въ отношеніи къ нимъ я себя чувствую свободнымъ, но они мнѣ тоже кажутся свободными въ отношеніи къ другимъ. Къ нимъ я чувствую любовь и ненависть ихъ и мои отношенія къ нимъ я обсуждаю съ нравственной точки зрѣнія.

Міръ свободы и нравственнаго закона, такимъ образомъ, нѣчто другое, чѣмъ міръ познанной мною необходимости, но онъ отнюдь не лежитъ внѣ пространства и времени, онъ не является сверхчувственнымъ міромъ; это есть только своеобразный уголокъ чувственнаго міра, разсматриваемый съ особенной точки зрѣнія. Это есть міръ, видимый въ періодъ своего приближенія, міръ, на который мы хотимъ повліять, который мы хотимъ преобразовать — прежде всего міръ общественныхъ отношеній. Но то, что сегодня предста-

вляется какъ будущее, завтра будетъ прошедшимъ, такъ что сегодняшняя свобода дѣйствій завтра будетъ признана необходимостью. Правственный законъ, внутри насъ ощущаемый, который регулировалъ эти дѣйствія, перестаетъ, въ силу этого, казаться намъ безпричинной причиной; онъ попадаетъ въ царство опыта, познается какъ необходимое слѣдствіе причины и только, какъ таковое, онъ и можетъ быть вообще познать, какъ таковое, онъ только и можетъ стать предметомъ науки. Переносъ правственный законъ изъ области чувственнаго міра по ту сторону сверхчувственнаго, Кантъ не содѣйствовалъ его научному познанію, но, наоборотъ, преградилъ всѣ пути къ этому.

Это препятствіе пужно, прежде всего, устранить, нужно перешагнуть черезъ Канта, если хотять разрѣшить загадку, кроющуюся въ нравственномъ законѣ.

4. Философія примиренія.

Этика составляетъ слабую сторону Кантовской философіи. Птѣмъ не менѣе, только благодаря этикѣ, философія эта пользовалась такимъ громаднымъ историческимъ успѣхомъ, ибо она въ высшей степени соотвѣтствовала потребностямъ времени.

Французскій матеріализмъ былъ философіей *борьбы* противъ всѣхъ унаслѣдованныхъ формъ мышленія, а черезъ это — и противъ тѣхъ учрежденій, которыя скрывались за ними. Непримиримая вражда матеріализма къ христіанству сдѣлала его паролемъ борьбы не только съ церковью, но также со всѣми соціальными и политическими силами, находившимися въ связи съ послѣдней. Кантовская критика чистаго разума также выкидываетъ все христіанство за порогъ храма, но открытіе первоисточника нравственнаго закона, которое сдѣлано практическимъ разумомъ, снова благоговѣйно раскрываетъ передъ христіанствомъ двери. Такимъ образомъ у Канта философія изъ орудія борьбы съ существующими формами мышленія и общественными формами превращается въ средство *примиренія* противорѣчій.

Но борьба служитъ орудіемъ развитія. Примиреніе противорѣчій

обозначаетъ собою застой въ развитіи. Вотъ почему Кантовская философія явилась факторомъ консервативнымъ.

Наибольшія выгоды изъ этой философіи прежде всего извлекла *теологія*; благодаря Кантовской философіи, послѣдняя вышла изъ того затруднительнаго положенія, въ которое унаслѣдованная религія попала, вслѣдствіе развитія науки, ибо Кантовская философія содѣйствовала примиренію науки и религіи.

«Никакая другая наука», говоритъ Целлеръ, «не испытала на себѣ въ большей степени вліянія Кантовской философіи, какъ *теологія*. Здѣсь именно почва была палболѣе благоприятная для посаженія Кантовскихъ принциповъ; при этомъ онъ содѣйствовалъ углубленію и усовершенствованію выработанныхъ доселѣ формъ мысленія, въ которыхъ теологи крайне нуждались» («Исторія нѣмецкой философіи со времени Лейбница», 1873 г., стр. 519).

Именно послѣ взрыва французской революціи возникла сильная потребность въ теологіи, которая въ состояніи была бы помѣриться съ матеріализмомъ и занять его мѣсто въ средѣ образованныхъ людей. Целлеръ пишетъ, поэтому, далѣе:

«Кантовскія религіозныя воззрѣнія какъ разъ пошли навстрѣчу моральнымъ и интеллектуальнымъ потребностямъ времени: лицамъ просвѣщеннымъ они зарекомендовывали себя своимъ соответствіемъ разуму, своей независимостью отъ положительныхъ религіи, своимъ чисто практическимъ направленіемъ; людямъ же религіознымъ—своей нравственной строгостью и своимъ достойнымъ взглядомъ на христіанство и его основателя». Нѣмецкая философія отнынѣ стала на точку зрѣнія Канта, его моральная теологія, спустя нѣсколько лѣтъ, послужила основой, которая привела въ движеніе почти всю протестантскую теологію въ Германіи, въ значительной мѣрѣ даже *католическую* теологію... Вслѣдствіе того, что большинство нѣмецкихъ теологовъ почти цѣлыхъ полстолѣтій подрядъ исходили изъ философіи Канта, послѣдняя оказала крайне задерживающее и очень глубокое вліяніе на всеобщее образованіе.

Форлсндеръ въ своей исторіи философіи цитируетъ слова повѣйшаго нѣмецкаго теолога, Ричля, который говоритъ:

«Дальвѣйшее развитіе метода познанія этики, сдѣланное Кан-

томъ, сыграло въ то же время роль въ дѣлѣ возстаповленія протестантизма» (II, стр. 476).

Великая революція подготовила почву для вліянія Канта, которое возросло до высшей степени два десятилѣтія спустя послѣ господства террора. Затѣмъ это вліяніе стало ослабѣвать. Начиная съ тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, и нѣмецкая буржуазія почувствовала въ себѣ достаточно силы и мужества, чтобы вступить въ рѣшительную борьбу противъ существующихъ формъ государственныхъ и формъ мышленія, чтобы признать категорически единственно реальнымъ міромъ міръ чувственный. Такимъ образомъ послѣ Гегелианской философіи опять всплыли новыя формы матеріализма, притомъ наиболѣе энергично именно въ Германіи, потому что буржуазія послѣдней была болѣе отсталой, чѣмъ французская и англійская, и не одержала еще побѣды надъ существующей государственной властью—словомъ, буржуазія эта нуждалась въ философіи борьбы, а не примиренія.

Но въ послѣднія десятилѣтія потребность борьбы среди буржуазіи снова сильно упала. Если она не добилась всего, чего желала, то все же получила все то, что требовалось для ея процвѣтанія. Дальнѣйшая сильная борьба, энергическіе нападки на существующій порядокъ вещей ей гораздо меньше нужны, чѣмъ ей великому врагу—пролетаріату, силы котораго угрожающе растутъ, и который, въ свою очередь, нуждается теперь въ философіи борьбы. Пролетаріату тѣмъ болѣе доступно ученіе матеріализма, чѣмъ болѣе развитіе чувственного міра доказываетъ непрочность существующаго строя и необходимость побѣды пролетаріата.

Буржуазія же, напротивъ, все болѣе начинаетъ склоняться къ философіи примиренія, вотъ почему она снова пробуждается къ жизни кантіанство. Возрожденіе послѣдняго возникло въ эпоху реакціи 1848 г., и начало ему положено было *Шопенгауэромъ*, пріобрѣтшимъ тогда сильное вліяніе.

Но въ послѣднія десятилѣтія Кантовская этика стала пропихивать также и въ политическую экономію и въ социализмъ.

Такъ какъ законы буржуазнаго общества, которые были открыты классической экономіей, все болѣе развертываются въ

видѣ законовъ, указывающихъ на неизбѣжность классовой борьбы и крушенія капиталистическаго порядка, то буржуазная экономія бѣжала подъ сѣнь Кантовскаго нравственнаго закона; законъ этотъ, стоя внѣ пространства и времени, долженъ привести къ тому, чтобы примирить классовыя противорѣчія и воспрепятствовать революціямъ, происходящимъ въ предѣлахъ пространства и времени.

Рядомъ съ этической школой политической экономіи на сцену выступилъ также этическій социализмъ; это началось тогда, когда въ нашихъ собственныхъ рядахъ всплыли стремленія, проповѣдующія ослабленіе классовой борьбы и соглашеніе, по крайней мѣрѣ, хоть съ частью буржуазіи. И эта политика примиренія началась зовомъ: назадъ къ Канту! и отрѣченіемъ отъ матеріализма, не признающаго свободы воли.

Несмотря на категорическій императивъ, которымъ Кантовскій нравственный законъ взываетъ къ отдѣльному индивидууму, его *историческая, общественная* тенденція была съ самаго начала и остается донныи тенденціей притупленія, примиренія противорѣчій, а не преодоленія ихъ путемъ борьбы.

IV. ЭТИКА ДАРВИНИЗМА.

1. Борьба за существованіе.

Кантъ, равнымъ образомъ и Платонъ, раскололъ человѣка на двѣ части, на естественную и сверхъестественную, животную и ангелоподобную. Но стремленіе разсматривать весь міръ, включая сюда и наши духовныя функціи, какъ нѣчто реальное и единое, при чемъ всякіе сверхъестественные факторы исключались отсюда, или, другими словами, матеріалистическій характеръ мышленія былъ слишкомъ глубоко обоснованъ условіями жизни, чтобы Канту удалось надолго его парализовать. И грандіозный подъемъ

естественныхъ наукъ, который пошелъ быстрымъ темпомъ именно ко времени смерти Канта, привелъ къ цѣлому ряду новыхъ открытій, все выше выполнявшихъ пропасть между человѣкомъ и остальной природой; эти открытiя, между прочимъ, содѣйствовали признанiю, что все «ангелоподобное» въ человѣкѣ наблюдается также и въ животномъ мiрѣ, и что оно, по своей сущности, животного происхожденiя.

Между тѣмъ этика материализма девятнадцатаго столѣтiя, поскольбу она носила чисто естественнонаучный характеръ, ни въ своихъ открытыхъ, свѣдѣныхъ нѣмецкихъ формахъ, ни въ болѣе замкнутыхъ и робкихъ англійскихъ, а теперь также и французскихъ, не пошла дальше того, что уже проповѣдывалось въ восемнадцатомъ столѣтiи. Такимъ образомъ *Фейербахъ* обосновалъ мораль на стремленiи къ счастью, *Огюстъ Контъ*, основатель позитивизма, допускаетъ напротивъ того, какъ и англичане, различiе между эгоистическими и моральными или «альтруистическими» чувствами, при чемъ на его взглядъ основанiе обонхъ этихъ чувствъ кроется въ человѣческой природѣ.

Большаго и рѣшительнаго успѣха въ этомъ отношенiи добился *Дарвинъ*, который въ своей книгѣ о происхожденiи человѣка доказалъ, что альтруистическiя чувства не составляютъ какой-нибудь особенности человѣческой природы, что мы встрѣчаемъ ихъ также и въ животномъ мiрѣ, и что какъ тамъ, такъ и тутъ они происходятъ изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ; источники же эти суть тѣ самыя, которые вызвали къ жизни всѣ способности существъ, одаренныхъ движенiемъ, и содѣйствовалъ ихъ дальнѣйшему развитiю. Этимъ ученiемъ была почти уничтожена послѣдняя грань между человѣкомъ и животнымъ. Дарвинъ не развилъ далѣе этихъ своихъ открытiй, по тѣмъ не менѣе они принадлежатъ къ величайшимъ и плодотворнѣйшимъ открытiямъ человѣческаго генiя; открытiя эти содѣйствовали также развитiю новой критики познанiя.

Разсматривая органическiй мiръ, мы видимъ, что разница между нимъ и неорганическимъ прежде всего сказывается въ одной особенноти: мы наталкиваемся въ органическомъ мiрѣ на *цѣлесообразность*. Всѣ органическiя существа болѣе или менѣе цѣлесообразно устроены, при чемъ цѣль, которой отвѣчаютъ эти существа,

отнодѣ не лежитъ въ ихъ; цѣль эта заложена, наоборотъ, внутри каждаго индивида; его части устроены такъ, чтобы служить цѣлому — индивиду. Цѣль и раздѣленіе труда совокупно происходятъ изъ одного и того же начала. Сущность организма есть раздѣленіе труда, въ такой же мѣрѣ сущностью этой является и цѣлесообразность; одно обуславливаетъ другое. Раздѣленіе труда кладетъ грань между организмомъ и неорганическимъ индивидомъ — напри- мѣръ, кристалломъ. И кристаллы сами по себѣ тоже индивиды, которымъ присуща опредѣленная форма, они растутъ, если находятъ необходимое для этого вещество, при наличности необходимыхъ условій, но они съ начала до конца однообразны. Самый низкій организмъ, напротивъ того, это — пузырекъ, который гораздо менѣе замѣтенъ и менѣе сложенъ съ виду, чѣмъ кристаллъ, но въ пу- зыркѣ этомъ виѣшняя сторона иная, имѣетъ другія функціи, чѣмъ внутренняя.

Цѣлесообразность раздѣленія труда, его польза для организма и помощь, которую оно оказываетъ существованію организма, ка- жется удивительной. Но болѣе удивительнымъ, напротивъ, было бы, если бы индивиды поддерживали свое существованіе, процвѣтали бы при нецѣлесообразномъ раздѣленіи труда, которое затруднило бы ихъ существованіе или дѣлало бы его невозможнымъ.

Какова, однако, та работа, которую приходится выполнять орга- намъ организма? Эта работа есть *борьба за существованіе*, т. е. не борьба съ другими организмами того же вида, какъ это слово иногда понимается, но борьба со всей природой въ совокупности. Природа находится въ постоянномъ движеніи, въ состояніи посто- янной смѣны формъ; только такіе индивиды смогутъ въ этой по- стоянной смѣнѣ сохранить въ теченіе извѣстнаго промежутка вре- мени свою форму, которые въ состояніи развить особые органы для *защиты* противъ виѣшнихъ вліяній, угрожающихъ индивиду, а также для *возмощенія* тѣхъ составныхъ частей, которыя инди- видъ долженъ постоянно отдавать виѣшнему міру. Прежде всего и лучше всего сохраняются тѣ индивиды и группы, *орудія защиты* которыхъ наиболѣе приспособлены къ пріобрѣтенію *пищи*, т. е. наиболѣе *приспособлены* къ виѣшнему міру, въ цѣляхъ отетра- ненія грозящихъ индивиду опасностей и извлеченія жизненныхъ

источниковъ. Непрерывный процессъ приспособленія и подбора индивидуальных наиболѣе цѣлесообразныхъ, путемъ борьбы за существованіе, вызываетъ при условіяхъ, обыкновенно существующихъ на землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ на ней развились организмы, все растущее раздѣленіе труда. Чѣмъ дальше прогрессировало раздѣленіе труда, тѣмъ совершеннѣе становился организмъ. Постоянное совершенствованіе органическаго міра было, такимъ образомъ, до сихъ поръ результатомъ борьбы за существованіе среди организмовъ и такъ будетъ быть можетъ, на долгіе вѣка и въ будущемъ, пока условія нашей планеты не измѣнятся въ существенномъ. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ права считать совершенствованіе необходимымъ закономъ на вѣчныя времена. Это значило бы вносить во вселенную цѣль, которой мы въ ней не находимъ.

Развитіе также не идетъ съ одинаковой быстротой. Временами наступаютъ періоды, когда различные организмы, каждый въ своемъ родѣ, достигаютъ павышей при существующихъ условіяхъ степени совершенства, бываютъ наиболѣе приспособлены къ даннымъ условіямъ. Пока эти условія существуютъ, организмы не будутъ далѣе развиваться, но запечатлѣютъ достигнутую форму въ постоянный типъ, который продолжаетъ неизмѣнно процвѣтать. Дальнѣйшее развитіе наступитъ только тогда, когда среда значительно измѣнится, когда неорганическая природа подвергнется измѣненіямъ, нарушающимъ состояніе равновѣсія органической. Но такія измѣненія отъ времени до времени наступаютъ; они являются то единичными, внезапными и могучими, то многочисленными, хотя незамѣтными, но въ конечномъ счетѣ также создающимъ новое положеніе, какъ, напр., измѣненіе морскихъ теченій, уровня почвы, быть можетъ, также положенія планетъ въ міровомъ пространствѣ; всѣ эти измѣненія отзываются на климатѣ, превращаютъ густые лѣса въ высохшія песчаныя пустыни, тропическіе ландшафты — въ глетчеры и наоборотъ; они влекутъ за собою необходимость новыхъ приспособленій къ новымъ условіямъ, они порождаютъ переселенія, благодаря чему организмы также переносятся въ нынѣшнія условія, гдѣ возникаетъ борьба за существованіе между старыми обитателями и новыми переселенцами; въ этой борьбѣ дурно приспособленные и неспособные къ приспособленію индивидуумы и

типы истребляются, и создается новое дѣленіе труда, новыя функціи, новые органы или же измѣняются старыя. Каждое раздѣленіе труда обусловливаетъ извѣстную односторонность. Высоко развитыя органы, приспособленныя къ особенному образу жизни, менѣе подходятъ къ измѣнившемуся, чѣмъ органы не столь развитыя, которые, при прежнемъ образѣ жизни, играли меньшую роль, но зато обладаютъ большей всесторонностью, легче приспосабливаются. Такимъ образомъ мы неоднократно находимъ, что болѣе высоко развитыя животныя и растительныя организмы вымираютъ, а нижестоящія берутъ на себя дальнѣйшее развитіе новыхъ, еще болѣе высокыхъ организмовъ. Вѣроятно, человѣкъ тоже происходитъ не отъ наиболѣе высоко развитыхъ обезьянъ, т. е. человекообразныхъ обезьянъ, которыя находятся въ состояніи вымирания, но отъ какого-либо нижеслѣдующаго вида четвероногихъ

2. Самопроизвольное движеніе и познавательная способность.

Уже на очень ранней ступени развитія организмы раскололись на двѣ группы: группу, развившую въ себѣ органы движенія и группу, которой таковыхъ не доставало: животныя и растенія. Ясно, что самопроизвольное движеніе было могущественнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Оно давало возможность отправляться на поиски за пищей, избѣгать опасности, переносить потомство въ безопасныя мѣста, снабженныя обильной пищей.

Произвольное движеніе, однако, необходимымъ образомъ предполагаетъ познавательную способность и наоборотъ. Одинъ изъ этихъ факторовъ безъ другаго совершенно бесполезенъ. Только въ своей связи они становятся орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Способность къ самопроизвольному движенію совершенно бесполезна, если она не идетъ объ руку со способностью познавать міръ, въ которомъ я двигаюсь. Какая была бы оленю польза отъ его ногъ, если бы онъ не обладалъ способностью познавать своихъ враговъ и познавать мѣста, снабженныя пригодной пищей? Съ другой стороны, для растенія познавательная способность была бы беспо-

лезна. Если бы травяной стебелекъ даже могъ видѣть, слышать, нюхать, то это все-таки не могло бы заставить его удержаться отъ процесса питаія.

Итакъ, самопроизвольное движеніе и духъ необходимо обусловливаютъ другъ друга; одно безъ другого бесполезно. Откуда бы ни происходили эти способности, онѣ постоянно выступаютъ вмѣстѣ и взаимно развиваются. Не существуетъ самопроизвольнаго движенія безъ познанія, нѣтъ познанія безъ такого движенія. И взаимно они служатъ одной и той же цѣли—сохраненію и облегченію существованія индивидуума.

Какъ средство къ сохраненію существованія, сами эти способности и органы ихъ развиваются и совершенствуются путемъ борьбы за существованіе, *но именно только какъ средство къ этому*. Даже самая высокоразвитая познавательная способность приспособлена къ тому, чтобы служить орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Этимъ и объясняется односторонность и своеобразие нашей познавательной способности.

Познавать вещи въ себѣ — это, быть можетъ, для иныхъ философовъ чрезвычайно важная задача, но для нашего существованія совершенно безразлично, что именно должно понимать подъ вещью въ себѣ. Зато, напротивъ, для каждаго существа, одареннаго способностью къ движенію, чрезвычайно важно умѣть правильно *различать* вещи, вѣрно познавать ихъ взаимныя *отношенія*. Чѣмъ рѣзче выражена въ этомъ отношеніи его познавательная способность, тѣмъ лучшія услуги она ему окажетъ. Для существованія пѣвчихъ птицъ совершенно не важно знать, что представляютъ въ себѣ тѣ предметы, которые являются для нихъ въ формѣ ягодъ, ястребовъ, грозовыхъ тучъ. Но крайне необходимо для ихъ существованія умѣть точно различать ягоды, ястребовъ и тучи отъ другихъ предметовъ окружающей ихъ обстановки, ибо только это даетъ имъ возможность отыскивать свою пищу, уйти отъ врага, своевременно устремиться подъ защиту лѣтвы. Такимъ образомъ познавательная способность животныхъ необходимо является способностью различать предметы въ *про-
страствѣ*.

Но не менѣе необходимо познавать слѣдованіе предметовъ другъ

за другомъ во времени и именно ихъ неотвратимое слѣдованіе, какъ причины и слѣдствія. Вѣдь движеніе, какъ причина, только тогда въ состояніи оказать всеобщее дѣйствіе на сохраненіе существованія, когда оно имѣетъ въ виду особенныя, болѣе близкія или отдаленныя, слѣдствія, которыя тѣмъ легче достижимы, чѣмъ лучше индивидуумъ познастъ сцѣпленіе этихъ слѣдствій съ ихъ причинами. Возвращаясь къ примѣру съ птицей, мы должны замѣтить, что птица этой недостаточна умѣть распознавать ягоды, ястребовъ и тучи отъ другихъ предметовъ, она должна также знать, что клеваніе ягодъ влечетъ за собою насыщеніе, появленіе ястреба приводитъ къ тому, что первая попавшаяся птица служить ему пищей, что послѣдствіемъ покрывающихъ небо грозovýchъ тучъ являются буря, дождь, градъ.

Даже стоящія на самой низкой ступени животныя, какъ только у нихъ появляется въ зародышѣ способность различенія и произвольныя движенія, сейчасъ же пріобрѣтаютъ какъ бы предчувствіе существованія причинности. Начинающаеся сотрясеніе почвы служитъ для земляного червя предзнаменованіемъ, что грозитъ опасность, и поводомъ къ бѣгству. Если, такимъ образомъ, познавательная способность должна оказывать животному пользу при его движеніяхъ, то она должна быть такого рода, чтобы при ея помощи животное могло различать въ пространствѣ и времени и могло бы устанавливать причинную связь.

Но отъ этой способности требуется еще больше. Всѣ части организма служатъ *одному* индивидууму, *одной* цѣли—сохраненію индивидуума. Раздѣленіе труда никогда не должно такъ далеко заходить, чтобы отдѣльныя части стали совершенно самостоятельными; это повело бы къ распадению индивида. Раздѣленіе это будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ тѣснѣе связь между частями, чѣмъ больше единства въ командѣ. Изъ этого слѣдуетъ необходимость единства сознанія. Если бы каждая часть организма обладала своей собственной познавательной способностью, или если бы каждое изъ чувствъ, при посредствѣ котораго мы познаемъ вѣдншій міръ, обладало своимъ собственнымъ сознаніемъ, то каждый разъ было бы затруднено какъ познаніе этого міра, такъ и взаимодѣйствіе отдѣльныхъ частей организма; тогда преимущества раздѣ-

ленія труда были бы уничтожены или послужили бы во вредъ, а взаимная поддержка между чувствами или органами движенія исчезла бы, и вмѣсто этого наступило бы взаимное истребленіе.

Накопецъ, познавательная способность должна быть также приспособлена къ тому, чтобы накапливать опытъ и умѣть сравнивать. Вернемся лишній разъ къ нашей пѣвчей птицѣ; для нея существуютъ два пути, по которымъ она можетъ распознать, какаѣ пища наилучшая для нея и гдѣ ее скорѣе всего можно пайти, какіе враги для нея опасны и какъ отъ нихъ уйти. Во-первыхъ, собственный опытъ, а затѣмъ наблюденіе за практикой болѣе старыхъ птицъ, имѣющихъ за собою опытъ. Никто, разумѣется, не рождается мастеромъ. Каждый индивидуумъ тѣмъ легче можетъ удержаться въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ больше у него накопилось опыта и чѣмъ лучше онъ приспособленъ; все это дѣлается при помощи дара *памяти* и способности сравнивать болѣе раннія впечатлѣнія съ болѣе поздними и выводить изъ нихъ общее, имъ обоимъ присущее, различать между существеннымъ и несущественнымъ, т. е. *мыслить*. Если *наблюденіе* при помощи чувствъ научаетъ насъ дѣлать *различія*, распознавать особенности, то *мышленіе* отмѣчаетъ обычное, общее въ вещахъ.

«Общее», говоритъ Дидгепъ, «это—содержаніе понятій, всякаго познанія, науки, всякаго процесса мышленія. Вотъ почему анализъ способности мышленія опредѣляетъ послѣднюю, какъ даръ выводить изъ частнаго общее».

Всѣ эти свойства познавательной способности мы уже встрѣчаемъ развитыми въ животномъ мірѣ, хотя и не въ такой высокой степени, какъ у человѣка, и въ формахъ, трудно для насъ познаваемыхъ; вѣдь не всегда легко отличить сознательныя дѣйствія, протекающія изъ познанія, отъ непронзвольныхъ и безсознательныхъ, отъ простыхъ рефлекторныхъ и инстинктивныхъ движеній, играющихъ и у человѣка еще довольно большую роль.

Но если всѣ эти свойства познавательной способности являются необходимыми придатками самопроизвольнаго движенія еще въ животномъ мірѣ, то, съ другой стороны, въ этихъ свойствахъ кроются и границы, которыя не можетъ перешагнуть даже самый все-

объемлющій и глубокой разсудокъ наиболѣе высокоразвитыхъ культурныхъ людей.

Силы и способности, пріобрѣтенныя нами, какъ орудія борьбы за существованіе, могутъ, разумѣется, служить также и другимъ цѣлямъ, когда организмъ высоко развилъ самопроизвольное движеніе и способность познанія, равно какъ свои инстинкты, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Индивидуумъ можетъ употреблять мускулы, которые развиты у него для схватыванія добычи, также и для отраженія врага, для игры и танцевъ. Но свой особенный характеръ эти силы и способности получаютъ путемъ борьбы за существованіе, которая содѣйствовала ихъ развитію. Игра и танцы не создаютъ особенныхъ мускуловъ.

То же самое примѣнимо къ духовнымъ силамъ и способностямъ. Развиваясь, какъ необходимое дополненіе самопроизвольнаго движенія въ борьбѣ за существованіе, для того, чтобы помочь организму въ выработкѣ возможно болѣе цѣлесообразныхъ движеній въ окружающемъ мірѣ, необходимыхъ для самосохраненія индивида, силы эти могутъ послужить и для осуществленія другихъ цѣлей. Сюда относится чистое познаніе, не преслѣдующее никакой практической цѣли, равнодушное къ тѣмъ практическимъ послѣдствіямъ, которыя могутъ отсюда проистечь. Но цѣлью развитія нашей духовной способности, благодаря борьбѣ за существованіе было не созданіе органа чистаго познанія, но такого, который путемъ познанія содѣйствовалъ бы цѣлесообразности нашихъ движеній.

Насколько эта способность въ совершенствѣ функціонируетъ въ первомъ отношеніи, настолько она несовершенна во второмъ. Связанная съ самаго начала тѣснѣйшимъ образомъ съ движеніемъ она совершенствуется только въ связи съ нимъ и въ этой связи только и можетъ достигнуть своего совершенства. Усовершенствованіе человѣческой познавательной способности и человѣческаго познанія тѣснѣйшимъ образомъ связано съ усовершенствованіемъ человѣческой практикы, какъ мы еще увидимъ.

Но именно благодаря практикѣ мы можемъ поручиться за надежность нашего познанія. Разъ мое познаніе содѣйствуетъ тому, что я могу увѣренно вызвать опредѣленные явленія, воспроизве-

деніе которыхъ въ моей власти, то отношеніе приципы и слѣдствіе перестаетъ для меня быть простой случайностью, одной только видимостью, чистой формой познанія, какъ ихъ аттестуетъ чистое созерцаніе и мышленіе. Познаніе этого отношенія становится, благодаря практикѣ, познаніемъ чего-то реального, *достовернымъ* познаніемъ.

Границы практики, конечно, указываютъ также на границы нашего достовѣрнаго познанія.

Что теорія и практика всецѣло сводятся другъ къ другу и только путемъ взаимнаго пропикновенія приводятъ къ наивысшему результату, вообще достижимому, это необходимо вытекаетъ изъ того обстоятельства, что движеніе и познавательная способность съ самаго начала должны были идти вмѣстѣ. Въ періодъ развитія человѣческаго общества раздѣленіе труда привело къ тому, что разорвало естественную связь обонхъ факторовъ, создало классы, изъ которыхъ на долю однихъ выпало преимущественно движеніе, а на долю другихъ преимущественно познаніе. Мы уже указывали на то, какъ отраженіе этого факта сказалось въ философіи въ видѣ дѣленія на два міра — духовный, высшій и тѣлесный, низшій. Но всецѣло эти двѣ функціи не раздѣлились, разумѣется, ни у одного индивида, и нынѣшнее пролетарское движеніе энергично содѣйствуетъ тому, чтобы положить конецъ такому дѣленію на классы, а слѣдовательно — и дуалистической философіи, философіи чистаго познанія. Даже самое глубокое, абстрактное познаніе, которое, повидимому, наиболѣе далеко отъ практики, оказываетъ вліяніе на послѣднюю, подвергаясь, въ свою очередь, ея вліянію, и задача критики человѣческаго познанія состоитъ именно въ томъ, чтобы довести до нашего сознанія это вліяніе. Какъ бы то ни было, въ конечномъ счетѣ наше познаніе постоянно остается орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, средствомъ придать нашимъ движеніямъ наиболѣе цѣлесообразныя формы и направленія, будь то движеніе въ природѣ или обществѣ.

«Философы только на разные лады *истолковывали* міръ», говоритъ Марксъ, «теперь пришло время его *измѣнить*».

3. Инстинкты самосохраненія и размноженія.

Обѣ способности — произвольнаго движенія и познавательная — неразрывно, такимъ образомъ, связаны между собою, какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе. Одна развилась рядомъ съ другою, и по мѣрѣ того, какъ эти орудія начинали играть все большую роль въ организмѣ, значеніе другихъ болѣе первоначальныхъ, теперь менѣе нужныхъ, умалилось, такъ было, напр., съ плодовитостью и жизненной стойкостью организма. Съ другой стороны, наоборотъ, по мѣрѣ того какъ эти факторы теряли свое значеніе, первые факторы начинали играть все большую роль въ борьбѣ за существованіе.

Но произвольное движеніе и познаніе никомъ образомъ не образуютъ еще сама по себѣ достаточнаго орудія въ борьбѣ за существованіе. Какая для меня польза въ этой борьбѣ отъ имѣющихся у меня сильнѣйшихъ мускуловъ, отъ необычайно гибкихъ суставовъ, отъ самыхъ острыхъ чувствъ, отъ величайшаго разсудка, если я не чувствую въ себѣ сильнаго желанія пользоваться ими для своего самосохраненія, если видъ пищи, сознаніе опасности для меня безразличны и не наталкиваютъ меня на какое-либо движеніе? Произвольное движеніе и познавательная способность только тогда становятся орудіями въ борьбѣ за существованіе, если рядомъ съ ними выступаетъ стремленіе къ самосохраненію организма; стремленіе это содѣйствуетъ тому, что всякое, важное для существованія организма познаніе, тотчасъ же вызываетъ желаніе воспроизвести необходимое для организма движеніе, послѣ чего движеніе это и воспроизводится.

Движеніе и познавательная способность не имѣютъ значенія для существованія индивидуума, при отсутствіи инстинкта самосохраненія; равнымъ образомъ инстинктъ этотъ опять-таки не достигаетъ цѣли при отсутствіи этихъ двухъ факторовъ. Всѣ три фактора тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, взаимно обуславливаются и вмѣстѣ растутъ. Инстинктъ самосохраненія есть одинъ изъ самыхъ первичныхъ животныхъ инстинктовъ и одинъ изъ

необходимѣйшихъ. Безъ паличности этого инстинкта не могъ бы сохраниться ни одинъ видъ животныхъ, въ какой-либо степени одаренныхъ самопроизвольнымъ движеніемъ и познавательной способностью. Инстинктъ самосохраненія господствуетъ надъ всей жизнью животнаго. То самое общественное развитіе, которое культъ познавательной способности относитъ на счетъ однихъ классовъ, а практическое движеніе на счетъ другихъ, и которое въ первыхъ порождаетъ воспареніе чистаго «духа» надъ грубой «матеріей»,—заходитъ иногда такъ далеко въ изолированіи познавательной способности, что послѣдняя отъ презрѣнія къ жалкой практикѣ, служащей на пользу самосохраненія жизни, приходитъ къ презрѣнію самой жизни. Но такому «познанію» еще нигдѣ не удавалось преодолѣть инстинктъ самосохраненія и задержать служащую жизненному самосохраненію практику. Пусть иное самоубійство будетъ философски обосновано, но, въ концѣ концовъ, при каждомъ осуществляемомъ на практикѣ актѣ наталкиваешься на ользнь или затруднительныя общественныя отношенія, какъ на причину самоубійства, но не на философское ученіе. Однимъ только философствованіемъ не преодолѣешь инстинкта самосохраненія.

Но если этотъ инстинктъ есть одинъ изъ первоначальныхъ и наиболѣе распространенныхъ, возникшихъ въ насъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, то онъ все же не единственный. Онъ служитъ только самосохраненію *индивидуума*. Какъ бы долго послѣдній ни существовалъ, въ концѣ концовъ, онъ исчезаетъ, не оставляя слѣдовъ своей индивидуальности, если онъ не размножается. Только тѣ виды организмовъ сохраняются въ борьбѣ за существованіе, которые оставляютъ потомство.

У растений и низшихъ животныхъ размноженіе есть такой актъ, который не требуетъ ни произвольнаго движенія, ни познавательной способности. Дѣло, однако, мѣняется у животныхъ, разъ только размноженіе становится половымъ, въ которомъ принимаютъ участіе два существа, соединяющіяся, чтобы либо вывести яйца и сѣмена изъ организма въ одно и то же мѣсто, либо ввести сѣмя въ тѣло индивидуума,носящаго яйца. Это вызываетъ желаніе. стремленіе встрѣтиться, соединиться. Безъ этого стремленія не можетъ совершиться половое размноженіе; чѣмъ сильнѣе оно ощу-

пается въ періоды, благопріятные для размноженія, тѣмъ раньше оно совершается, тѣмъ благопріятнѣе будутъ перспективы для достиженія потомства, для сохраненія вида. Эти перспективы, напротивъ, плохо обстоятъ для тѣхъ индивидовъ и родовъ, у которыхъ инстинктъ размноженія слабо развитъ. Исходя изъ данной степени развитія, естественный подборъ долженъ поэтому путемъ борьбы за существованіе развитъ въ животномъ мірѣ ярко выраженный инстинктъ размноженія и все болѣе его укрѣплять.

Но этого инстинкта не всегда достаточно для достиженія многочисленнаго потомства. Мы уже видѣли, что, по мѣрѣ того какъ растетъ способность движенія и познанія, число зародышей, производимыхъ индивидуумомъ, равно какъ ихъ жизненная стойкость обнаруживаютъ тенденцію уменьшаться. Съ другой стороны, чѣмъ больше раздѣленіе труда, чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ болѣе промѣжутокъ времени требуется для его развитія и созрѣванія. Если даже часть этого времени организмъ остается въ материнской утробѣ, то это все же имѣетъ свои границы. Уже по чисто пространственнымъ соображеніямъ материнское тѣло не въ состояніи нести въ себѣ организмъ, по величинѣ равный взрослому. Оно выталкиваетъ изъ себя дѣтеныша гораздо раньше, чѣмъ онъ достигъ этой стадіи. Но въ юномъ животномъ позднѣе всего развивается способность произвольнаго движенія и познанія; и животное это, по большей части, находится еще въ низкой стадіи развитія, когда покидаетъ защищающую его оболочку яйца или материнской утробы. Само же яйцо, вытолкнутое матерью, совершенно лишено способности двигаться и познавать. Поэтому забота о потомствѣ дѣлается одной изъ важныхъ материнскихъ функцій: сохраненіе въ укромномъ мѣстѣ и защита яицъ и дѣтенышей, кормленіе послѣднихъ и т. д. Подобно инстинкту размноженія, въ животномъ мірѣ развивается также любовь къ потомству, а именно материнская любовь, какъ необходимое съ извѣстнаго времени средство для обезпеченія дальнѣйшаго существованія вида. Съ инстинктомъ индивидуальнаго самосохраненія перечисленные нами инстинкты не имѣютъ ничего общаго; часто они, напротивъ того, приходятъ съ нимъ въ столкновеніе и могутъ достигъ такой силы, что преодолеваютъ самосохраненіе. Ясно, конечно, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ,

тѣ индивидуумы и роды имѣютъ больше всего шансовъ дальнѣе размножаться и передавать въ наслѣдство свои качества и инстинкты въ которыхъ инстинктъ самосохраненія не идетъ во вредъ размноженію и защитѣ потомства.

4. Соціальные инстинкты.

Наряду съ вышеуказанными инстинктами, свойственными высшимъ животнымъ, борьба за существованіе развила въ отдѣльныхъ животныхъ видахъ еще другіе, особенные, обусловленные своеобразіемъ ихъ образа жизни—напр., инстинктъ странствованія всѣхъ этихъ инстинктовъ мы не станемъ разсматривать. Здѣсь насъ только интересуетъ еще одинъ видъ инстинктовъ, имѣющихъ наибольшее значеніе для нашего предмета: *соціальный инстинктъ*.

Совмѣстная жизнь одинаковыхъ организмовъ большими массами есть явленіе, которое мы открываемъ уже въ ничтожныхъ зачаткахъ жизни—микробахъ. Явленіе это объясняется уже самымъ фактомъ размноженія. Если организмы лишены произвольнаго движенія, то естественно, что потомство соберется вокругъ производителей, если только движенія внѣшняго міра, водныя теченія, вѣтры и тому подобное, не унесутъ зародыши вдаль. Яблоко, какъ извѣстно, не далеко падаетъ отъ ствола, и если оно не будетъ съѣдено и упадетъ на плодородную почву, то изъ его зернышекъ вырастутъ молодыя деревца, которыя доставятъ общество старому дереву. Но и у животныхъ, надѣленныхъ способностью къ движенію, бываетъ, что молодые остаются у старыхъ, если внѣшнія обстоятельства не вынуждаютъ ихъ удалиться. Совмѣстная жизнь индивидуумовъ одинаковаго вида, самая первобытная форма общественной жизни, есть также самая первобытная форма жизни вообще. Дѣленіе организмовъ, имѣющихъ одинаковое происхожденіе, есть позднѣйшій актъ. Это дѣленіе можетъ быть вызвано самыми различными причинами. Наблизжайшей и обыкновенно наиболѣе дѣйствительной является недостатокъ пищи. Всякая мѣстность можетъ доставить определенное количество пищи. Въ случаѣ, если бы какой-нибудь опредѣленный животный видъ въ данной мѣстности размножился

болѣе, чѣмъ можетъ прокормиться данная мѣстность, то избытокъ размножившагося вида долженъ либо погибнуть съ голоду, либо переселиться. Количество совмѣстно живущихъ въ данной мѣстности организмовъ одного и того же вида не можетъ превышать опредѣленнаго числа.

Но имѣются животныя виды, для которыхъ изоляція, раздѣленіе индивидовъ или паръ, живущихъ только для себя, представляютъ преимущество въ боробѣ за существованіе. Такъ, напр., обстоитъ дѣло для кошачьихъ породъ, которыя выжидаютъ добычу, схватываютъ ее неожиданнымъ прыжкомъ. Этотъ способъ добыванія нищи былъ бы для нихъ затруднителенъ, даже невозможенъ, если бы онѣ жили большими стаями. Первый прыжокъ за добычей разогналъ бы дичь, и всѣ другіе ее лишились бы. Для волковъ, которые не нападаютъ неожиданно на добычу, но загоняютъ ее до смерти, напротивъ, можетъ получиться выгода съ сконченія стаями: одинъ загоняетъ добычу по направленію къ другому, который преграждаетъ ей путь. Кошка же какъ болѣе успѣшно охотится одна.

Съ другой стороны, опять-таки бываютъ животныя, ищущія уединенія, ибо такимъ путемъ они меньше всего бросаются въ глаза, легче могутъ укрыться, скорѣе убѣжать отъ враговъ. Преслѣдованія чловѣка, напр., привели къ тому, что нныя животныя, которыя раньше жили обществами, встрѣчаются еще только уединенными, какъ, напр., бобръ въ Европѣ. Это — единственный путь для него, чтобы остаться незамѣченнымъ.

Но есть, напротивъ, многочисленныя животныя, которыя извлекаютъ одинъ выгоды изъ своего общественнаго положенія. Рѣдко такія животныя принадлежатъ къ породѣ хищныхъ. Мы упомянули выше о волкахъ... Но и они охотятся стаями только тогда, когда нищи мало, зимой. Лѣтомъ, когда нищу легче достать, они живутъ парами. Хищное животное, по своей природѣ, склонно къ борбѣ и насилію, а потому оно обнаруживаетъ неуживчивость съ другими, себѣ подобными.

Болѣе миролюбивымъ характеромъ, благодаря способу добыванія нищи, обладаютъ травоядныя животныя. Уже это миролюбіе облегчаетъ для нихъ совмѣстную жизнь, а еще болѣе возможность для

ихъ потомства оставаться вмѣстѣ. Но также побуждасть собираться вмѣстѣ и то, что они болѣе безоружны, а большимъ числомъ своимъ приобрѣтають новое орудіе въ борьбѣ за существованіе. Соединеніе многихъ болѣе слабыхъ силъ для общаго дѣла можетъ создать новую, большую силу. Тогда и выдающіяся силы отдѣльныхъ могутъ всѣмъ принести пользу. Если сильнѣйшіе борются теперь за себя, они борются вмѣстѣ съ тѣмъ за слабѣйшихъ; если опытнѣйшіе заботятся о своей безопасности, ищутъ для себя пастбищъ, то они это дѣлають также для менѣе опытныхъ. Теперь становится также возможнымъ ввести среди объединенныхъ индивидуумовъ раздѣленіе труда, которое, какъ бы мимоходомъ оно ни было, все-таки повышаетъ ихъ силы и безопасность. Невозможно наблюдать за мѣстностью съ полнѣйшимъ вниманіемъ и въ то же время насыщаться полнымъ душевнымъ спокойствіемъ. Во время сна какое бы то ни было наблюденіе становится, разумѣется, невозможнымъ. Но, живя въ союзѣ, достаточно одного сторожа, чтобы остальнымъ доставить безопасность при дѣлѣ или снѣ

Благодаря раздѣленію труда, союзъ индивидовъ превращается въ тѣло съ различными органами, приспособленными для цѣлесообразнаго взаимодействія, а цѣлью является сохраненіе общественнаго тѣла—тѣло это дѣлается *организмомъ*. Этнмъ, однако, не сказано, что новый организмъ—общество—является тѣломъ въ томъ же смыслѣ, что животное или растеніе; оно есть организмъ особаго рода, гораздо болѣе отличающійся отъ животного или растенія, чѣмъ они между собою. Животный и растительный организмъ состоитъ изъ клѣтокъ, лишенныхъ произвольнаго движенія и самосознанія; общество, напротивъ, изъ индивидовъ, способныхъ двигаться и сознать. Но если животный организмъ, какъ цѣлое, надѣленъ движеніемъ и сознаніемъ, то таковыхъ недостаетъ обществу, чѣмъ оно уподобляется растенію. Однако, индивиды, образующіе общество, надѣляютъ отдѣльныхъ своихъ членовъ такими функціями, при посредствѣ которыхъ они подчиняють общественныя силы единой волѣ и вызываютъ единодушныя движенія общества.

Съ другой стороны, индивидуумъ и общество находятся съ

гораздо болѣе слабой связи, чѣмъ клѣтки организма растительнаго и животнаго. Индивидуумъ можетъ порвать связь съ однимъ обществомъ и примкнуть къ другому, какъ доказываетъ переселеніе. Это невозможно для клѣтки: для послѣдней разрывъ связи съ цѣлымъ обозначаетъ отмирание, исключая только отдѣльныхъ клѣтокъ особаго рода, какъ сѣмена и яйца при процессахъ оплодотворенія. Съ другой стороны, общество также можетъ непосредственно включить въ свой составъ новыхъ индивидовъ, безъ какаго бы то ни было обмѣна веществъ, безъ какого-либо измѣненія формы, что для животнаго организма совершенно невозможно. Наконецъ, индивидуумы, образующіе общество, могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ измѣнить органы и организацію общества, между тѣмъ какъ что-либо подобное недопустимо для животнаго или растительнаго организма.

Если, такимъ образомъ, общество есть организмъ, то, во всякомъ случаѣ, не животный, и желаніе объяснить нѣкоторыя своеобразныя явленія общества, а именно политическія, законами, которыми управляется животный міръ, не менѣе нелѣпо, чѣмъ мысль выводить особенности животнаго организма, какъ произвольное движеніе и сознаніе, изъ законовъ растительнаго бытія. Разумѣется, изъ этого еще не слѣдуетъ, что нѣтъ ничего общаго между различными видами организмовъ.

Подобно животному, и общественный организмъ тѣмъ лучше устоитъ въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ единодушнѣе его движенія, чѣмъ прочнѣе связь, чѣмъ больше гармонія между его частями. Но общество не имѣетъ крѣпкаго скелета, который служилъ бы опорой мягкимъ частямъ, не имѣетъ кожи, охватывающей цѣлое, не имѣетъ кровеносной системы, питающей всѣ части, не имѣетъ сердца, регулирующаго эту кровеносную систему, не имѣетъ мозга, который бы дѣлалъ единымъ познаніе, волю, движенія общественнаго организма; какъ единство и гармонія, такъ и связь въ обществѣ могутъ проистечь только изъ поступковъ и воли его членовъ. Эта единая воля будетъ, однако, тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ сильнѣе истиннѣе, се вызвавшій.

У животныхъ породъ, у которыхъ общественная связь становится настоящимъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, подъ

вліяніемъ этой связи порождаются общественныя, соціальныя инстинкты, пріобрѣтающіе у нѣкоторыхъ видовъ и у нѣкоторыхъ индивидуумовъ паразитическую силу, благодаря чему они могутъ побороть въ себѣ инстинкты самосохраненія и размноженія, если соціальныя инстинкты приходятъ съ послѣдними въ столкновеніе. Зародышъ соціальныхъ инстинктовъ мы можемъ уже видѣть въ томъ интересѣ, какой вызываетъ въ индивидуумѣ одинъ только фактъ общественнаго сожителства, по отношенію къ товарищамъ, къ обществу которыхъ индивидуумъ съ малолѣтства привыкъ. Съ другой стороны, размноженіе и забота о потомствѣ должны уже привести къ болѣе или менѣе продолжительнымъ сношеніямъ между различными индивидуумами одного и того же вида. А такъ какъ эти сношенія послужили исходными пунктами образованія обществъ, то соотвѣтствующіе имъ инстинкты дали толчокъ къ развитію соціальныхъ инстинктовъ.

Всѣ перечисленные нами инстинкты различаются у разныхъ видовъ, смотря по ихъ жизненнымъ условіямъ, но извѣстный рядъ инстинктовъ образуетъ предварительное условіе для процвѣтанія всякаго рода обществъ. Прежде всего, такую роль играетъ *самотреченіе*, преданность общему; затѣмъ—*храбрость* въ защитѣ общихъ интересовъ; *вѣрность* въ отношеніи общины, подчиненіе волѣ цѣлаго, слѣдовательно—повиновеніе или *дисциплина*; *правдивость* въ отношеніи общества, безопасность котораго была бы поставлена на карту, или силы котораго были бы даромъ потрачены путемъ введенія его въ заблужденіе или же подачи фальшивыхъ сигналовъ, наконецъ, такую же роль играетъ честолюбіе, чувствительность къ похвалѣ или порицанію общины. Все это суть соціальныя инстинкты, которые уже наблюдаются въ животныхъ обществахъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ ступеней развитія.

Всѣ эти соціальныя инстинкты являются, однако, ничѣмъ инымъ, какъ самыми возвышенными добродѣтелями; ихъ сущность есть нравственный законъ. Между ними не имѣется развѣ только любви къ справедливости, т. е. стремленія къ равенству. Для развитія этихъ склонностей въ животномъ обществѣ нѣтъ, конечно, подходящихъ условій, ибо обществу этому извѣстны только естественныя,

индивидуальныя неравенства, но оно совершенно незнакомо съ социальнымъ неравенствомъ, вызваннымъ общественными отношеніями. Возвышенный нравственный законъ, гласящій, что товарищъ никогда не долженъ служить только простымъ средствомъ для достиженія цѣли, который наши кантиціанцы считаютъ однимъ изъ величайшихъ продуктовъ Кантовскаго гевія, смотря на него, какъ на «нравственную программу новаго времени и всякаго будущаго міровой исторіи», въ животныхъ обществахъ — вещь сама собою разумѣющаяся. Только съ развитіемъ человѣческаго общества создалось такое состояніе, когда ближній сталъ простымъ орудіемъ другихъ. То, что Канту казалось чѣмъ-то пришедшимъ изъ міра духовныхъ существъ, беретъ свое начало въ животномъ мірѣ. Какъ тѣсно социальныя инстинкты срослись съ борьбой за существованіе и что они сначала служили исключительно только самосохраненію вида, явствуетъ уже изъ того, что ихъ дѣйствіе простирается часто только на такихъ индивидуумовъ, сохраненіе которыхъ выгодно для вида. Цѣлый рядъ животныхъ, ставящихъ на карту свою жизнь ради спасенія болѣе молодыхъ и слабыхъ товарищей, не задумываясь убиваютъ больныхъ и старыхъ товарищей, которые стали не нужны для сохраненія вида, а обществу—въ тягость. «Моральное чувство», «симпатія» не простираются на эти элементы. Подобнымъ образомъ поступаютъ многіе дикари.

Животнымъ инстинктомъ и ничѣмъ инымъ является нравственный законъ. Этимъ объясняется его таинственная природа, этотъ голосъ внутри насъ, не связанный ни съ какимъ вѣшнимъ толчкомъ, ни съ какимъ видимымъ интересомъ; инстинктъ этотъ и есть тотъ демонъ или Богъ, котораго, начиная съ Сократа и Платона вплоть до Канта, ощущали въ себѣ всѣ г.г. этики, не соглашавшіеся выводить этику изъ себялюбія или удовольствія. Несомнѣнно, что это есть таинственное стремленіе, но она не болѣе таинственна, чѣмъ половая любовь, материнская любовь, инстинктъ самосохраненія, сущность организма вообще и столь много другихъ вещей, которыя относятся только къ міру «явленій» и на которыя никто не станетъ смотрѣть, какъ на продукты сверхъестественнаго міра.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что нравственный законъ есть животный инстинктъ, однородный съ инстинктами самосохраненія и размноженія, и объясняется его сила, его давленіе, которому мы безъ размысленія подчиняемся; вотъ почему мы въ отдѣльныхъ случаяхъ такъ быстро рѣшаемъ вопросъ о томъ, хорошъ или дуренъ данный поступокъ, относится ли онъ къ категоріи добродѣтельныхъ, или же порочныхъ, вотъ почему мы такъ быстро и съ такой энергіей произносимъ нашъ нравственный приговоръ; въ силу всего этого, намъ такъ трудно найти основу, когда разумъ начинаетъ расчленять поступки и искать для нихъ мотивовъ. Тогда и приходятъ къ тому выводу, что все понято—значить все простить, что все необходимо, что нѣтъ ничего ни хорошаго, ни дурного.

Не изъ нашей познавательной способности, но изъ области нашихъ инстинктовъ исходитъ нравственный законъ, также и нравственное сужденіе, равно какъ и чувство *долга* и *совѣсти*.

У нѣкоторыхъ животныхъ видовъ соціальныя инстинкты достигаютъ такой силы, что преобладаютъ всѣ прочіе. Если какіе-либо другіе инстинкты приходятъ въ столкновеніе съ соціальными, то они выступаютъ могущественно, какъ велѣніе *долга*. Это не мѣшаетъ тому, чтобы въ такихъ случаяхъ *попутно* особенный инстинктъ, можетъ быть и инстинктъ самосохраненія или размноженія, проявился въ болѣе могущественной формѣ, чѣмъ соціальный, и взялъ бы надъ нимъ верхъ. Но какъ только опасность миновала, то инстинктъ самосохраненія тотчасъ же суживается, равнымъ образомъ—инстинктъ размноженія послѣ совершеннаго совокупленія. Но соціальный инстинктъ сохраняетъ прежнюю силу, снова одерживаетъ верхъ въ индивидуумѣ и дѣйствуетъ на него, какъ голосъ *совѣсти* и *раскаянія*. Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, который видитъ въ совѣсти голосъ боязни передъ товарищами, передъ ихъ мнѣніемъ или даже ихъ физическимъ давленіемъ. Голосъ совѣсти заговариваетъ также послѣ такихъ поступковъ, о которыхъ нѣкто ничего не узналъ, даже послѣ совершенія поступковъ, казавшихся окружающимъ весьма заслуживающими похвалы; болѣе того, совѣсть наша можетъ выразиться въ формѣ отвораченія къ поступкамъ, которые мы совершили изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Общественное мнѣніе, хвала и порицаніе, несомнѣнно, очень вліятельные факторы, но ихъ дѣйствіе предполагаетъ уже опредѣленный соціальный инстинктъ — честолюбіе; сами по себѣ выше упомянутые факторы не могутъ возрастать соціальные инстинкты.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, что совѣсть присуца только человѣку.

И у человѣка она едва ли была бы открыта, если бы каждый не ощущалъ въ себѣ ея дѣйствія. Вѣдь совѣсть—это такая сила, которая не выступаетъ наружу ясно и очевидно, но дѣйствуетъ въ затаенной глубинѣ нашего существа. Но, несмотря на это, нѣкоторые изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что открыли и у животныхъ присутствіе чего-то, въ родѣ совѣсти. Такъ, напр., Дарвинъ въ своей книгѣ о происхожденіи человѣка говоритъ:

«Кромѣ любви и симпатіи, животныя обнаруживаютъ еще другія качества, стояція въ связи съ соціальными инстинктами, которыя у человѣка были бы названы моральными; и я согласенъ съ Агас-симомъ, что собакамъ присуца нѣчто очень сходное съ совѣстью. Собаки, несомнѣнно, обладаютъ нѣкоторой силой самообладанія, и послѣдняя, повидимому, не есть одно только послѣдствіе боязни. По замѣчанію Браубаха, собака удерживается отъ кражи пищи въ отсутствіе своего господина».

Если совѣсть и чувство долга являются послѣдствіями продолжительнаго перевѣса соціальныхъ инстинктовъ въ данномъ животномъ видѣ, въ силу чего они проявляются у особей дикихъ видовъ наиболѣе равномерно и постоянно, между тѣмъ какъ сила другихъ инстинктовъ подвергается сильнымъ колебаніямъ въ отдѣльные моменты и при отдѣльныхъ положеніяхъ,—то все же и сила соціальныхъ инстинктовъ никогда не бываетъ совершенно свободной отъ колебаній. Однимъ изъ своеобразнѣйшихъ явленій надо считать то, что соціальными животныя, будучи соединены въ большія группы, ощущаютъ въ себѣ также болѣе сильный приливъ соціальныхъ инстинктовъ. Всемъ извѣстенъ тотъ, напр., фактъ, что на многолюдномъ собраніи создается совсѣмъ другое настроеніе, чѣмъ на малочисленномъ, что большая толпа сама по себѣ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ также и на ораторовъ. Въ толпѣ

люди не только храбрѣе, что можно объяснить тѣмъ, что каждый тутъ возлагаетъ надежды на помощь товарища, но въ ней они также менѣе эгоистичны, болѣе самоотвержены, воодушевлены. При этомъ весьма часто послѣ, когда они почувствуютъ себя предоставленными себѣ самимъ, настраиваются болѣе трезво, трусливо, эгоистично. Все это примѣнимо не только къ людямъ, но также и къ социальнымъ животнымъ. По этому поводу Эспинасъ цитируетъ въ своей книгѣ объ «Обществахъ животныхъ» наблюденіе Фореля. Послѣдній нашелъ, что «храбрость каждаго муравья увеличивается у одного и того же вида въ прямомъ отношеніи съ числомъ его товарищей или друзей и, равнымъ образомъ, уменьшается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ изолированъ отъ своихъ товарищей. Каждый обитатель очень населеннаго муравейника гораздо храбрѣе, чѣмъ членъ во всемъ остальномъ совершенно подобнаго, но очень маленькаго муравейника. Та же самая работница, которая среди своихъ товарищъ двадцать разъ дастъ себя убить, проявить крайнюю степень боязливости, будетъ избѣгать малѣйшей опасности, будетъ избѣгать даже борьбы съ болѣе слабымъ муравьемъ, какъ только она удалится на двадцать шаговъ отъ своего строенія».

Болѣе сильныя социальныя ощущенія не связываются непременно съ болѣе высокой познавательной способностью. Въ общемъ, каждый инстинктъ скорѣе проявляетъ тенденцію нѣсколько затемнять точность познанія внѣшняго міра. Чего намъ хочется, въ то мы охотно вѣримъ; чего мы боимся, то мы тоже легко преувеличиваемъ. Инстинкты содѣйствуютъ тому, что многія вещи легко кажутся намъ несоответственно большими или близкими, а другія просматриваются нами. Извѣстно, что инстинктъ размноженія дѣлаетъ нѣкоторыхъ животныхъ временно совершенно слѣпыми и глухими. Социальныя инстинкты хотя и не такъ рѣзко и интенсивно выступаютъ и, въ общемъ, меньше затемняютъ познавательную способность, но могутъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, тоже сильно вліять на нее. Достаточно вспомнить, напр., дѣйствіе вѣрности и дисциплины у овецъ, которыя сослѣпу устремляются за вожакомъ-бараномъ, куда бы онъ ни повелъ.

Правдивный законъ, обрѣтающійся внутри насъ, можетъ, подобно всякому другому инстинкту, обмануть наше познаніе. За-

конъ этотъ самъ по себѣ не есть ни продуктъ, ни источникъ мудрости. То, что выдается за самое возвышенное и божественное въ насъ по своей сущности—однородно съ тѣмъ, на что принято смотрѣть, какъ на самое низменное и какъ на дьявольское навожденіе. Правственный законъ имѣетъ ту же природу, что и инстинктъ размноженія. Ужасно смѣшно видѣть, какъ первый чрезмѣрно возвышаются, а второй съ презрѣніемъ и отвращеніемъ отвергаютъ. Но не меньшимъ заблужденіемъ было бы думать, что человѣкъ можетъ и долженъ неограниченно слѣдовать велѣніямъ всѣхъ своихъ инстинктовъ, что они все будто бы равны.

Взглядъ этотъ вѣренъ лишь постольку, поскольку ни объ одномъ инстинктѣ нельзя сказать, что онъ достоинъ осужденія. Но этимъ еще не сказано, что инстинкты эти не становятся очень часто поперекъ пути другъ другу. Попросту невозможно, чтобы человѣкъ слѣдовалъ безъ ограниченій всѣмъ своимъ инстинктамъ, ибо они сами взаимно сталкиваются. То, какой изъ нихъ беретъ верхъ въ данный моментъ, и къ какимъ послѣдствіямъ эта побѣда поведетъ для индивидуума и его общества,—зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ; здѣсь намъ не помогутъ ни этика удовольствія, ни нравственный законъ, стоящій вѣи пространства и времени.

Но разъ нравственный законъ признанъ соціальнымъ инстинктомъ, который была порожденъ въ насъ наравнѣ съ другими инстинктами, борьбой за существованіе, то сверхчувственный міръ теряетъ главную опору въ человѣческомъ мышленіи. Главные боги политеизма были свергнуты съ тропы еще натурфилософіей. Если же, не смотря на это, могла возникнуть новая философія, которая не только снова пробудила сверхчувственный міръ и вѣру въ Бога, но обосновало ихъ еще прочнѣе, придавъ имъ болѣе возвышенную форму, какъ это сдѣлалъ въ древности Платонъ, наканунѣ французской революціи—Кантъ, то причиной тутъ была проблема нравственнаго закона; для объединенія этого закона недостаточно было сведенія его источника ни къ удовольствію, ни къ «нравственнымъ чувствамъ»—два единственныхъ «естественныхъ», причинныхъ объясненія, казавшихся возможными. Только съ появленіемъ дарвинизма было покончено съ дѣленіемъ человѣческой природы

на двѣ части—естественную, животную и сверхъестественную, небесную.

Но этимъ еще не была разрѣшена вся этическая проблема: если даже нравственное стремленіе, долгъ и совѣсть, равно какъ и основные типы добродѣтели, можно было выводить изъ соціальныхъ инстинктовъ, то послѣдніе оказываются ни при чемъ, когда дѣло идетъ объ объясненіи *нравственнаго идеала*. Нельзя найти ни слѣда такого идеала въ животномъ мірѣ. Только человѣкъ въ состояніи ставить себѣ идеалы и стремиться къ нимъ. Откуда же они берутъ свое начало? Предопредѣлены ли они для человѣческаго рода съ самаго начала времени, какъ несокрушимые завѣты природы или вѣчнаго Разума, завѣты, не создаваемые человѣкомъ, но проявляющіеся предъ нимъ независимо, какъ господствующія надъ нимъ силы, указующія ему дѣли, къ которымъ ему слѣдуетъ стремиться. Таковъ былъ въ основѣ взглядъ всѣхъ мыслителей восемнадцатаго столѣтія, атеистовъ, какъ и деистовъ, матеріалистовъ, какъ и идеалистовъ. Это возрѣніе даже въ устахъ самыхъ смѣлыхъ матеріалистовъ проявляло тенденцію къ допущенію сверхъестественнаго Провидѣнія, которому теперь нечего было дѣлать въ природѣ, но которое все еще парило надъ человѣческимъ обществомъ. Эволюціонная идея, признававшая происхожденіе человѣка изъ животнаго міра, сдѣлало такого рода идеализмъ обсурднымъ въ устахъ матеріалистовъ.

Между тѣмъ, прежде чѣмъ Дарвинъ обосновалъ свою, начавшую собою эпоху, теорію, возникло уже то ученіе, которое вскрыло также и тайну нравственнаго идеала. То было ученіе *Маркса* и *Энгельса*.

V. ЭТИКА МАРКСИЗМА.

I. Корни матеріалистическаго пониманія исторіи.

Быстрые успѣхи естествознанія со времени французской революціи находятся въ тѣсной связи съ подъемомъ, котораго достигъ съ тѣхъ поръ капитализмъ.

Капиталистическая, крупная индустрія все больше покоилась на примѣненіи естествознанія, а потому имѣла полное основаніе снабжать его людьми и средствами. Но новая техника не только доставляла естествознанію новые объекты для дѣятельности, но также новыя орудія и методы. Международный обмѣнъ снабжалъ, накопецъ, естественныя науки богатѣйшимъ новымъ матеріаломъ. Такимъ-то образомъ естествознаніе пріобрѣтало силу и средства, давшія ей возможность побѣдоносно вывести на свѣтъ эволюціонную идею. Но еще больше, чѣмъ для естествознанія, французская революція явилась эпохой для общественныхъ наукъ, для, такъ называемыхъ, наукъ абстрактныхъ. Вѣдь въ естествознаніи эволюціонная идея уже раньше сильно занимала умы нѣкоторыхъ мыслителей. Въ абстрактныхъ же наукахъ, напротивъ, идея развитія встрѣчалась до революціи развѣ въ ничтожныхъ зачаткахъ. Только со времени революціи идея эта стала развиваться. Абстрактныя науки—философія, право, исторія, политическая экономія — служили до революціи для воспринявшей буржуазіи прежде всего средствомъ борьбы противъ враждебныхъ ей господствующихъ политическихъ и соціальныхъ силъ, которыя коренились въ прошломъ. Дискредитировать прошлое и, въ противобѣдъ ему, выставить цѣли буржуазіи новое, *грядущее*, какъ единственно разумное и хорошее — такова была главная задача этихъ наукъ.

Все это измѣнилось со времени революціи. Послѣдняя принесла буржуазіи въ существеномъ все то, что ей требовалось. Но революція вскрыла также соціальныя силы, которыя стремились дальше, чѣмъ сама буржуазія, которыя хотѣли больше того, что принесла революція. Эти новыя силы начинали казаться буржуазіи болѣе опасными, чѣмъ остатки ниспровергнутыхъ. Стать съ послѣдними на хорошую ногу стало завѣтомъ политической мудрости буржуазіи. Но въ силу этого неизбѣжно смягчилось также ея сужденіе о прошломъ.

Съ другой стороны, революція принесла разочарованіе именно идеологамъ. Какъ бы великъ ни былъ выигрышъ буржуазіи отъ революціи, послѣдняя далеко не оправдала тѣхъ ожиданій о наступленіи гармоническаго царства «добрыхъ правовъ», о всеоб-

щемъ благосостояніи и счастья, которыя связывались съ круше-ніемъ прошлаго. Трудно было продолжать падыаться на будущее; чѣмъ больше неудовлетворенія получалось въ настоящемъ, чѣмъ больше запугивали воспоминанія о недавнемъ прошломъ, которое привело къ этому настоящему, тѣмъ болѣе свѣтлымъ казалось отдаленное прошлое. Это, какъ извѣстно, въ искусствѣ породило романтику. Но подобное же теченіе появилось и въ абстрактныхъ наукахъ. Начали изслѣдовать прошлое, не для того, чтобы осудить его, но съ цѣлью понять; не для того, чтобы представить его, какъ *безуміе*, но съ цѣлью постичь его *разумность*.

Но революція слишкомъ радикально поработала, чтобы можно было серьезно думать снова возстановить тотъ строй, который былъ ею ниспровергнутъ. Если прошлое и было разумно, то нужно же было признать, что оно *стало* неразумно, невозможно. Общественно разумное и необходимое, въ силу этого, перестало быть какимъ-то неизмѣннымъ понятіемъ. Такъ возникло возрѣніе соціальной эволюціи.

Прежде всего это относилось къ *германской* древности. Въ Германіи только что описанный процессъ совершился наиболѣе рѣзко. Тамъ революціонный образъ мыслей не такъ глубоко проникъ, не пустилъ такихъ глубокихъ корней, какъ во Франціи, тамъ революція также не произвела такого радикальнаго дѣйствія, не привела къ такому сотрясенію сплъ и возрѣній прошлаго и, въ заключеніе, выступила скорѣе опустошительнымъ, чѣмъ освободительнымъ элементомъ.

Но къ изученію нѣмецкой древности присоединилось изслѣдованіе аналогичныхъ періодовъ. Въ Америкѣ молодая община Соединенныхъ Штатовъ къ началу девятнадцатаго столѣтія ушли такъ далеко, что тамъ развился собственный классъ интеллигенціи, собственная беллетристика и наука. Но что особенно отличало Америку отъ Европы, это было тѣсное сожительство капиталистической цивилизаціи бѣлыхъ съ индійскимъ варварствомъ. Последнее было объектомъ, особенно привлекавшимъ беллетристику и науку. Вскорѣ послѣ возникновенія нѣмецкой романтики появился индійскій романъ, а за исторической школой пра-

ва—послѣдовало возрожденіе міра сказокъ и сагъ, за сравнительнымъ языковѣдніемъ въ Германіи — научное изученіе соціальныхъ и лингвистическихъ отношеній индійцевъ въ Америкѣ.

По водвореніе англичанъ въ Остѣ-Индіи, еще раньше этого времени, повлекло за собою возможность, даже необходимость изслѣдованія языковъ, нравовъ, обычаевъ этой области. До самой Германіи проникло къ началу девятнадцатаго столѣтія изученіе санскритскаго языка, чѣмъ было положено основаніе къ сравнительному языковѣднію, а это, въ свою очередь, опять-таки повлекло за собою серьезные выводы по вопросу о жизни подгерманскихъ народовъ въ первобытныя времена.

Все это давало теперь, однако, возможность иначе, чѣмъ прежде, разработать сообщенія цивилизованныхъ изслѣдователей о дикихъ народахъ, а также находка оружія и орудій вымершихъ поселенцевъ, на что до сихъ поръ смотрѣли, только какъ на курьезы.

Наблюденія и находки эти послужили теперь матеріаломъ, при помощи котораго найденныя уже звѣзды цѣпи общественнаго развитія удалось удлинить назадъ и пополнить нѣкоторые пробѣлы этого развитія.

Но во всей этой исторической работѣ не доставало объекта, господствовавшаго до сихъ поръ во всѣхъ исторіографіяхъ—того на первомъ планѣ человѣческаго индивидуума. Въ письменныхъ источникахъ, изъ которыхъ до того времени исключительно черпалось знаніе исторіи человѣчества, занесено было только экстраординарное, ибо это было единственное, что бытописателю происшествій своего времени казалось достойнымъ вниманія. Кому бы пришло на умъ изобразить обыденное, всѣмъ извѣстное! Необычайный человѣкъ, изъ ряда вонъ выдающееся явленіе, какъ война и революція, одни только и заслуживали того, чтобы о нихъ повѣствовали. Такимъ образомъ для традиціонныхъ исторіографій, которыя сводились къ списыванію съ большей или меньшей критикой унаслѣдованныхъ источниковъ, человѣкъ былъ главнымъ двигателемъ исторіи, а въ эпоху феодализма — король, полководецъ, оспователь религіи и священникъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи эти именно элементы клеймились

тогда уже буржуазной интеллигенціей, какъ виновники всего дурного въ мірѣ, а зато философы, какъ законодатели и учителя, возводились ею въ единственныхъ посителей прогресса. Но всякій прогрессъ казался чѣмъ-то чисто виѣшнямъ, одной толькой смѣной костюмовъ. То время, когда источники историческихъ писаній стали обильнѣе, время побѣды грековъ надъ персидскимъ нашествіемъ, обозначало собою именно наивысшій пунктъ общественнаго развитія. Съ тѣхъ поръ общество въ странахъ Средиземнаго моря стало разлагаться, пошло подъ гору и дошло до варварства эпохи переселенія народовъ. Послѣ того общественное развитіе европейскихъ народовъ шло крайне медленно, и даже въ восемнадцатомъ столѣтіи оно еще не очень высоко поднялось надъ уровнемъ классической древности, и въ нѣкоторыхъ вопросахъ политики, философіи и особенно искусства древность эта могла еще служить образцомъ.

Вся исторія казалась какимъ-то подъемомъ и паденіемъ, волшебнымъ кругомъ, и такъ какъ отдѣльные индивидуумы постоянно ставили себѣ неосуществимыя цѣли, а потому обыкновенно «терпѣли крушеніе», то этотъ волшебный кругъ казался какой-то ужасающей трагикомедіей, въ которой даже наиболѣе возвышенныя и сильныя личности были осуждены на несчастныя роли. Совѣтъ иной представляется первобытная исторія. Исторія эта, какъ и отдѣльныя ея науки—исторія права, сравнительное языкознаніе, этнографія—находятъ въ разрабатываемыхъ ею источникахъ не экстраординарное или индивидуальное, но обыденное и обыкновенное. Но именно въ этомъ первобытная исторія можетъ съ полной увѣренностью найти путь прогрессивнаго развитія. И чѣмъ больше растетъ ея матеріаль, чѣмъ больше возможности предоставляется сравнивать аналогичное съ аналогичнымъ, тѣмъ больше исторія эта приходитъ къ выводу, что такого рода развитіе не есть нѣчто случайное, но нѣчто—закономѣрное. Но матеріаломъ, находящимся въ ея распоряженіи, являются, съ одной стороны, факты *техники*, а съ другой—*права, обычаи, религіи*. Установить закономѣрность значило привести технику въ причинную связь съ правовыми, обычными, религіозными воззрѣніями, не прибѣгая къ помощи необыкновенныхъ происшествій и

индивидуумовъ. Эта зависимость, съ другой стороны, была установлена къ тому времени *статистикой*.

Пока *община* была наиболѣе важнымъ экономическимъ институтомъ, не было почти надобности въ статистикѣ. Въ общинѣ обыкновенно легко было ориентироваться. Но если даже тамъ появлялась статистика, то она едва ли могла привести къ научнымъ наблюденіемъ, такъ какъ, при ничтожности чиселъ, закономерность имѣла мало цѣны. Все это должно было измѣниться съ созданіемъ капиталистической формы производства современныхъ государствъ, котерыя не представляютъ собою, подобно прежнимъ, скопленій отдѣльныхъ общинъ и областей, но—единый организмъ съ важными экономическими функціями. Кромѣ того, капиталистическое производство не только превратило государство во внутренній рынокъ, но создало при этомъ и міровой рынокъ. Это повлекло къ широко переплетающимся между собою взаимоотношеніямъ, котерыя безъ посредства статистики совершенно невозможно обозрѣть. Основанная съ чисто практической цѣлью въ связи съ фискальными нуждами и нуждами рекрутскаго набора, для надобностей таможеннаго дѣла, наконецъ, для страховыхъ обществъ, статистика захватывала все болѣе широкія области и, наконецъ, собрала такой матеріалъ массовыхъ наблюденій, что закономерность должна была броситься въ глаза внимательнымъ обозрѣвателямъ матеріала. Въ Англии уже къ концу семнадцатаго столѣтія дѣло доведено было Петти до созданія «политической ариметики», при которой приблизительная оцѣнка играла, однако, еще большую роль. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, однако, методъ статистическихъ приѣмовъ былъ уже такъ усовершенствованъ и области ея изслѣдованія столь разнообразны, что получилась возможность съ болѣею увѣренностью открывать закономерное въ поступкахъ большихъ человѣческихъ массъ. Бельгіецъ Кетле былъ первый, который въ тридцатыхъ годахъ пытался такимъ способомъ изобразить фізіологію человѣческаго общества.

Опредѣляющимъ въ перемѣнахъ человѣческихъ поступковъ постоянно являлись матеріальныя, обыкновенно *экономическія*, измѣненія. Такимъ путемъ была установлена зависимость увеличенія

и уменьшенія преступленій, самоубійствъ, вступленій въ бракъ, повишеній и пониженій цѣнъ на хлѣбъ.

Это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что экономическіе мотивы сами по себѣ выставлялись какъ причины, побуждавшія къ вступленію въ бракъ. Никто не станеть разсматривать половой инстинктъ какъ результатъ экономического мотива. Но перемѣна въ годовомъ количествѣ вступленій въ бракъ вызывается перемѣной въ экономическомъ положеніи. *Россинъ*

Наряду со всѣми этими новыми науками слѣдуетъ, наконецъ, еще упомянуть о перемѣнѣ въ характерѣ одной части новѣйшей историографіи. Французская революція такъ ясно выступила, какъ классовая борьба, что не только ея историографы вынуждены были это признать, но часть историковъ, подъ вліяніемъ этого, почувствовала желаніе и въ другихъ историческихъ періодахъ изучить роль классовой борьбы и открыть въ послѣдней побудительныя силы общественнаго развитія. Но классы опять-таки являются продуктами *экономической* структуры общества, а изъ послѣдней возникали также *противорѣчія*, слѣдовательно—борьба классовъ. То, что связываетъ каждый классъ, что его обособляетъ отъ другого класса, опредѣляетъ его противорѣчіе къ послѣднему, это есть своеобразный *классовый интересъ*, новый видъ интереса, о которомъ ни одинъ этпкъ восемнадцатаго столѣтія не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія, къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ. Всѣ эти успѣхи и открытія, которыя, конечно, выяснялись только по частямъ и рѣдко съ полной очевидностью, представили собою въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія всѣ существенные элементы для матеріалистическаго пониманія исторіи. Матеріалъ этотъ только дождался мастеровъ, которые, овладѣвъ имъ, создали бы изъ него единую картину. Это сдѣлали, какъ извѣстно, Энгельсъ и Маркъсъ.

Только такимъ глубокимъ мыслителямъ, какъ они, былъ доступенъ такой трудъ; постольку это и должно считаться ихъ личнымъ произведеніемъ. Но никакому Энгельсу, никакому Марксу созданіе такого труда не было бы возможно раньше, чѣмъ всѣ эти новыя науки добились цѣлаго ряда новыхъ результатовъ. Съ другой стороны, человекъ съ гениемъ Гельвеція или Канта, навѣрно,

могъ бы тоже открыть матеріалистическое пониманіе исторіи, если бы въ то время были на лицо научныя условія для этого. Наконецъ, Марьсъ и Энгельсъ, несмотря на свой геній и несмотря на предварительныя труды, доставленныя новѣйшими науками, не смогли бы и въ девятнадцатомъ столѣтіи открыть ученіе матеріалистическаго пониманія исторіи, если бы они не стали на *пролетарскую* точку зрѣнія, слѣдовательно—если бы не были *соціалистами*. Это было безусловно необходимо для того, чтобы открыть такое пониманіе исторіи. Въ этомъ смыслѣ такая философія есть *пролетарская*, а всѣ противоположныя ей воззрѣнія должны считаться буржуазными.

Возникновеніе идеи эволюціи въ общественныхъ наукахъ совпало съ эпохой реакціи, когда для ближайшаго будущаго не ставился вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи общества, когда идея эволюціи служила только для объясненія происшедшаго до сихъ поръ развитія, а въ силу этого—въ извѣстномъ смыслѣ оправданіемъ, иногда прославленіемъ этого прошлаго. Какъ и въ романтикѣ, въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка черезъ всю историческую школу правовѣдѣнія, черезъ все изученіе древности, даже черезъ изслѣдованіе санскритскаго языка — достаточно припомнить, напр., буддизмъ Шопенгауэра — красной нитью проходятъ реакціонное теченіе. То же теченіе наблюдается въ той философій, которая эволюціонную идею, выработанную той эпохой, поставила въ центрѣ своей системы—въ Гегельянской. И эта философія должна была быть только прославленіемъ происходившаго доселѣ развитія, окончательнымъ завершеніемъ котораго была монархія Божьей милостью. Какъ реакціонная, эта философія развитія необходимо была также *идеалистической*, ибо настоящее, дѣйствительность, находилось въ слишкомъ большомъ противорѣчій къ ея реакціоннымъ тенденціямъ.

Когда дѣйствительность, т. е. капиталистическое общество, снова такъ далеко ушла, что смогла прорвать всѣ эти тенденціи, тогда идеалистическая философія развитія стала невозможной: она была побѣждена болѣе или менѣе откровеннымъ матеріализмомъ. Но только съ пролетарской точки зрѣнія стало возможно превращеніе идеи общественнаго развитія въ матеріалистическую

т. е. признаіе въ дѣйствительности совершающагося на основаніи естественныхъ законовъ общественнаго развитія. Буржуазія противилась теперь всякой мысли о дальнѣйшемъ общественномъ развитіи и отклоняла отъ себя всякую эволюціонную философію, которая не ограничивалась бы изученіемъ исторіи развитія прошлаго, съ цѣлью его понять, но признавала бы въ немъ также тенденцію къ наступленію новаго общественнаго строя въ *будущемъ*; такое примѣненіе эволюціонной философіи ковало оружіе для борьбы въ *настоящемъ*, а борьба эта должна была привести къ осуществленію этой общественной формы будущаго. Какъ только періодъ умственной реакціи, наступившій послѣ революціи, миновалъ, буржуазія снова приобрѣла чувство собственнаго достоинства и силу, чтобы положить конецъ всякой романтикѣ въ искусствахъ и философіи, чтобы провозгласить матеріализмъ; но къ историческому матеріализму буржуазія все же не перешла. Поскольку историческій матеріализмъ былъ обусловленъ обстоятельствами, постольку же, отнюдь не меньше, этими же обстоятельствами обуславливалось и то, что онъ могъ стать только философіей пролетаріата, что онъ былъ отвергнутъ той наукой, которая была въ вѣдѣніи буржуазіи; его въ этой наукѣ отвергли съ такой энергіей, что даже самъ авторъ исторіи матеріализма, Альбертъ Ланге, упоминаетъ въ своей книгѣ о Карлѣ Марксѣ, какъ о политико-экономѣ, а не какъ о философѣ.

Идея развитія, всѣми признанная въ естествознаніи, также очень плодотворная для нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей отвлеченныхъ наукъ, осталась мертва для всего комплекса возрѣвнѣвшихъ наукъ, поскольку онѣ представляли буржуазную науку. Философія же буржуазіи послѣ Гегеля не могла дальше двигаться впередъ. Буржуазія отдалась во власть матеріализма, значительно уступавшаго матеріализму восемнадцатаго вѣка, ибо онъ былъ чисто естествонаучный и не представлялъ никакой теоріи общества. Когда же этотъ ограниченный матеріализмъ также пересталъ подходить для буржуазіи, она снова вернулась къ капитализму, очищенному отъ всѣхъ недостатковъ, благодаря разившемуся съ тѣхъ поръ естествознанію; но ученіе это не было очищено отъ свей этики, являющейся теперь тѣмъ.

бастіономъ, который выдвигаютъ въ противовѣсъ теоріи историческаго развитія.

Въ экономическихъ наукахъ буржуазія колеблется между историческимъ пониманіемъ, которое хотя и видитъ развитіе общества, но отвергаетъ необходимые законы этого развитія, и воззрѣніемъ, признающимъ необходимые законы общества, но отрицающимъ общественное развитіе, воззрѣніемъ, которое полагаетъ, что въ психологій изолированнаго первобытнаго человѣка можно уже открыть всѣ экономическія категоріи современнаго общества. Къ этому пониманію присоединяется еще естествонаучное, которое хочетъ свести законы общества на законы біологія, т. е. на законы растительной и животной жизни, что, въ конечномъ счетѣ, равносильно чистому отрицанію всѣхъ особыхъ законовъ общественнаго развитія.

Съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія настроилась на консервативный ладъ, матеріалистическая теорія общественнаго развитія можетъ быть построена только съ пролетарской точки зрѣнія.

Правда, новый діалектическій матеріализмъ есть матеріализмъ особаго рода, значительно различающійся отъ естествонаучнаго. Нѣкоторые изъ сторонниковъ этого направленія желали поэтому, чтобы, во избѣжаніе недоразумѣній, слово матеріализмъ было замѣнено другимъ.

Но если Марксъ и Энгельсъ твердо держались слова матеріализмъ, то это, во всякомъ случаѣ, произошло по той же причинѣ, по которой они отказывались переименовать свой манифестъ коммунистовъ въ манифестъ социалистовъ. Слово социализмъ прикрываетъ нынѣ такія разнообразныя вещи, среди нихъ довольно жалкія, христіанскій и національный социализмъ всякаго рода; слово же коммунизмъ, напротивъ, обозначаетъ недвусмысленно и ясно ту цѣль, къ которой стремится пролетаріатъ, борющійся въ революціонной борьбѣ за свое освобожденіе.

Подобнымъ же образомъ замѣной діалектическаго матеріализма словомъ діалектическій «монизмъ», или «критицизмъ», или «реализмъ» всякое противорѣчіе къ буржуазному міру было бы потеряно. Слово же «материализмъ», напротивъ, обозначаетъ, со времени господства христіанства, философію *борьбы* противъ господ-

ствующимъ властей. Вотъ почему ученіе это пользуется такой дурной славой среди буржуазіи, по именно потому мы, сторонники пролетарской философіи всесторонняго развитія, имѣемъ все причины держаться этого названія для нашей философіи, которое вѣдь вполне соотвѣтствуетъ фактамъ.

А пониманіе этики, пристокающей изъ этой философіи, можетъ считаться матеріалистическимъ.

2. Организмъ человѣческаго общества.

а. Техническое развитіе.

Посмотримъ теперь, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, на человѣка, находящагося въ той стадіи, въ которой мы его оставили въ прошлой главѣ—на границѣ, обособляющей его отъ всехъ прочихъ животныхъ. Что именно возвышаетъ его надъ ними? Существуютъ ли между нимъ и этими животными во всехъ пунктахъ только постепенное различіе или же также какое-нибудь различіе по существу? Не какъ мыслящее, по какъ моральное созданіе, человѣкъ въ существенномъ не отличается отъ животнаго. Но, быть можетъ, это различіе кроется въ томъ, что человѣкъ *производитъ*, т. е. приспособляетъ найденные въ природѣ матеріалы, путемъ измѣненія формы и мѣста, къ своимъ цѣлямъ? Но и эту дѣятельность мы уже встрѣчаемъ въ животномъ мірѣ. Не говоря уже о нѣкоторыхъ насекомыхъ, пчелахъ и муравьяхъ, мы встрѣчаемъ у теплокровныхъ животныхъ, даже у нѣкоторыхъ рыбъ, виды производительной дѣятельности, именно производство помѣщеній для высиживанія яицъ и жилищъ, гнѣзда, земляныя постройки и т. п. И сколько бы при этой производительной дѣятельности не было передачи унаслѣдованныхъ инстинктовъ и наклонностей, дѣятельность эта такъ цѣлесообразно приспособляется къ различнымъ обстоятельствамъ, что сознаніе, познаніе причинной связи — обязательно должно при этомъ играть извѣстную роль.

Быть можетъ, примѣненіе *орудій* возвышаетъ человѣка надъ

животнымъ? И этого тоже нѣтъ. У обезьянъ мы, по крайней мѣрѣ, находимъ уже зачатки примѣненія орудій, вѣтвей деревьевъ для защиты, камней для раскалыванія орѣховъ и т. п. Умъ обезьянъ, а также развитіе ногъ и рукъ дѣлаютъ ихъ способными къ этому.

Итакъ, не *производство средствъ потребленія* и не *примѣненіе орудій* отличаютъ человѣка отъ животнаго. Но если что отличаетъ человѣка отъ животнаго, такъ это *производство орудій*, которыя служатъ производству, защитѣ, нападенію. Животное, въ лучшемъ случаѣ, въ состояніи только *найти* орудіе въ природѣ; оно не въ состояніи *изобрѣсть* таковое. Животное сумѣло производить вещи для своего непосредственнаго потребленія, возводитъ жилища, собирать жизненные припасы; но его мышленіе не заходитъ такъ далеко, чтобы производить вещь, которыя служатъ не для непосредственнаго потребленія, но для производства средствъ потребленія.

Съ *производствомъ средствъ производства* начинается очеловѣченіе животнаго—человѣка; это производство проводитъ грань между нимъ и прочимъ животнымъ міромъ; съ тѣхъ поръ человѣкъ основываетъ свое собственное царство, развивающееся на особый ладъ, совершенно неизвѣстный среди остальной природы, гдѣ ничего подобнаго не встрѣчается.

Пока животное производитъ только при посредствѣ тѣхъ органовъ, которыми оно надѣлено отъ природы, или же употребляетъ только тѣ орудія, которыя ему доставляетъ природа, оно не можетъ выйти за предѣлы средствъ, предоставленныхъ ему послѣдней. Его развитіе выражается въ развитіи его собственнаго организма, въ преобразованіи его собственныхъ органовъ, включая сюда и мозгъ; это — медленный и бессознательный процессъ, совершающійся путемъ борьбы за существованіе; этого процесса животное при посредствѣ сознательной дѣятельности, никакимъ образомъ не можетъ ускорить.

Напротивъ того, изобрѣтеніе и производство орудій, беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, обозначаетъ, что человѣкъ сознательно и намѣренно самъ надѣляетъ себя новыми органами или усиливаетъ и удлиняетъ свои естественные органы, такъ что онъ въ состояніи лучше и легче произвести то, что эти органы произво-

дять, но кромѣ того, это еще означаетъ, что опъ въ состояніи бываетъ добиваться такихъ результатовъ, достиженіе которыхъ было для него раньше совершенно невозможнымъ. Но такъ какъ человѣкъ не только животное, одаренное высоко развитымъ интеллектомъ и руками, — необходимая предпосылка при примѣненіи и производствѣ орудій, — но также съ самаго начала и общественное животное, то изобрѣтеніе и производство орудій, пущенное въ ходъ какимъ-нибудь особенно одареннымъ пдивидомъ, какимъ-нибудь обитающимъ на деревьяхъ первобытнаго тропическаго лѣса, Марксомъ, Кантомъ или Аристотелемъ, — не исчезало безслѣдно съ его смертью. Его орда присваивала это изобрѣтеніе и продолжало имъ пользоваться, пріобрѣтая, благодаря этому, преимущество въ борьбѣ за существованіе, такъ что его потомство и развѣтвленіе преуспѣвали лучше, чѣмъ другіе члены даннаго вида. Всякое новое дарованіе, явившееся на лицо въ ордѣ, отнынѣ служило только къ тому, чтобы усовершенствовать сдѣланныя открытія или дѣлать новыя.

Если извѣстная степень развитія ума и руки служила предварительнымъ условіемъ для изобрѣтенія и производства орудій, то социальный характеръ человѣка являлся предварительнымъ условіемъ для постояннаго накопленія новыхъ и усовершенствованія старыхъ изобрѣтеній, словомъ—для постояннаго развитія техники. Отнынѣ медленный, безсознательный и незамѣтный процессъ развитія организмовъ путемъ борьбы за существованіе, какъ онъ происходилъ во всемъ остальномъ органическомъ мірѣ, отступилъ на задній планъ, все болѣе уступая мѣсто *сознательному* измѣненію, приспособленію и усовершенствованію органовъ, т. е. развитію, которое въ своихъ зачаткахъ, согласно новѣйшему масштабу, является еще безконечно медленнымъ и незамѣтнымъ, но тѣмъ не менѣе обладающимъ съ самаго начала гораздо болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ развитіе путемъ естественнаго подбора. Технический прогрессъ отнынѣ сталъ служить основой общаго развитія человѣчества. На немъ, а не на какой-либо другой божественной искрѣ, поконится все, чѣмъ человѣкъ отличается отъ животнаго.

Всякій отдѣльный шагъ на этомъ пути техническаго поступакъ
Карлъ Каутскій. Эттика. 6

тельнаго развитія былъ сознательнымъ и желаннымъ. Каждый шагъ происекалъ изъ потребности увеличивать искусственнымъ путемъ силы человѣка, переступать за поставленные природою предѣлы. Но каждый такой техническій прогрессъ необходимымъ образомъ влечетъ за собою послѣдствія, которыя вовсе не имѣлись въ виду его инициаторами и не могли имѣться въ виду, ибо они даже не въ состояніи были ихъ предчувствовать, послѣдствія, которыя, какъ и дѣйствія естественнаго подбора, можно бы назвать приспособленіемъ къ средѣ, искусственно измѣненной самимъ человѣкомъ. Но при этихъ приспособленіяхъ также играетъ роль познаніе, познаніе новой среды и порождаемыхъ ею потребностей, но это уже не роль самостоятельной, дающей направленіе, инстинктивной силы.

в. Техника и образъ жизни.

Попробуемъ для разъясненія сказаннаго представить себѣ, къ какимъ послѣдствіямъ должно было привести то обстоятельство, что первобытному человѣку удалось добиться первыхъ орудій, когда онъ соединилъ, напр., вмѣстѣ камень и палку, которые уже употреблялись обезьяной, въ форму молотка, топора, коныя. Само собою разумѣется, что сдѣланное нами ниже изображеніе будетъ только гипотетическимъ, такъ какъ у насъ не имѣется доказательства, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ происходить весь процессъ. Но набросанная нами картина не будетъ вѣдь служить также доказательствомъ, по только иллюстраціей. Поэтому мы будемъ придерживаться возможно болѣе простаго изображенія и оставимъ, напр., совершенно въ сторонѣ то вліяніе, какое рыболовство должно было оказать на первобытнаго человѣка.

Какъ только первобытный человѣкъ добился обладанія коньемъ, онъ открылъ себѣ возможность охотиться за болѣе крупными звѣрями... Если до сихъ поръ его пища состояла преимущественно изъ древесныхъ плодовъ и насѣкомыхъ, равно какъ, вѣроятно, изъ птичьихъ яицъ и итенцовъ, то теперь онъ могъ убивать болѣе крупныхъ животныхъ, мясо отнынѣ стало важнѣе для его питанія. Но большинство болѣе крупныхъ животныхъ пребываютъ на землѣ, а не на деревьяхъ; охота, такимъ образомъ, увлекла

первобытнаго человѣка съ воздушныхъ сферъ на землю. Болѣе того, годныя къ охотѣ животныя, жвачныя, встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ въ первобытномъ лѣсу, они предпочитаютъ луговныя поверхности, преріи. Чѣмъ больше человѣкъ становился охотникомъ, тѣмъ раньше онъ могъ выбраться изъ тропическаго первобытнаго лѣса, куда первобытный человѣкъ былъ загнанъ.

Это изображеніе, какъ сказано, основано на чистыхъ предположеніяхъ. Ходъ развитія могъ быть также обратный. Точно такъ же, какъ изобрѣтеніе орудій и оружіи могло загнать человѣка изъ первобытнаго лѣса въ болѣе свободныя травянистыя мѣстности съ разбросанными деревьями, такъ и причины, которыя вытѣснили первобытнаго человѣка изъ его первобытнаго обиталища, могли послужить толчкомъ къ изобрѣтенію оружіи и орудій. Допустимъ, напр., что количество людей переросло пищевое богатство данной мѣстности, или что ледяной періодъ, можетъ быть глетчеры среднеазиатскаго плоскогорія, спустился внизъ и вытѣснили обитателей долинъ изъ ихъ первобытныхъ лѣсовъ въ травянистыя равнины, окружавшія эти лѣса, или что все увеличивающаяся засуха все больше содѣйствовала увеличенію прогалинъ въ первобытныхъ лѣсахъ, давала все болшую возможность возникновенію луговъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первобытный человѣкъ былъ принужденъ отказаться отъ своей жизни на деревьяхъ и начать больше двигаться по землѣ; онъ былъ также вынужденъ все больше искать пищи среди животныхъ и не могъ уже въ такой значительной степени питаться древесными плодами. Новый образъ жизни побуждалъ человѣка чаще прибѣгать къ помощи кампей и палокъ и, такимъ образомъ, довелъ его до изобрѣтенія первыхъ орудій и оружіи.

Какой бы ходъ развитія мы не допустили, первый или второй,—и тотъ и другой могли въ различныхъ пунктахъ имѣть мѣсто,—въ каждомъ изъ нихъ отчетливо выступаетъ то тѣсное взаимоотношеніе, которое существуетъ между новыми средствами производства и потребностями. Каждый изъ этихъ факторовъ порождаетъ съ естественной необходимостью другой, каждый становится необходимой причиной перемѣнъ, которыя затѣмъ, въ свою

очередь, опять-таки чреваты перемѣнами. Такимъ образомъ, каждое изобрѣтеніе неизбежно порождаетъ послѣдствія, которыя даютъ толчокъ къ другимъ изобрѣтеніямъ, а отсюда опять создаются новыя потребности и изобрѣтенія, послѣднія вызываютъ опять новыя изобрѣтенія и т. д.—цѣлая цѣпь безконечнаго развитія, которое идетъ тѣмъ разнообразнѣе и быстрѣе, чѣмъ дальше зашло оно впередъ и чѣмъ больше, въ силу этого, выросла возможность и легкость новыхъ изобрѣтеній.

Посмотримъ теперь, къ какому послѣдствіямъ повлекло за собою то обстоятельство, что охота стала источникомъ питанія человѣка, а также выходъ послѣдняго изъ тропическаго первобытнаго лѣса.

Наряду съ мясомъ человѣкъ отнынѣ, вмѣсто древесныхъ плодовъ, внесъ въ свое нищевое меню корни и плоды травъ, рожь, маисъ. Но этимъ опять-таки былъ намѣченъ путь къ дальѣйшему прогрессу. Въ первобытномъ лѣсу невозможно воздѣлывать растеній расчистка первобытнаго лѣса была не по силамъ примитивному человѣку. Да послѣдній и не могъ даже напастъ на эту мысль. Онъ жилъ плодами деревьевъ; разведеніе же плодовыхъ деревьевъ, приносящихъ плоды только спустя много лѣтъ, предполагаетъ высокую степень культуры и осѣдлости. Зато, напротивъ, воздѣлываніе травъ на лугахъ и въ степяхъ гораздо легче, чѣмъ въ первобытномъ лѣсу, и можетъ производиться съ самыми простыми средствами. Мысль воздѣлывать травы, которыя часто приносятъ плоды уже спустя нѣсколько недѣль, также легче постижима, чѣмъ воздѣлываніе плодовыхъ деревьевъ. Причина и слѣдствіе такъ близко здѣсь соприкасаются, что ихъ взаимную связь легче наблюдать, и даже бродячій человѣкъ могъ выждать время между посѣвомъ и жатвой и оставаться вблизи своего обработаннаго поля.

Съ другой стороны, человѣкъ, какъ только онъ покинулъ первобытныя тропическія лѣса, сталъ гораздо болѣе подвергаться перемѣнамъ климата, чѣмъ на своей первобытной родинѣ. Въ густомъ лѣсу колебанія температуры между днемъ и ночью гораздо меньше, чѣмъ въ открытой равнинѣ, въ которой днемъ господствуетъ палящій солнечный зной, а ночью сильное лученоспусканіе и охлажденіе. Буря въ первобытномъ лѣсу значительно меньше замѣтна, чѣмъ въ безлѣсной области, а противъ дождя и града

въ послѣдней тоже труднѣе укрыться, чѣмъ подѣ почти непропигаемой листвою первобытнаго лѣса. Такимъ образомъ, вытиснутый въ травянистую равнину, человѣкъ долженъ былъ почувствовать потребность въ кровѣ и одеждѣ, что первобытному человѣку въ первобытномъ тропическомъ лѣсу было совершенно чуждо. Если уже человѣкообразныя обезьяны строили себѣ для ночного отдыха форменныя гнѣзда, то человѣкъ долженъ былъ придти къ тому, чтобы воздвигнуть себѣ стѣны и крыши для защиты или пскать пристанища въ пещерахъ. Съ другой стороны, легко было догадаться, что можно завернуться въ шкуру убитаго звѣря, оставшуюся безъ употребленія, послѣ того какъ изъ нея вынута мясо. Потребность въ защитѣ служила также одной изъ причинъ, заставлявшей человѣка впервые подумать объ обладаніи огнемъ.

Техническое могущество огня человѣкъ могъ постичь только мало-по-малу, только послѣ того, какъ долго имъ пользовался. Теплота же, которую даетъ огонь, была, напротивъ, непосредственно ощутима. Какимъ образомъ человѣкъ началъ пользоваться огнемъ, вѣроятно, никогда съ точностью не будетъ установлено. Одно только несомѣнно, что въ тропическомъ первобытномъ лѣсу онъ не нуждался въ источникѣ тепла, да и не имѣлъ тамъ возможности поддерживать таковой среди постоянной сырости. Только въ сухой мѣстности, гдѣ мѣстами встрѣчались большія количества горячаго матеріала, мохъ, листва, валежникъ, могли возникать пожары, которые познакомили человѣка съ огнемъ; этому знакомству могла также содѣйствовать, быть можетъ, и молвія, скорѣе искры, вылетающія изъ кремней, этого перваго матеріала для орудій первобытнаго человѣка, а можетъ быть на это натолкнула также температура, которая появлялась при сверленіи дыръ въ твердомъ деревѣ.

Мы видимъ, какъ вся жизнь человѣка, его потребности, мѣста для обиталища, его средства къ поддержанію жизни претерпѣли перемѣны, и одно изобрѣтеніе, разъ оно было сдѣлано, разъ удалось составить копьё или топоръ, влекло за собой, въ заключеніе, многочисленныя другія. При этихъ перемѣнахъ сознаніе играло большую роль, но сознаніе другихъ поколѣній, а не тѣхъ, которыя изобрѣли дикое копьё или топоръ. А задачи, которыя послѣ

того возникали въ сознаніи позднѣйшихъ поколѣній, не ставились прежними, онѣ съ необходимостью сами возникали, разъ изобрѣтеніе было сдѣлано.

Но послѣдствія изобрѣтеній не исчерпывались переменной мѣстожительствa, потребностей, способовъ находить средства къ жизни, всего образа жизни.

с. Животный общественный организмъ.

Раздѣленіе труда органовъ животнаго организма имѣетъ свои опредѣленные границы, потому что органы эти тѣсно срослись съ организмомъ, который не можетъ мѣнять ихъ по желанію, а также потому, что число ихъ ограничено. Съ другой стороны, этимъ также поставлены границы для разнообразія отправленій, къ которымъ способенъ животный организмъ. Совершенно, напр., невозможно, чтобы одинъ и тотъ же членъ въ одинаково совершенной степени служилъ для схватыванія, бѣга и летанія, не говоря уже о дальше идущемъ специализированіи.

Орудіе, напротивъ, человѣкъ можетъ мѣнять. Онъ могъ его приспособить для достиженія какой-нибудь одной опредѣленной цѣли. Разъ оно исполнило свое назначеніе, тогда онъ откладываетъ его въ сторону, и орудіе это не будетъ ему мѣшать при исполненіи совершенно другихъ работъ, для которыхъ онъ употребляетъ всеѣмъ иныя орудія. Насколько ограничено число его членовъ, настолько безграничнымъ можетъ быть число его орудій.

Но не только число органовъ животнаго организма ограничено, ограничена также *сила*, съ какой каждый изъ нихъ можетъ быть приведенъ въ движеніе. Сила эта никоимъ образомъ не можетъ превзойти силы самого индивидуума, которому принадлежать давленные органы, она постоянно бываетъ еще слабѣе, такъ какъ организмъ, наряду съ органами, приведенными въ движеніе, долженъ питать все свои органы. Зато, напротивъ, сила, приводящая въ движеніе орудіе, отнюдь не ограничивается однимъ человѣкомъ. Такъ какъ орудіе это отдѣлено отъ человѣческаго индивидуума, то нѣсколько индивидовъ могутъ соединиться, чтобы привести его въ движеніе, они могутъ даже пустить для этого въ ходъ не одинъ человѣческія силы, быть можетъ рабочихъ животныхъ, силу воды, вѣтра, пара.

Итакъ, въ противоположность животному организму, развитіе искусственныхъ органовъ человѣка безгранично, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія человѣческихъ понятій. Оно ограничивается только тѣми предѣлами суммы движущихъ силъ, которыя солнце и земля предоставили въ распоряженіе человѣка.

Отдѣленіе искусственныхъ органовъ человѣка отъ его личности влечетъ за собой, однако, еще другое послѣдствіе. Если органы животнаго организма ерослись съ нимъ, то это значитъ, что въ распоряженіи каждаго индивидуума находятся одни и тѣ же органы. Исключеніе составляютъ только органы размноженія. Только въ этой области имѣетъ мѣсто раздѣленіе труда среди высшихъ организмовъ. Всякое другое раздѣленіе труда въ животномъ обществѣ, напротивъ того, поконится исключительно на томъ, что опредѣленные индивиды принимаютъ на себя на опредѣленное время особыя функціи, напр., функцію сторожевой службы, руководительства и т. д., не пользуясь при этомъ органами, отличными отъ органовъ другихъ индивидуумовъ.

Изобрѣтеніе же орудія, напротивъ, допускаетъ, что въ какомъ-либо обществѣ отдѣльные индивиды исключительно или же значительно лучше другихъ владѣютъ тѣми или другими орудіями. Такимъ образомъ мы приходимъ къ такой формѣ раздѣленія труда въ человѣческомъ обществѣ, которое носитъ уже совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ жалкіе начатки такого раздѣленія въ животныхъ обществахъ. Въ послѣднихъ, при всемъ существующемъ раздѣленіи труда, индивидуумъ остается существомъ законченнымъ, обладающимъ всѣми органами, въ которыхъ онъ пуждался для поддержанія своей жизни. Въ человѣческомъ же обществѣ это встрѣчается тѣмъ рѣже, чѣмъ долѣе прогрессируетъ въ немъ раздѣленіе труда. Чѣмъ больше послѣднее развивается, тѣмъ больше увеличивается число органовъ, которые общество употребляетъ для пріобрѣтенія средствъ къ жизни и для продолженія своего существованія, тѣмъ больше также число органовъ, потребныхъ для этого, и тѣмъ меньше самостоятельности остается для органовъ, которыми располагаютъ отдѣльный индивидуумъ. Чѣмъ больше растетъ власть общества надъ природою, тѣмъ, однако, беспомощнѣе становится индивидъ внѣ общества, тѣмъ въ большей зависимости находится

онъ отъ послѣдняго. Животное общество, которое возникло само по себѣ, путемъ естественнаго роста, не освобождаетъ своего члена отъ власти природы. Зато общество составляетъ, напротивъ, для человѣческаго индивидуума какой-то своеобразный, отличный отъ остальной природы, міръ, который, новидимому, опредѣленнѣе вліяетъ на всю его судьбу, чѣмъ природа, которую, какъ онъ полагаетъ, онъ переросъ въ той мѣрѣ, въ какой, благодаря существованію общества, увеличивается раздѣленіе труда. Последнее же практически постольку же неограниченно, поскольку неограниченъ техническій прогрессъ вообще; предѣлы ему поставлены только тѣми границами, которыя существуютъ для человѣческаго рода.

Если мы выше пришли къ выводу, что животное общество есть организмъ особаго рода, отличный отъ растительнаго и животнаго, то теперь мы находимъ, что человѣческое общество опять-таки образуетъ своеобразный организмъ, не только отличный отъ растительнаго и животнаго индивидуума, но также и отъ животнаго общества.

Прежде всего здѣсь приходится принять въ соображеніе двоякое различіе. Мы только что видѣли, что животный индивидуумъ владѣетъ всѣми органами, нужными для его существованія, между тѣмъ какъ человѣческой индивидуумъ, при всемъ ушедшемъ впередъ раздѣленіи труда, не можетъ жить самъ по себѣ, безъ помощи общества. Робинзоны, которые безъ всякихъ средствъ производятъ все изъ себя, встрѣчаются только въ дѣтскихъ сказкахъ и научныхъ работахъ буржуазной экономіи, творцы которой полагаютъ, что лучший путь для открытія законовъ общества— это — вполне игнорировать послѣднее. Человѣкъ всѣмъ своимъ существомъ зависимъ отъ общества, которое господствуетъ надъ нимъ; только понявъ своеобразіе послѣдняго, можно понять и своеобразный образъ человѣка.

Своеобразіе общества подвержено, однако, постоянной перемѣнѣ, ибо, въ отличіе отъ животнаго общества, человѣческое подлежитъ развитію, въ силу развитія своей техники. Животное общество, вѣроятно, развивается только въ той мѣрѣ, въ какой развивается животный видъ, который его образуетъ. Гораздо быстрѣ идетъ

ходъ развитія человѣческаго общества. Но нѣтъ ничего ошибочнѣе стремленія представлять это развитіе по образцу развитія индивидуума, дѣля его на стадіи молодости, зрѣлаго возраста, упадка, смерти. Пока не изсякли источники силы, которые на ходятся въ распоряженіи земли, пока, словомъ, не исчезла основа технического прогресса, намъ нечего ожидать упадка и естественной смерти человѣческаго общества; до тѣхъ поръ это общество будетъ все дальше развиваться со своею прогрессирующей техникой, и до тѣхъ поръ оно въ этомъ смыслѣ безсмертно.

Всякое общество состоитъ изъ технического аппарата, находящагося въ его распоряженіи, и изъ людей, приводящихъ въ движеніе этотъ аппаратъ, для каковой цѣли они соединяются въ самыя сложныя общественныя отношенія. Пока этотъ техническій аппаратъ совершенствуется и число людей, двигающихъ его, не убавляется и не уменьшаются также духовныя и физическія силы этихъ людей,—до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о гибели, объ умيرانіи общества.

Подобная смерть, какъ болѣе продолжительное состояніе, не происходила до сихъ поръ ни съ однимъ обществомъ. Временно, конечно, случается, вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя мы еще изучимъ, что общественныя отношенія, имѣвшія свой корень въ общественныхъ потребностяхъ, окаменѣваютъ и становятся препятствіемъ къ прогрессу технического аппарата и росту членовъ общества въ числѣ и духовной и физической силѣ, что отношенія эти служатъ поводомъ къ обратному движенію. Но, выражаясь историческимъ языкомъ, это никогда не можетъ долго продолжаться, рано или поздно эти цѣпи, наложенныя на движеніе, разрываются или путемъ внутреннихъ движеній, революціоннымъ путемъ, или, что прежде чаще случалось, путемъ вѣшнихъ толчковъ, войнами. При этомъ общество иногда мѣняетъ часть своихъ членовъ, или свои границы, или свое названіе, тогда наблюдателю казалось, что общество, обнаружившее черты старости, отнынѣ было осуждено на смерть. Въ дѣйствительности же, если хотять ужъ проводить непремѣнно аналогію съ животнымъ организмомъ, общество при этомъ просто переболѣло болѣзнию, изъ которой оно выходитъ съ обновленными силами.

Съ этой точки зрѣнія, и общество Римской имперіи не умерло, но было обповлено примѣсю германскихъ, варварскихъ народовъ и послѣ переселенія народовъ начало силами обновленныхъ людей улучшать и отстранвать свей технической аппаратъ.

3. Превращеніе силы соціальныхъ инстинк- товъ.

а. Языкъ.

Если въ человѣч. комъ обществѣ, въ противоположность животному, происходитъ постоянный процессъ движенія, то и люди должны постоянно мѣняться въ этомъ процессѣ.

Пере мѣна жизненныхъ условій должна оказывать свое дѣй-
ствие на природу человѣка, раздѣленіе труда должно было одни
изъ его естественныхъ органовъ развить сильнѣе, другіе—преобра-
зовать. Такимъ образомъ, напримѣръ, развитіе человѣка-обезьяны
изъ животнаго, кормящагося древесными плодами, въ плотоядное
животное и потребителя полевыхъ растеній необходимо было свя-
зано съ превращеніемъ заднихъ рукъ въ ноги. Съ другой сто-
роны, со времени изобрѣтенія орудій, ни одно животное не под-
вергалось столь многочисленнымъ, столь разнообразнымъ и столь
быстрымъ пере мѣнамъ естественной среды, какъ человѣкъ; ни
одному животному не приходилось разрѣшать такихъ великихъ и
постоянно растущихъ проблемъ приспособленія къ новой средѣ,
какъ это выпало на долю человѣка; ни одному изъ нихъ не при-
ходилось затрачивать столько сознанія, какъ ему. Уже въ началѣ
того жизненнаго поприща, на которое онъ вступилъ съ изобрѣтеніемъ
перваго орудія, человѣкъ превосходилъ способностью приспособ-
ленія и познавательной способностью другихъ животныхъ, но
онъ вынужденъ былъ въ ходъ своей исторіи усиливать эти ка-
чества въ чрезвычайной мѣрѣ.

Если измѣненія общества въ состояніи были преобразить ор-
ганизмъ человѣка, его руки, ноги, мозгъ, то они могутъ еще
болѣе и быстрѣе измѣнить его сознаніе, его воззрѣнія на то, что
полезно и вредно, что хорошо или дурно, что возможно и не-
возможно.

Если человѣкъ поднимается надъ животнымъ царствомъ съ періода изобрѣтенія орудія, то ему не зачѣмъ начинать съ созданія общественнаго договора, какъ думали въ восемнадцатомъ столѣтіи и какъ думаютъ иные юристы-теоретики также и въ двадцатомъ столѣтіи. Свое человѣческое развитіе онъ началъ уже, какъ соціальное животное, съ сильными общественными инстинктами. Первымъ этическимъ дѣйствіемъ человѣческаго общества было, вѣроятно, регулированіе *силы* этихъ соціальныхъ инстинктовъ. Смотри по характеру общества, эти инстинкты либо усиливаются, либо ослабѣваютъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе того воззрѣнія, что соціальныя инстинкты должны непременно усиливаться съ развитіемъ общества.

Въ началѣ развитія человѣчества, это, конечно, было такъ. Обстоятельства, которыя уже въ животномъ мірѣ развивали соціальныя инстинкты, продолжали съ полной силой существовать и дальше, но человѣческое общество присоединяетъ къ нимъ новыя при посредствѣ *общаго труда, взаимной помощи въ трудѣ*. Сотрудничество само могло создать необходимость въ новомъ орудіи общественныхъ сношеній, *т. е. въ рѣчи*. Общественныя животныя могутъ обходиться при помощи немногихъ средствъ пониманія, имъ довольно зова, съ цѣлью привлечь, крика радости, боязни, тревоги, гнѣва и другихъ звуковъ, выражающихъ ощущенія. Вѣдь въ животномъ мірѣ каждый индивидуумъ есть самодовлѣющее цѣлое, могущее существовать само для себя. Но такихъ междометій недостаточно, если нужна совмѣстная работа, или если нужно распредѣлять различныя работы или обмѣнять различные продукты. Эти звуки не годятся для индивидуумовъ, которые чувствуютъ себя безпомощными безъ содѣйствія другихъ индивидуумовъ. Раздѣленіе труда невозможно безъ наличности рѣчи, которая должна выражать не только ощущенія, но также обозначать предметы и факты, оно можетъ развиваться только въ той мѣрѣ, въ какой выработалась рѣчь, и, въ свою очередь, приносить съ собою потребность въ таковой.

Въ самой рѣчи обозначеніе *дѣятельности*, и именно человѣческой, является первоначальнымъ, обозначеніе же *вещей*—позднѣйшимъ. Глаголы старше существительныхъ: первые образуютъ

корни, изъ которыхъ произошли эти вторыя. Такимъ образомъ Лацарусъ Гейгеръ объясняетъ:

«Если задаешь себѣ вопросъ, почему свѣтъ и цвѣтъ были объектами безъ названія на первыхъ ступеняхъ рѣчи, но зато было названіе для дѣйствія наведенія краски, то отвѣтъ мы найдемъ въ томъ, что человѣкъ сначала давалъ названіе своимъ *дѣйствіямъ* или дѣйствіямъ себѣ подобныхъ, что онъ наблюдалъ затѣмъ, что происходило въ немъ самомъ и вблизи него, что его непосредственно интересовало, когда для такихъ возвышенныхъ вещей, какъ свѣтъ и тьма, блескъ и молнія онъ не имѣлъ еще понятій, не обладалъ для этого познавательной способностью. Разсмотримъ прошедшія передъ нами въ такомъ большомъ количествѣ (въ книгѣ) понятія: въ своихъ зачаткахъ они сводятся къ крайне ограниченному кругу *человѣческихъ движеній*. Поэтому-то понятія предметовъ природы берутъ свое начало такимъ удивительно окольнымъ путемъ изъ наблюденія *человѣческой дѣятельности*, которая какимъ-нибудь образомъ вызываетъ ихъ появленіе, часто производитъ даже что-нибудь отдаленнымъ образомъ ихъ напоминающее. Вотъ почему дерево значить что-то обнаженное отъ коры, земля—нѣчто растертое, растущая на ней рожь—что-то вскрытое. Вотъ почему земля и море, а также, чрезъ посредство облака, само небо исходятъ изъ одинаковаго основнаго представленія о чемъ-то растертомъ или намазанномъ, глинисто-полужидкомъ» («Происхожденіе языка», стр. 151 до 153).

Этотъ ходъ развитія языка не будетъ для насъ удивительнымъ, если мы поймемъ, что первой задачей языка было содѣйствовать пониманію людей при общей *дѣятельности* и *движеніяхъ*. Эта роль языка въ качествѣ помощника въ трудовомъ процессѣ дѣлается, напр., понятнымъ, почему языкъ въ своихъ зачаткахъ имѣеть такъ мало названій для обозначенія цвѣта. Гладстонъ и другіе заключили изъ этого, что греки временъ Гомера и другіе первобытные народы еще мало умѣли отличать цвѣта. Это очень ошибочный взглядъ. Опыты показали, что варварскіе народы имѣють очень развитое чувство цвѣта. Но ихъ *техника въ приготавленіи цвѣтовъ* очень слабо развита, число красокъ, кото-

рыя они могутъ производить, ничтожно, а потому число названій цвѣта только очень незначительно у нихъ.

«Если человѣку удастся примѣнить краску, тогда названіе этой краски легко приметъ характеръ прилагательнаго. Такимъ путемъ возникаютъ первыя названія цвѣтовъ» (Грентъ-Алленъ. *The colour sense*, стр. 254).

Грентъ-Алленъ указываетъ также на то, что и нынѣ названія цвѣтовъ увеличиваются въ числѣ по мѣрѣ того, какъ развивается техника въ производствѣ цвѣтовъ. Цѣлямъ *техники*, а не цѣлямъ *описанія природы* служатъ прежде всего названія красокъ.

Развитіе языка совершенно не поддается пониманію внѣ связи съ развитіемъ способа производства. Отъ послѣдняго также зависитъ, остается ли языкъ мѣстнымъ діалектомъ маленькаго племени, или дѣлается міровымъ языкомъ, на которомъ говорятъ сотни милліоновъ людей.

Развитіе языка даетъ необыкновенно сильное средство соціальной связи, громадное подкрѣпленіе и уясненіе соціальныхъ инстинктовъ. При этомъ получаютъ, конечно, еще совсѣмъ другія послѣдствія: языкъ становится могущественнѣйшимъ средствомъ для сохраненія и распространенія уже пріобрѣтенныхъ знаній, благодаря ему знанія эти передаются позднѣйшимъ поколѣніямъ; языкъ дѣлаетъ для насъ возможнымъ образованіе понятій, научное мышленіе, слѣдовательно—онъ содѣйствуетъ развитію науки, а отсюда и подчиненію природы наукою.

Только теперь человѣкъ достигаетъ господства надъ природой, а вмѣстѣ съ этимъ и кажущейся независимости отъ ея вѣдшихъ вліяній, которыя возбуждаютъ въ немъ идею свободы. По этому поводу сдѣлаемъ маленькое уклоненіе.

Очень вѣрно замѣчаетъ Шпенглеръ:

«Для животнаго существуютъ только *наглядныя* представленія, а потому также только наглядные мотивы: зависимость его волеяктовъ отъ мотивовъ, поэтому, очевидна. То же относится и къ человѣку: имъ также движутъ мотивы, конечно, соответственно его индивидуальному характеру со строжайшей необходимостью, только мотивы эти, по большей части, *не наглядныя*, но *абстрактныя* представленія, т. е. понятія, мысли, которыя являются, однако,

результатомъ прежнихъ воспріятій, слѣдовательно — ви́шнихъ вліяній. Но это-то и даетъ ему *относительную свободу*, а именно по сравненію съ животнымъ, ибо поведеніе его не опредѣляется, какъ поведеніе животного непосредственной, окружающей его обстановкой, но также и мысли, унаслѣдованныя имъ отъ прошлыхъ опытовъ или возникшія путемъ поученія. Поэтому-то мотивъ, который опредѣляетъ безусловно и его поступки, не является очевиднымъ для зрителя, но равно съ самимъ поступкомъ мотивъ этотъ носится въ головѣ человѣка. Все это придаетъ не только поступкамъ человѣка во всемъ ихъ цѣломъ, но также и всѣмъ его движеніямъ, характеръ рѣзко отличный отъ дѣйствій животного: его тянуть какъ будто болѣе тонкія, невидимыя нити; вотъ почему всѣ его движенія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то умышленного, намѣреннаго, что придаетъ имъ видъ независимости. Всѣ эти крупныя различія зависятъ, однако, исключительно отъ способности къ абстрактнымъ представленіямъ, къ понятіямъ (Сочиненіе на соисканіе преміи по вопросу объ основахъ морали, 1860, стр. 148).

Способность къ абстрактнымъ представленіямъ опять-таки, однако, зависить отъ *речи*. Вѣроятно, въ силу недостатка языка получило образованіе понятій. Въ природѣ существуютъ 3 только отдѣльныхъ предмета, но языкъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы имѣть возможность давать особое названіе для cadaго индивидуума.

Человѣкъ долженъ поэтому обозначать однимъ и тѣмъ же словомъ всѣ сходныя между собою существа, но такимъ путемъ онъ безсознательно уже предпринимаетъ научную дѣятельность: обобщеніе сходнаго, отдѣленіе разнороднаго.

Языкъ, стало быть, сдѣлался не только органомъ *объясненія* различныхъ людей между собою, но также органомъ *мысленія*. Даже, когда мы не говоримъ съ другими, а думаемъ про себя, мы все же должны каждую мысль облекать въ опредѣленные слова.

Если языкъ доставляетъ, такимъ образомъ, человѣку относительную свободу по сравненію съ животнымъ, то способность эта развивается лишь на болѣе высокой основѣ то, что началось со времени формированія мозга.

У низшихъ животныхъ двигательные нервы находятся въ прямой связи съ чувствительными: у нихъ каждое внѣшнее раздраженіе тотчасъ же и непосредственно разрѣшается движеніемъ. Мало-помалу, однако, развивается главный первый узелъ, становящійся центральнымъ пунктомъ всей первой системы, который воспринимаетъ все полученныя раздраженія и не передаетъ ихъ тотчасъ же двигательнымъ нервамъ чисто механически, онъ можетъ ихъ накоплять и обрабатывать. Высшее животное, такимъ образомъ, накопляетъ рядъ опытовъ, которыми оно можетъ пользоваться, одѣлывать, и инстинкты, которые оно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ состояніи передать потомству.

Такимъ образомъ уже здѣсь, при посредствѣ мозга, затемняется связь между внѣшнимъ раздраженіемъ и движеніемъ. При помощи языка, который дѣлаетъ возможнымъ передачу полученныхъ опытовъ другимъ, а также абстрактныхъ понятій, научныхъ знаній и убѣжденій, связь между ощущеніемъ и движеніемъ во многихъ случаяхъ дѣлается совершенно неуловимой.

Нѣчто подобное происходитъ въ экономіи. Первоначальная форма товарнаго обращенія— это есть обмѣнъ товаровъ, т. е. продуктовъ, служащихъ лично и производственному потребленію. Здѣсь съ каждой стороны одинъ предметъ потребленія дается, другой принимается. Цѣль обмѣна— потребленіе— очевидна.

Все это мѣняется съ появленіемъ элемента, служащаго посредникомъ при обращеніи— *денегъ*. Теперь стало возможно продавать, не будучи вынужденнымъ тотчасъ же покупать, подобно тому какъ мозгъ дѣлаетъ возможнымъ дѣйствіе на организмъ раздраженій, которыя не должны тотчасъ же разрѣшаться въ движеніе.

И подобно тому, какъ мозгъ допускаетъ накопленіе сокровищъ опыта и инстинктовъ, которые могутъ даже передаваться наслѣдству, точно такъ же можно и изъ золота накоплять сокровища. И какъ эта способность накопленія сокровища опытовъ и инстинктовъ, при наличности необходимыхъ общественныхъ условій, въ конечномъ счетѣ дѣлаетъ возможнымъ развитіе науки и приводитъ къ власти надъ природой человѣческаго генія, такъ и накопленіе денежныя сокровищъ, при наступленіи опредѣленныхъ общественныхъ условій, дѣлаетъ возможнымъ превращеніе денегъ въ ка-

питалъ, что крайне повышаетъ продуктивность человѣческаго труда и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій переворачиваетъ міръ больше, чѣмъ это было возможно прежде на протяженіи сотенъ тысячъ лѣтъ. И какъ встрѣчаются философы, которые думаютъ, что элементы—мозгъ и языкъ, познавательная способность и идеи—которые служатъ посредниками для установленія связи между ощущеніемъ и движеніемъ, являются сами по себѣ самостоятельными производителями силъ, даже, въ концѣ концовъ, творцами міра, а не только средствами для того, чтобы сдѣлать болѣе цѣлесообразной и успѣшной связь между индивидомъ и обществомъ, т. е. значительно усилить ее,—точно такъ же встрѣчаются политико-экономы, воображающіе, что деньги, которые служатъ посредникомъ при товарномъ обращеніи и, въ качествѣ капитала, даютъ возможность широко развернуть человѣческія производительныя силы, являются инициаторами этого обращенія, суть творцы этихъ силъ, производители всѣхъ цѣнностей, сверхъ тѣхъ, что являются результатами примитивнѣйшаго ремесла.

Теорія о производительности капитала покоится на порядкѣ мыслей, совершенно аналогичномъ со взглядами на свободу воли и существованіе нравственнаго закона—закона, который, будучи независимъ отъ пространства и времени, управляетъ будто бы нашими дѣйствіями, совершающимися въ предѣлахъ пространства и времени.

Логично поэтому, что Марксъ папалъ какъ на одинъ, такъ и на другой способъ мышленія.

в. Война и собственность.

Дальнѣйшее средство, которое создаетъ социальное развитіе, на ряду съ сотрудничествомъ и языкомъ, для укрѣпленія социальныхъ инстинктовъ, это—*война*.

Мы не имѣемъ никакого основанія допустить, что первобытный человѣкъ былъ воинственнымъ субъектомъ. Орды человекоподобныхъ обезьянъ, которыя, встрѣтаясь на вѣтвяхъ плодовыхъ деревьевъ, могли подрасться изъ-за пищи и прогнать одна другую. Примѣровъ убійства противниковъ это мы не находимъ при этомъ среди нынѣ

живущих обезьянъ. О самцахъ гориллахъ, правда, повѣствуется, что иногда они такъ яростно дерутся между собою, что дѣло доходитъ до смертоубійствъ, но подобная борьба происходитъ только изъ-за самокъ, а не изъ-за кормовыхъ площадей.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда человѣкъ дѣлается охотникомъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи оружіе, которое приспособлено для убійства, и когда онъ привыкаетъ также къ кровопролитію и лишенію жизни другихъ. Сюда присоединяется обстоятельство, на которое указывалъ уже Энгельсъ для объясненія людоедства, часто встрѣчающагося на этой стадіи: необезпеченность жизненныхъ средствъ. Растительная пища имѣется въ тропическомъ лѣсу въ изобиліи. Въ луговыхъ мѣстахъ, напротивъ, плоды и корни не вездѣ могутъ быть найдены, а добываніе дичи сопровождается, по большей части, лишь случайнымъ успѣхомъ. Хищные звѣри поэтому-то и выработали способность невѣроятно долго голодать. Человѣческой желудокъ не столь выносливъ. Такимъ образомъ нужда заставляетъ одно племя дикихъ вступитъ въ борьбу не на жизнь, а на смерть съ сосѣднимъ племенемъ, заселяющимъ хорошую площадь для охоты; въ такомъ случаѣ боевая ярость и мучительный голодь, въ концѣ концовъ, побуждаютъ дикарей къ тому, чтобы не только *убивать* врага, но и *пожирать* его.

Такимъ образомъ техническій прогрессъ порождаетъ войну, которая была совершенно чуждой человѣкоподобной обезьянѣ, войну не съ животными другихъ видовъ, но съ членами того же вида, войну, подчасъ еще болѣе кровавую, чѣмъ съ леопардами и пантерами, отъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, болѣе крупныя обезьяны, навѣрно, умѣютъ обороняться, когда онѣ соединены въ большія группы.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, что прогрессъ культуры и повышеніе уровня знаній необходимо ведутъ за собою болѣе высокую степень гуманности. Можно бы скорѣе сказать, что обезьяна болѣе гуманна, слѣдовательно, болѣе человѣчна, чѣмъ человѣкъ. Убійство членовъ своего вида изъ-за экономическихъ мотивовъ это продукты культуры, оружейной техники, и до сихъ поръ еще на усовершенствованіе послѣдней тратится большая доля умственной энергіи человѣка.

Только подъ вліяшемъ особенныхъ условій и у отдѣльныхъ классовъ порождается, при дальнѣйшемъ ходѣ культуры, то, что принято называть смягченіемъ нравовъ. Прогрессирующее раздѣленіе труда отводитъ убійство животныхъ и людей—охоту, убой скота, казни, войну—въ удѣлъ особымъ классамъ, которые среди цивилизаціи практикуютъ грубость и жестокость сообразно своей профессіи или въ качествѣ спорта. Другіе классы совершенно освобождаются отъ необходимости, а часто и отъ возможности кровопролитія, какъ, напр., вегетеріанцы—земледѣльцы, живущіе въ рѣчныхъ долинахъ Индіи, которые самой природой лишены возможности держать большія стада скота, и у которыхъ рогатый скотъ слишкомъ дорого цѣнится, какъ рабочая сила и какъ производитель молока, чтобы они рѣшились его убивать. Также и большинство горожанъ въ европейскихъ государствахъ, со времени гибели городскихъ республикъ и появленія наемныхъ войскъ, равно какъ и скотобойнаго ремесла, освободились отъ необходимости убивать живыя существа. Интеллигентамъ, въ особенности въ теченіе столѣтій, стало настолько чуждо всякое кровопролитіе, что, въ концѣ концовъ, оно приводитъ ихъ въ содроганіе, что они прини- сывали развитію въ ихъ средѣ высшаго интеллекта, который пробудилъ въ нихъ болѣе мягкія чувства. Но за послѣдніи десятилѣтія всеобщая воинская повинность снова стала учрежденіемъ, общимъ для большинства европейскихъ государствъ, и войны опять при- няли характеръ народныхъ войнъ, благодаря чему мягкости нравовъ нашей интеллигенціи былъ положенъ конецъ. Съ тѣхъ поръ нравы интеллигенціи сильно огрубѣли; смертная казнь, которая въ пятидесятихъ годахъ прошлаго вѣка была всею осуждаема, не встрѣчаетъ больше сопротивленія среди нея, и звѣрства колониальныхъ войнъ, виновникамъ которыхъ полстолѣтія тому назадъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, немыслимо было бы даже и появляться на свѣтъ, теперь въ той же Германіи прощаются и даже часто прославляются!

Тѣмъ не менѣе, война среди европейскихъ народовъ не играетъ уже той роли, какую играла прежде среди кочующихъ охотничьихъ и пастушескихъ племенъ. Если война создаетъ грубость и кровожадность по отношенію къ врагу, то, съ другой стороны, она

является и могучимъ средствомъ, при помощи котораго укрѣпляется связь внутри племени, внутри общества. Чѣмъ больше опасности грозитъ отдѣльной особи со стороны врага, тѣмъ болѣе чувствуетъ она себя зависимою отъ своего общества, племени, родни, которыя одни и могутъ ее защитить объединенными силами, тѣмъ больше общественнаго уваженія удѣляется добродѣтели самоотверженія или храбрости, рискующей жизнью для пользы общества. Чѣмъ болѣе кровавый характеръ носятъ войны между племенами, тѣмъ сильнѣе также будетъ дѣйствовать среди нихъ система подбора, тѣмъ лучше устоятъ тѣ племена, сочлены которыхъ являются не только самими сильными, но и самыми умными, храбрыми, способными на жертвы и наиболѣе дисциплинированными. Такимъ образомъ въ тѣ примитивныя времена война различными путями содѣйствовала укрѣпленію въ людяхъ соціальныхъ инстинктовъ.

Но сама война въ теченіе процесса общественнаго развитія мѣняетъ свои формы. Мѣняются также и причины, ее вызывающія.

Ея первая причина — ненадежность источниковъ жизненнаго пропитанія—исчезаетъ, какъ только земледѣліе и скотоводство достигаютъ большаго развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на сцену выступаетъ теперь новая причина войны: *обладаніе богатствами*, не частное обладаніе, но обладавіе всѣмъ племенемъ. На ряду съ племенами, живущими въ обильныхъ мѣстахъ, мы находимъ таковыя же въ неплодныхъ; рядомъ съ кочующими, воинственными и бѣдными пастухами, встрѣчаются осѣдые крестьяне, отвыкшіе отъ употребленія оружія, хозяйство которыхъ доставляетъ имъ обильные избытки и т. д. Отнынѣ война становится грабежомъ и обороной отъ грабежа, и такой остается она до нашихъ дней.

Но и этотъ ходъ войны сильно содѣйствуетъ укрѣпленію соціальныхъ инстинктовъ, пока собственность остается преимущественно общественной. Напротивъ того, вліяніе войны на усиленіе соціальныхъ инстинктовъ парализуется по мѣрѣ того, какъ въ пѣдрахъ общины формируются классовыя противоположности съ частной собственностью, и чѣмъ больше война становится исключительнымъ дѣломъ господствующихъ классовъ, которые стремятся къ тому, чтобы расширить область своей эксплоатации или же стать на мѣсто другого господствующаго класса въ

сосѣдной странѣ. Для подчиненныхъ классовъ вопросъ при такихъ войнахъ идетъ уже не объ ихъ собственномъ существованіи, иногда даже не о лучшихъ или худшихъ жизненныхъ средствахъ, но только о томъ, кто будетъ ихъ властелиномъ. Съ другой стороны, отнынѣ войско становится или аристократической арміей, въ которой народная масса не принимаетъ участія, или же, если масса эта содѣйствуетъ ей, то либо въ формѣ наемной арміи, либо арміи по принужденію, которой командуетъ господствующій классъ, и которая ставитъ на карту свою жизнь не ради защиты своей собственности, своихъ женъ и дѣтей, но ради чужихъ интересовъ, подчасъ ей же враждебныхъ. Такія войска удерживаются не силой социальныхъ инстинктовъ, но страхомъ передъ неумолимо жестокимъ уголовнымъ закономъ. Такія арміи внутренне расколоты ненавистью массъ противъ вожаковъ, равнодушіемъ, даже недовѣріемъ послѣднихъ по отношенію къ своимъ поданнымъ.

На этой ступени война перестаетъ быть для народной массы школой социальныхъ инстинктовъ. Въ господствующихъ, воинственныхъ классахъ война становится школой высокомѣрной заносчивости по отношенію къ [подчиненнымъ классамъ, ибо война научаетъ господствующіе классы обращаться съ подчиненными имъ, какъ съ солдатами, развивать въ послѣднихъ безвольную покорность предъ абсолютной командой и распоряжаться безощадно ихъ силами, даже ихъ жизнью.

Такое развитіе войны, какъ ужъ сказано нами, есть послѣдствіе развитія собственности, которое опять-таки произошло вслѣдствіе развитія техники.

Каждымъ предметомъ, производимымъ въ обществѣ или при помощи котораго что-либо производится, кто-либо долженъ распоряжаться и имѣть право распоряжаться, будь это отдѣльное лицо, группа или все общество. Способъ этого распоряженія опредѣлялся прежде всего самою природою вещей и природою соотвѣтственной формы производства. Кто самъ для себя сдѣлалъ оружіе, самъ же его и употребляетъ; точно также тотъ, кто самъ себѣ приготовилъ какое-нибудь одѣяніе или украшеніе, самъ же и носитъ его; напротивъ, казалось столь же естественнымъ, чтобы домъ, который племя общими силами строило для себя, служилъ

общимъ жилищемъ. Различные виды извлеченія пользы изъ различныхъ вещей были, слѣдовательно, заранѣ даны, повторялись изъ поколѣнія въ поколѣніе и стали установившимися привычками.

Такимъ образомъ возникло обычное право, которое потомъ было еще расширено тѣмъ, что каждый разъ, когда возникали споры изъ-за способа пользованія или относительно лицъ, которымъ подлежало пользоваться какой-либо вещью, вопросъ этотъ разрѣшался собраніемъ членовъ общества. Право имѣло своимъ источникомъ не заранѣ обдуманное законодательство или общественный договоръ, по обычай, покоящійся на техническихъ условіяхъ, а при недостаточности ихъ — на третейскихъ приговорахъ общества, которое судило каждый данный случай. Такимъ образомъ мало-по-малу возникло многообразное право собственности на различные средства производства и продукты общества.

Общинное право собственности сначала преобладало именно во владѣніи средствами производства, сообща обработаннымъ полемъ, въ сооружеціяхъ по водоснабженію, домахъ, разумѣется, также и во владѣніи стадами скота. И эта общинная собственность должна была необыкновенно укрѣпить соціальныя инстинкты, интересъ къ общинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она сильно увеличивала подчиненіе общинѣ, зависимость отъ нея. Совершенно иное вліяніе оказывасть частная собственность отдѣльныхъ семействъ или индивидуумовъ, какъ только она достигаетъ такого расширенія, что начинаетъ оттѣснять общинную собственность. Это наступило тогда, когда, въ силу всерастущаго раздѣленія труда, различные ремесла начали отдѣляться отъ земледѣлія, при которомъ они до сихъ поръ были побочнымъ занятіемъ, когда ремесла эти стали самостоятельными и стали все больше развѣтвляться.

Развитіе это обозначаетъ собою расширеніе предѣловъ общества при посредствѣ раздѣленія труда, расширеніе числа тѣхъ людей, которые соединились въ такого рода общества, что работали другъ для друга, слѣдовательно—ставили во взаимную зависимость свое существованіе. Но это расширеніе общественной работы шло не путемъ все большаго расширенія сферы *общаго* труда, но путемъ отпаденія отдѣльныхъ работъ, которыя становились частнымъ

дѣломъ отдѣльныхъ производителей, производящихъ то, чего они не могутъ потреблять, и, напротивъ, вымѣнивающихъ свои продукты на продукты другихъ промысловъ, чтобы потреблять таковыя.

Такимъ образомъ теперь отступаютъ на задній планъ общественное производство и общественныя орудія производства въ большихъ, въ существенномъ самодовлѣющихъ, обществахъ, напр., марки или большого двора, по сравненію съ частнымъ производствомъ и частной собственностью отдѣльныхъ индивидовъ или паръ съ ихъ дѣтьми, которые производятъ товары, т. е. продукты не для личнаго употребленія, но для продажи.

Съ этихъ поръ рядомъ съ частной собственностью, которая существовала уже и раньше, выступаетъ совершенно новый моментъ: *конкуренція* различныхъ отдѣльныхъ производителей одного и того же вида, борющихся изъ-за своей доли на рынкѣ.

Часто разсматриваютъ конкуренцію а также и войну, какъ проявленіе той борьбы за существованіе, которой охвачена вся природа. Но фактически то и другое беретъ свое начало въ техническомъ прогрессѣ человѣчества и составляетъ своеобразную форму именно этого прогресса. Война и конкуренція отличаются отъ борьбы за существованіе, господствующей въ животномъ мірѣ, тѣмъ, что послѣдняя есть борьба отдѣльныхъ индивидовъ или цѣлыхъ обществъ съ окружающей природой, борьба съ живыми и мертвыми силами природы, при чемъ лучше приспособленные для переживанія исключительно неблагоприятныхъ положеній скорѣе сохраняются и размножаются. Но борьба за существованіе въ животномъ мірѣ не есть борьба не на животъ, а на смерть съ другими индивидами того же вида, исключая развѣ нѣкоторыхъ хищныхъ животныхъ, у которыхъ, однако, послѣдняго рода борьба играетъ только весьма подчиненную роль въ борьбѣ за существованіе, и исключая также борьбу изъ-за полового подбора. Только у людей борьба противъ особей того же вида выступаетъ на первый планъ, какъ средство устоять въ борьбѣ за жизнь. Но и здѣсь, въ свою очередь, существуетъ громадное различіе между войной и конкуренціей. Война есть борьба, возникающая между двумя различными обществами, она обозначаетъ собою перерывъ въ производствѣ и не можетъ

быть постояннымъ явленіемъ. Она обусловливаетъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ не существуетъ сильныхъ классовыхъ противорѣчій, сильнѣйшую социальную связь, слѣдовательно, въ высокой мѣрѣ содѣйствуетъ укрѣпленію социальныхъ инстинктовъ. Конкуренція, напротивъ, есть борьба между отдѣльными индивидами *одного и того же общества*. Эта борьба есть регуляторъ, притомъ крайне своеобразный, направляющій ходъ общественнаго сотрудничества различныхъ частныхъ производителей такимъ образомъ, чтобы въ послѣднемъ счетѣ эти частные производители постоянно производили общественно необходимое, т. е. то, что, при данныхъ общественныхъ условіяхъ, является необходимымъ. Если война вызываетъ временный перерывъ производства, то конкуренція является постояннымъ необходимымъ спутникомъ производства тамъ, гдѣ оно носитъ характеръ товарнаго.

Какъ и война, конкуренція есть большая трата энергій и имѣетъ съ тѣмъ средство, которое вынуждаетъ къ крайнему напряженію всѣхъ производительныхъ силъ и ихъ быстрѣйшему совершенствованію. Она поэтому имѣетъ большое хозяйственное значеніе, пока она не создаетъ такихъ гигантскихъ производительныхъ силъ, что имъ становится такъ же тѣсно въ рамкахъ товарнаго производства, какъ раньше стало тѣсно въ рамкахъ общественнаго или товарищескаго примитивнаго хозяйства растущему раздѣленію труда. Перепроизводство, а также искусственное сокращеніе его при посредствѣ предпринимательскихъ союзовъ свѣдѣтельствуя, что миновало то время, когда конкуренція была шпорой, содѣйствовавшей общественному развитію.

Она и всегда дѣлала это только въ формѣ побужденія къ возможно большому расширенію производства. Напротивъ, конкуренція между отдѣльными членами одного и того же общества при всѣхъ обстоятельствахъ именно убійственно вліяла на социальные инстинкты, ибо въ этой борьбѣ всего скорѣе устоять могъ тотъ, кто не руководился социальными соображеніями, кто главнымъ образомъ имѣлъ въ виду исключительно свой собственный интересъ. Для человѣка періода развитой формы товарнаго производства вполне понятно было видѣть въ эгоизмѣ единственный естественный инстинктъ и смотрѣть на социальные инстинкты либо

какъ на утонченный эгоизмъ, либо какъ на выдумку поновъ для господства надъ человѣкомъ, либо же какъ на сверхъестественную тайну. Если же въ современномъ обществѣ социальныя инстинкты еще сохранили нѣкоторую силу, то этимъ мы обязаны тому, что развитое товарное производство представляетъ собою еще совсѣмъ недавнее явленіе, пасчитывающее за собою всего какихъ-нибудь сто лѣтъ, и что по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ первобытный демократическій коммунизмъ, а въ силу этого и война перестаетъ быть источникомъ социальныхъ инстинктовъ, открывается новый, еще болѣе обильный источникъ таковыхъ; этимъ источникомъ является *классовая борьба* воспрянувшихъ, эксплуатируемыхъ трудящихся массъ, война, которая ведется не наемными войсками и не по принужденію, не за чуждые интересы, но за интересы собственнаго класса.

4. Сфера дѣйствія социальныхъ инстинктовъ.

а. Международныя отношенія.

Еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ степень *силы*, мѣняется *область*, внутри которой дѣйствуютъ социальныя инстинкты, съ развитіемъ общества. Традиціонная этика видитъ въ нравственномъ законѣ силу, которая регулируетъ отношенія людей между собою. Такъ какъ она исходитъ отъ индивидуума, а не отъ общества, то она совершенно не замѣчаетъ, что нравственный законъ регулируетъ не отношенія людей между собою вообще, но отношенія людей, принадлежащихъ къ *одному и тому же обществу*. Это становится понятнымъ, если припомнить происхожденіе социальныхъ инстинктовъ. Послѣдніе являются средствомъ для увеличенія общественной связи, для укрѣпленія силы общества. Животное оцущаетъ социальный инстинктъ только по отношенію къ сочленамъ собственнаго стада, къ другимъ стадамъ оно болѣе или менѣе равнодушно. У социальныхъ хищныхъ звѣрей мы встрѣчаемъ прямо-таки враждебное отношеніе къ сочленамъ чужихъ стай. Такъ, напр., въ Константинополѣ пари-собаки каждой улицы

бдительно слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна чужая собака не забрела въ занятый имъ районъ; такая собака тотчасъ же изгоняется или даже растерзывается.

Въ такія же отношенія вступаютъ между собою человѣческія орды, какъ только охота и война возникаютъ между ними. Одной изъ важнѣйшихъ формъ борьбы за существованіе является между ними теперь борьба одной орды противъ другой орды того же вида. Человѣкъ, не являющійся сочленомъ собственнаго общества, считается теперь прямо врагомъ. Соціальныя инстинкты не только не дѣйствуютъ *за него*, но—*противъ него*. Чѣмъ сильнѣе эти инстинкты въ данной ордѣ, тѣмъ скорѣе устоитъ послѣдняя противъ внѣшняго врага, тѣмъ съ большей энергіей она побѣждаетъ послѣдняго. Соціальныя добродѣтели, готовность къ оказанію помощи, самопожертвованіе, любовь къ правдѣ и т. д. дѣйствительны только по отношенію къ товарищу, а не по отношенію къ члену другого общественнаго организма. Однажды мнѣ поставили въ вину попытку констатировать этотъ фактъ въ «Neue Zeit» и мое сужденіе истолковали въ такомъ смыслѣ, что я будто бы желаю установить особый соціаль-демократическій моральный принципъ, въ противоположность принципамъ вѣчнаго нравственнаго закона, требующаго безусловной справедливости по отношенію ко всякому. Въ дѣйствительности, я только провелъ ту мысль, что жившій въ человѣческой груди, со времени очеловѣченія нашихъ предковъ, нравственный законъ гласилъ, что по отношенію къ врагу соціальныя добродѣтели отнюдь не обязательны. На этомъ основаніи отнюдь невозможно возмутиться соціаль-демократіей, ибо нѣтъ другой партіи въ мірѣ, которая бы шире истолковывала понятіе общества, чѣмъ эта интернаціональная партія, захватывающая всѣ націи, всѣ рассы въ сферу своей солидарности.

Изъ того, что нравственный законъ имѣетъ силу только по отношенію къ членамъ собственнаго общества, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы границы его были даны разъ навсегда. Они растутъ скорѣе въ той мѣрѣ, въ какой прогрессируетъ раздѣленіе труда, въ какой растетъ его производительность, равно какъ совершенствуются средства между человѣческими сношеніями. Увеличивается количество людей, которыхъ данная область въ состояніи прокормить '

могущихъ работать въ опредѣленной области другъ для друга и другъ съ другомъ и такимъ образомъ объединенныхъ общественной связью. Но увеличивается также количество областей, жители которыхъ живутъ между собою въ единеніи, чтобы работать другъ для друга, образовавши общественный союзъ. Растетъ, наконецъ, объемъ областей, которыя вступаютъ между собою въ тѣсную общественную связь и образуютъ стойкую общественную организацію, съ общимъ языкомъ, общими правами, общими законами. Послѣ смерти Александра Македонскаго народы восточнаго бассейна Средиземнаго моря образовали международный союзъ съ международнымъ языкомъ—греческимъ. Благодаря римскому владычеству, всѣ страны вокругъ всего Средиземнаго моря образовали еще болѣе обширный международный кругъ, въ которомъ исчезли всѣ національныя различія, и который считалъ себя представителемъ человѣчества. Новая религія этого круга народовъ, выступившая на мѣсто старыхъ національныхъ религій, отнынѣ стала міровой религіей съ единымъ Богомъ, объемлющимъ весь міръ, предъ лицомъ котораго всѣ люди равны. Эта религія обращалась ко всѣмъ людямъ, объявляла всѣхъ ихъ дѣтьми одного и того же Отца—братьями.

Но фактически и здѣсь дѣло шло о нравственномъ законѣ только для членовъ собственнаго культурнаго круга, для «христіанъ», для «вѣрующихъ». Центръ христіанства передвигался все дальше на сѣверъ и западъ, но мѣрѣ поступательнаго шествія переселенія народовъ. На востокъ и югъ образовался новый международный и культурный кругъ съ собственной нравственностью—Исламъ, который тоже подвигался впередъ въ Азію и Африку, какъ христіанство—въ Европу.

Теперь, однако, подобный международный кругъ все расширяется, благодаря капитализму, принимаетъ все болѣе всемірный характеръ, охватывая буддистовъ, мусульманъ, персовъ, приверженцевъ браминизма въ равной степени, какъ и христіанъ, которые все больше перестаютъ быть истинными христіанами.

Такимъ образомъ сформировалась основа для окончательнаго осуществленія того моральнаго воззрѣнія, которое уже было высказано христіанствомъ, но очень бѣгло, такъ что оно оказалось

не въ силахъ осуществить его, и оно осталось пустой фразой для массы христіанъ—воззрѣніе о равенствѣ всѣхъ людей, воззрѣніе, что соціальныя инстинкты, нравственныя добродѣтели должны практиковаться по отношенію ко всѣмъ въ одинаковой степени. Такимъ базисомъ для всеобщей человѣческой морали послужило не усовершенствованіе человѣка, что бы ни понималось подъ этимъ, выраженіемъ, по развитіе *производительныхъ силъ* человѣка расширеніе общественнаго раздѣленія труда, усовершенствованіе путей сообщенія. Однако еще и теперь новая мораль далека отъ того, чтобы стать моралью всѣхъ людей хотя бы только въ экономически прогрессивныхъ странахъ. До сихъ поръ еще на дѣлѣ она является моралью пролетаріата, съ проснувшимся классовымъ самосознаніемъ той части пролетаріата, которая по своимъ ощущеніямъ и мышленію откололась отъ остальнаго населенія и, въ противовѣсъ буржуазіи, выработала себѣ собственную мораль. Разумѣется, именно капиталъ является тѣмъ факторомъ, который создастъ моральный базисъ всеобщей человѣческой морали, но базисъ этотъ онъ создаетъ только тѣмъ, что непрерывно топчетъ ногами эту самую мораль. Капиталистическія націи круга европейскаго общества расширяютъ этотъ кругъ путемъ расширенія области своей эксплуатаціи, а это возможно лишь на почвѣ насплія. Такимъ образомъ онѣ создаютъ основы для будущаго всемірнаго мира путемъ всемірной войны, основы всеобщей солидарности всѣхъ націй—путемъ эксплуатаціи этихъ націй, основы для вовлеченія всѣхъ колоніальныхъ земель въ кругъ европейской культуры—путемъ подчиненія себѣ всѣхъ этихъ земель при посредствѣ самыхъ низкихъ насилій злѣйшаго варварства. Только пролетаріатъ, который не принимаетъ никакого участія въ капиталистической эксплуатаціи, повсюду съ ней борется и вынужденъ съ пей бороться, строитъ на созданной капитализмомъ основѣ міроваго обмѣна и міроваго хозяйства общественную форму, въ которой равенство всѣхъ людей передъ нравственнымъ закономъ превратится изъ благочестиваго пожеланія въ дѣйствительность.

половь. Прогрессъ въ области раздѣленія труда давалъ возможность проявляться дальнѣйшимъ различіямъ внутри каждаго пола, больше всего среди мужчинъ. Женщина, именно благодаря все болѣе прогрессирующему раздѣленію труда, приковывалась къ домашней обстановкѣ, объемъ которой все суживался, вмѣсто того, чтобы расширяться, такъ какъ отъ нея отпадало постоянно значительное число отраслей производства, принимавшихъ самостоятельный характеръ и переходившихъ въ вѣдѣніе мужчинъ. Техническій прогрессъ, раздѣленіе труда, дѣленіе на различныя профессіи, ограничивалось до послѣдняго столѣтія почти исключительно міромъ мужчинъ, только кое-что изъ этого отразилось на домашнемъ обиходѣ женщины.

Чѣмъ дальше шло это дѣленіе на различныя профессіи, тѣмъ болѣе усложнялся общественный организмъ, органы котораго онъ составляли. Способъ ихъ взаимодействія въ общественномъ процессѣ, въ хозяйственномъ, другими словами, способъ производства— не есть ничто случайное. Онъ совершенно независимъ отъ воли отдѣльныхъ индивидовъ и необходимымъ образомъ опредѣляется данными матеріальными условіями. Среди нихъ опять-таки техника является наиважнѣйшимъ факторомъ, такимъ, развитіе котораго опредѣляетъ развитіе способа производства. Но это не единственный факторъ.

Возьмемъ примѣръ. Матеріалистическое пониманіе исторіи неоднократно истолковывалось въ томъ смыслѣ, что извѣстная техника прямо обозначаетъ собою и извѣстный способъ производства, даже извѣстную общественную и политическую форму. Но такъ какъ такого совпаденія мы не наблюдаемъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ тѣ же орудія на различныхъ общественныхъ стадіяхъ, то дѣлается выводъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи должно и общественныя отношенія не опредѣляются одной только техникой. Возраженіе вѣрно, но оно не попадаетъ въ матеріалистическое пониманіе исторіи, а поражаетъ лишь ея карикатуру, возникшую благодаря смѣшенію понятій *техника и способъ производства*.

Утверждаютъ, напр., что плугъ образуетъ основу крестьянскаго хозяйства. Между тѣмъ, онъ встрѣчается при самыхъ различныхъ общественныхъ формахъ. Все это вѣрно, но посмотримъ, однако.

чѣмъ обусловливаются отклоненія различныхъ общественныхъ формъ, возникающихъ на основѣ крестьянскаго хозяйства. Возьмемъ, къ прихѣру, крестьянское населеніе, живущее на берегахъ одного изъ тѣхъ большихъ тропическихъ или подтропическихъ потоковъ, который періодически заливаешь берега, принося съ собою гибель или удобреніе для почвы. Водяныя сооруженія необходимы, чтобы удерживать въ одномъ мѣстѣ воды, отвести ихъ въ другомъ. Населеніе одной деревни не въ состояніи возвести своими силами соотвѣтственныя сооруженія. Цѣлый рядъ такихъ деревень долженъ соединиться, каждая обязана поставить рабочихъ, должны быть назначены чиновники, съ порученіемъ направлять работы по устройству и содержанію сооруженій въ надлежащемъ видѣ. Чѣмъ грандіознѣе сооруженія, тѣмъ больше крестьянскаго населенія причастно къ нему, тѣмъ значительнѣе число обязательныхъ рабочихъ, которыхъ оно поставляетъ, тѣмъ глубже тѣ спеціальныя знанія, которыя потребны для того, чтобы воздвигнуть такія строенія, тѣмъ шире власть и авторитетъ руководящихъ чиновниковъ по отношенію къ массѣ населенія. Такъ возникаетъ здѣсь на основѣ крестьянскаго хозяйства баста жрецовъ или чиновниковъ, какъ это было въ рѣчныхъ долинахъ Нила, Эффрата и Ганго.

Другой видъ развитія встрѣчаемъ мы тамъ, гдѣ въ плодородныхъ, легко доступныхъ долинахъ прочно осѣло цвѣтущее крестьянское хозяйство рядомъ съ разбойниками-номадами. Необходимость отраженія этихъ помадовъ вынуждаетъ крестьянъ формировать у себя оборонительное войско, что опять-таки можетъ совершаться на различные лады; или одна часть крестьянъ отдается военному дѣлу и отдѣляется отъ другихъ, которые платятъ ей взамѣнъ этого повинности; или разбойничьи сосѣди склоняются путемъ дани къ миру, защитѣ и покровительству населенія отъ нападеній другихъ разбойниковъ; или же, наконецъ, сосѣди завоевываютъ страну и остаются въ ней господами надъ крестьянствомъ, которыхъ они заставляютъ платить себѣ подати, но для которыхъ они являются въ то же время оборонительнымъ войскомъ. Послѣдствіе, однако, всегда одно и то же: возникновеніе феодальнаго дворянства, которое подчиняетъ себѣ крестьянство и эксплоатируетъ его.

Иногда и тотъ и другой путь развитія соединяются вмѣстѣ, тогда къ кастѣ жрецовъ или чиновниковъ присоединяется еще военная каста.

Опять-таки иначе складывается развитіе крестьянства, живущаго у моря съ хорошими гаванями, которыя способствуютъ мореплаванію, и недалеко лежащими берегами съ богатымъ населеніемъ. Рядомъ съ земледѣліемъ здѣсь развивается рыболовство, которое создаетъ переходъ къ морскому грабежу и морской торговлѣ. На какой-нибудь особенно приспособленной морской пристани скопляется добыча и товары, образуется городъ богатыхъ купцовъ. Здѣсь для крестьянина открывается рынокъ для сбыта его продуктовъ, ему предстоятъ денежные доходы, но также денежные издержки, денежные обязательства, долги. Вскорѣ онъ попадаетъ въ денежную зависимость къ городскимъ собственникамъ денегъ.

Морское разбойничество и морская торговля, а также морская война доставляютъ странѣ массу дешевой рабочей силы—рабовъ; городскіе денежные собственники рѣшаются, наконецъ, изгнать крестьянъ-должниковъ изъ ихъ имѣній, вмѣсто того, чтобы продолжать ихъ эксплуатировать, а сами имѣнія они превращаютъ въ большія плантаціи, вводя въ нихъ на мѣсто крестьянскаго рабское хозяйство, при чемъ орудія и инвентарь земледѣлія—его техника—не подвергаются при этомъ ни малѣйшимъ измѣненіямъ.

Наконецъ, мы встрѣчаемъ четвертый типъ крестьянскаго развитія на трудно доступныхъ плоскогоріяхъ. Почва тамъ скудная и трудно поддается обработкѣ. Рядомъ съ земледѣліемъ господствующимъ занятіемъ остается скотоводство, но ни то, ни другое недостаточны для большаго прироста населенія. А у подножія горъ привлекаютъ плодородныя, хорошо воздѣланныя угодья. Горные крестьяне пытаются ихъ завоевать и эксплуатировать или же, гдѣ они встрѣчаютъ сопротивленіе, отдають въ наемъ избытокъ своего населенія въ качествѣ наемныхъ солдатъ. Военная опытность послѣднихъ вмѣстѣ съ непривѣтливостью и недоступностью страны содѣйствуетъ тому, что она не боится чужихъ нашествій, гарантируетъ отъ нихъ также и бѣдность страны. Въ такомъ случаѣ въ подобныхъ мѣстностяхъ сохраняется старинная крестьянская демократія, между тѣмъ какъ кругомъ уже давно все крестьян-

ство впало въ зависимость отъ феодаловъ, поповъ, купцовъ и ростовщиковъ. Иногда подобнаго рода первобытная аристократія сама вводитъ въ сосѣдней странѣ, которую она завоевала, учрежденія эксплуататорскаго характера, совершенно противоположныя собственной высокочтимой свободѣ. Такъ, напр., старинные кантоны, родина Вильгельма Телля, при посредствѣ своихъ фохтовъ практиковали въ Тессинѣ въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ такой образъ правленія, опустошительный гнетъ котораго можетъ вполне сравниться съ гнетомъ сказочнаго Гесслера.

Все это показываетъ намъ, что весьма различные способы производства и формы дѣленія на классы совместимы съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Но что лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ различій? Противники матеріалистическаго пониманія исторіи сводятъ ихъ то къ насилію, то къ различію идей, складывающихся въ головахъ различныхъ народностей. Несомнѣнно, конечно, что, при установленіи всѣхъ этихъ способовъ производства, насиліе сыграло большую роль. Марксъ, какъ извѣстно, называлъ ее повивальной бабкой всякаго новаго общества. Но что опредѣляетъ собою роль насилія, какъ это случается, что именно одинъ слой населенія при помощи насилія побѣждаетъ, а другой—нѣтъ, и что насиліе приводитъ именно къ такимъ, а не другимъ результатамъ,—на всѣ эти вопросы теорія насилія не даетъ намъ отвѣта. Равнымъ образомъ и теорія идей не оставляетъ тайной, откуда происходятъ идеи, которыя именно въ горной странѣ порождаютъ свободу, а въ рѣчныхъ мѣстностяхъ—касту жрецовъ, на морскомъ берегу—денежное и рабское хозяйство, а въ холмистыхъ—феодалскую зависимость.

Мы видѣли, что эти различія въ развитіи тѣхъ же крестьянскихъ хозяйствъ покоятся на различіяхъ въ естественной и общественной средѣ даннаго хозяйства. Смотри по природѣ страны, смотри по нраву ея сосѣдей, крестьянское хозяйство при данной техникѣ становится основой различныхъ общественныхъ формъ. Эти особенныя общественныя формы, рядомъ съ естественными факторами, служатъ дальнѣйшимъ фундаментомъ, на которомъ своеобразнымъ образомъ складывается дальнѣйшее развитіе.

Такимъ образомъ, напр., германцы, когда они во время пере-

селенія народовъ ворвались въ римское всемірное государство, нашли имперію съ ея бюрократіей, городскимъ бытомъ, христіанской церковью, какъ общественное условіе, которое они пріобщили къ своему способу производства.

Всѣ эти географическія и историческія условія нужно изучать, если хотять познать своеобразный способъ производства какой-либо страны въ опредѣленную эпоху. Изученія одной только техники этой страны далеко еще недостаточно.

Изъ этого видно, что матеріалистическое пониманіе исторіи отнюдь не является какимъ-то плоскимъ шаблономъ, какимъ обыкновенно изображаютъ его критики. Приведенные здѣсь примѣры показываютъ однако намъ также, какъ классовыя различія и классовыя противорѣчія порождаются экономическимъ развитіемъ.

Различія не только между индивидуумами, но также между отдѣльными группами внутри общества, встрѣчаются уже и въ мірѣ животныхъ; какъ нами уже было замѣчено, эти различія въ силѣ по внѣшности, быть можетъ также въ матеріальномъ положеніи индивидуумовъ и группъ, эти различія даны природѣ и едва ли вполнѣ исчезнутъ даже въ социалистическомъ обществѣ. Изобрѣтеніе орудій, раздѣленіе труда и его послѣдствія, словомъ— прогрессъ еще содѣйствуетъ росту этихъ различій и возникновенію новыхъ. Тѣмъ не менѣе различія эти не могутъ перешагнуть извѣстной, очень узкой границы до тѣхъ поръ, пока общественный трудъ не начинаетъ давать извѣстнаго излишка сверхъ того, что необходимо для существованія членовъ общества. Пока этого нѣтъ, ни одинъ тунеядецъ не можетъ жить на общественный счетъ, никто не можетъ получать изъ общественныхъ продуктовъ значительно больше, чѣмъ другіе. Одновременно съ появленіемъ излишковъ возникаетъ, на той же стадіи, какъ результатъ растущей вражды между племенами и кровавыхъ исходовъ, которыми разрѣшаются ихъ столкновенія, а такъ же, какъ результатъ сотрудничества и общей собственности, такъ много новыхъ факторовъ, укрѣпляющимъ социальные инстинкты, что зачатки вражды между племенами, между возрастными группами, профессіями такъ же мало могутъ нанести ущерба общественному дѣлу, какъ ссора между отдѣльными лицами. Несмотря на зачатки раздѣленія труда, которыя уже имѣ-

ются на лицо, человѣческія общества никогда, разумѣется, не были болѣе замкнутыми и цѣльными, чѣмъ въ первобытныя языческія времена, предшествовавшія эпохѣ классовыхъ противорѣчій.

Но положеніе вещей мѣняется, какъ только общественный трудъ, въ силу своей растущей производительности, начинаетъ давать излишекъ. Отнынѣ становится возможнымъ для отдѣльныхъ индивидовъ и профессій въ теченіе продолжительнаго времени оттягивать въ свою пользу значительно большую долю общественного продукта, чѣмъ это могли сдѣлать другіе. Отдѣльные индивидуумы только рѣдко, только случайно и въ видѣ исключенія могутъ привести въ исполненіе подобныя планы для себя самихъ; зато это вполне достижимо для цѣлыхъ профессій, почему-либо находящихся въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, такихъ, напр., которыя даютъ особенныя знанія или повышенную способность защищаться, а также такія, которыя, даютъ возможность, въ теченіе продолжительнаго времени оттягивать себѣ общественный избытокъ. Но собственность на продукты тѣснѣйшимъ образомъ связана съ собственностью на средства производства; кто владѣетъ однимъ, тотъ распоряжается и другимъ. Стремленіе къ монополизированію общественного излишка преимущественно однимъ какимъ-либо классомъ порождаетъ въ немъ также стремленіе получить въ свое исключительное владѣніе и средства производства. Формы этого исключительнаго владѣнія сами по себѣ опять-таки могутъ быть весьма различны. Это можетъ быть то общее владѣніе, сосредоточенное въ рукахъ господствующаго класса или касты, то частное владѣніе отдѣльныхъ семействъ или индивидуумовъ этого класса.

Въ томъ и другомъ случаѣ масса рабочаго населенія экспроприруется, низводится до положенія рабовъ, крѣпостныхъ, батраковъ; и между общественной собственностью на средства производства и общественнымъ пользованіемъ послѣдними порывается та тѣсная связь, которая соединяла ихъ въ примитивномъ обществѣ.

И если различія въ общественномъ положеніи, которыя могли возникнуть въ нѣдрахъ послѣдняго, были заключены въ очень тѣсныя рамки, то классовыя различія, могущія образоваться теперь, уже не имѣли границъ. Они могутъ, съ одной стороны, расширяться, благодаря техническому прогрессу, который постоянно

увеличиваетъ избытокъ продуктовъ общественнаго труда; съ другой стороны, эти границы могутъ расширяться также путемъ роста общины, при чемъ число эксплуататоровъ остается одно и то же или даже уменьшается, такъ что количество трудящихся и доставляющихъ излишекъ на долю каждаго эксплуататора растетъ. Такимъ путемъ классовыя различія могутъ достигъ громаднхъ, безконечныхъ размѣровъ, а вмѣстѣ съ ними растутъ и соціальныя противорѣчя.

Но мѣрѣ того, какъ это развитіе прогрессируетъ, пропасть внутри общества разрастается все больше, классовая борьба дѣлается преобладающей, всеобщей, длительной формой борьбы за существованіе особи въ человѣческомъ обществѣ; въ той же мѣрѣ соціальныя инстинкты по отношенію ко всему обществу ослабѣваютъ, но тѣмъ сильнѣе они начинаютъ развиваться внутри класса, благо котораго для массы индивидуумовъ все болѣе отождествляется съ общимъ благомъ.

И именно въ классахъ эксплуатируемыхъ, подчиненныхъ, пробудившихся—классовая борьба усиливаетъ соціальныя инстинкты и добродѣтели такого рода. Вѣдь они должны въ этой борьбѣ ставить на карту всю свою личность и вести ее съ гораздо большей интенсивностью, чѣмъ господствующіе классы, которые часто имѣютъ возможность поручать защиту своихъ интересовъ вооруженной силѣ или духовнымъ—наемнымъ лицамъ. Кромѣ того, въ средѣ самихъ господствующихъ классовъ часто образуется глубочайшая пропасть, благодаря распрямъ, которыя возникаютъ между ними изъ-за общественнаго излишка и изъ-за средствъ производства. Одну изъ сильнѣйшихъ причинъ подобнаго рода разобщенія мы изучили въ формѣ конкуренціи.

Всѣ эти факторы, противодействующіе соціальнымъ инстинктамъ, не находятъ среди эксплуатируемыхъ классовъ никакой почвы. Чѣмъ меньше почвы для раздоровъ, чѣмъ глубже имущественная несостоятельность этихъ поднявшихся классовъ, чѣмъ исключительнѣе предоставлены они собственнымъ силамъ, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ члены такихъ классовъ свою солидарность передъ лицомъ господствующихъ классовъ, тѣмъ съ большей мощью развиваются ихъ соціальныя инстинкты по отношенію къ своему собственному классу.

5. Принципы морали.

а. Привычка и приличія.

Мы видѣли, какъ экономическое развитіе вноситъ въ моральныя факторы, перешедшіе изъ животнаго міра, моментъ сильной измѣнчивости, какъ различно формируетъ оно силу соціальныхъ инстинктовъ и добродѣтелей въ различныя времена и въ различныхъ классахъ того же общества; но мы также видѣли, какъ область, внутри которой дѣйствуютъ соціальные инстинкты и добродѣтели, то суживается, то расширяется, съ одной стороны, распространяясь отъ маленькой орды до всего Человѣчества, съ другой—ограничиваясь внутри общества сферой одного только класса.

Но то же самое экономическое развитіе создаетъ также особенный моральный факторъ, котораго въ животномъ мірѣ совсѣмъ не существуетъ, этотъ факторъ наиболѣе измѣнчивъ изъ всѣхъ, ибо не только его сила и сфера дѣйствія, но также и содержаніе подвергается сильнѣйшимъ переѣнамъ. Это суть принципы морали.

Въ животномъ мірѣ мы, правда, находимъ уже сильныя моральныя *ощущенія*, но мы не находимъ моральныхъ *предписаній*, обращенныхъ къ индивидууму. Существованіе послѣднихъ предполагаетъ развитой языкъ, который былъ въ состояніи обозначить не только *ощущенія*, но также и *вещи* или, по крайней мѣрѣ, *поступки*, языкъ, для появленія котораго въ животномъ мірѣ не существуетъ никакихъ предпосылокъ, и потребность въ которомъ возникаетъ только съ появленіемъ организованнаго сотрудничества. Только тогда дѣлается возможнымъ предъявленіе отдѣльному лицу определенныхъ требованій. Если эти требованія проистекаютъ изъ индивидуальныхъ, исключительныхъ потребностей, то, съ исчезновеніемъ индивидуальнаго, исключительнаго случая, исчезаютъ и они. Если же, напротивъ того, они проистекаютъ изъ потребностей, имѣющихъ свое основаніе въ общественныхъ отношеніяхъ, тогда они будутъ все вновь появляться, пока существуютъ эти

отношенія; въ начальной же стадіи существованія общества, когда развитіе идетъ необычайно медленно, продолжительность отдѣльныхъ общественныхъ состояній можетъ длиться сотни тысячъ лѣтъ. Общественныя требованія, предъявленныя къ отдѣльнымъ индивидамъ, повторяются такъ часто, такъ правильно, что они входятъ въ привычку, которая въ заключеніе становится унаслѣдованной наклонностью, какъ унаслѣдуются наклонности къ охотѣ у охотничьей собаки, такъ что достаточно нѣсколькихъ вѣшнихъ раздраженій, чтобы дать привычкѣ проявиться; такими унаслѣдованными привычками являются, напр., чувство стыдливости, привычка покрывать извѣстныя части тѣла, обнаженіе которыхъ считается безнравственнымъ.

Такъ возникаютъ требованія къ индивидууму, живущему въ обществѣ, требованія эти тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ сложнѣе общество, и, въ концѣ концовъ, они входятъ въ привычку и безъ дальнѣйшихъ размышленій признаются нравственными завѣтами.

Изъ этого характера моральныхъ требованій, основаннаго на привычкѣ, многіе этики-матеріалисты заключили, что вся сущность морали зиждется на привычкѣ. Между тѣмъ оно не исчерпывается этимъ. Прежде всего, въ силу привычки, нравственными завѣтами становятся только такія возрѣнія, которыя требуютъ, чтобы индивидуумъ принималъ въ соображеніе общества, которыя регулируютъ его поведеніе по отношенію къ другимъ людямъ. Если противъ этого возразить, что существуютъ и частныя «пороки», считающіеся безнравственными, то и ихъ первоначальное осужденіе послѣдовало также въ интересахъ общества. Такъ, напр., онанизмъ, если бы онъ получилъ всеобщее распространеніе, нанесъ бы сильный ущербъ въ дѣлѣ достиженія многочисленнаго потомства, а такое потомство считалось тамъ, гдѣ не заговорили еще Мальтусы, основой благосостоянія и прогресса общества.

Въ Библии (I. Моисей, 38) Онанъ вѣдь за то и убивается Іеговой, что онъ пролилъ свое семя на землю, вмѣсто того, чтобы повиноваться своему долгу и сожителствовать съ женой своего умершаго брата, чтобы прижить съ ней потомство.

Нравственныя нормы только потому и могли войти въ привычку, что онѣ отвѣчали глубокимъ, все вновь возникающимъ

общественнымъ потребностямъ. Но, въ концѣ концовъ, одной только привычкой нельзя объяснить силу чувства долга, которое иногда проявляется сильнѣе, чѣмъ всѣ завѣты чувства самосохраненія. То, что соотвѣтствуетъ привычкѣ въ морали, содѣйствуетъ только тому, чтобы извѣстныя нормы прямо были бы признаны нравственными, но оно не порождаетъ социальныхъ инстинктовъ, которыя заставляютъ проводить требованія, признанныя нравственными нормами.

Такъ, напр., дѣломъ привычки является взглядъ, что неприлично дѣвушка въ ночной рубашкѣ показываться передъ мужчиной, хотя бы одежда эта ниспадала до самыхъ ногъ и охватывала бы шею, между тѣмъ какъ нисколько не противорѣчить приличію, если дѣвушка вечеромъ съ глубоко обнаженной грудью показывается на балу передъ всѣмъ свѣтомъ, или когда эта же дѣвушка въ своемъ мокромъ купальномъ костюмѣ выставяетъ себя на показъ передъ жадными очами бонъ-вивацовъ. Но только сила социальныхъ инстинктовъ можетъ содѣйствовать тому, что высоконравственная дѣвушка никоимъ образомъ не сдѣлаетъ того, что приличія и мода—словомъ, общество—признаютъ безстыднымъ и иногда предпочитаетъ даже смерть тому, что считаетъ позоромъ.

Другіе этики пошли еще дальше въ своемъ воззрѣніи на нравственныя нормы, какъ на привычку, и представили эти нормы простой условной модой, основываясь на томъ фактѣ, что каждый общественный строй, каждая нація, даже каждый классъ имѣютъ свои нравственныя воззрѣнія, которыя часто стоятъ въ большомъ противорѣчьи съ воззрѣніями другихъ, и что, слѣдовательно, не существуетъ абсолютной нравственной нормы. Изъ этого сдѣлали тотъ выводъ, что нравственность—это мѣняющаяся мода, передъ которой преклоняется только филистерская чернь, и надъ которой долженъ и можетъ подняться сверхчеловѣкъ, какъ надъ всѣмъ стаднымъ.

Но социальные инстинкты не только не являются чѣмъ-то условнымъ, но представляютъ собою нѣчто, глубоко вкоренившееся въ природѣ человѣка, какъ социальнаго животнаго; и нравственные принципы тоже не являются чѣмъ-то произвольнымъ, но имѣютъ своимъ источникомъ общественныя потребности. Конечно,

въ каждомъ данномъ случаѣ невозможно бываетъ установить связь между опредѣленными нравственными воззрѣніями и общественными отношеніями, изъ которыхъ они берутъ свое начало. Индивидуумъ получаетъ нравственныя нормы отъ своей общественной среды, не сознавая совершенно вызвавшихъ эти нормы общественнымъ причинъ. Нравственная норма входитъ для него въ привычку и кажется ему тогда протекющей изъ его собственнаго духовнаго существа, зародившись данной, лишенной всякихъ практическихъ корней. Только научное изслѣдованіе было въ состояніи мало-помалу, изъ цѣлаго ряда случаевъ, выяснитъ связь между опредѣленными общественными формами и опредѣленными нравственными положеніями, многое еще и до сихъ поръ остается невыясненнымъ. Общественныя формы, изъ которыхъ произошли позднѣйшія, еще дѣйствующія нравственныя нормы, относятся часто къ далекому прошлому, къ сѣдой старинѣ. Но кромѣ того, чтобы понять какое-либо нравственное требованіе, необходимо не только знать общественную потребность, которая его создала, но также тотъ особенный способъ мышленія общества, который его оформилъ. Каждый способъ производства не только находится въ связи съ опредѣленными орудіями, опредѣленными общественными отношеніями, но также съ опредѣленнымъ содержаніемъ сознанія, съ опредѣленной познавательной способностью, опредѣленнымъ пониманіемъ причинности, опредѣленной логикой, словомъ—опредѣленнымъ способомъ мышленія. Но понять отжившій способъ мышленія необычайно трудно, гораздо труднѣе, чѣмъ понять подробности чужого общества.

Тѣмъ не менѣе связь между положеніями морали и общественными потребностями уже выяснены въ столькихъ многочисленныхъ случаяхъ, что это можно считать общимъ правиломъ. Но разъ эта связь существуетъ, тогда переменна въ обществѣ должна повлечь за собою измѣненіе моральныхъ положеній. Ихъ измѣненіе не только не является, слѣдовательно, чѣмъ-то чудеснымъ; удивительно было бы скорѣе, если бы съ переменной причины не мѣнялось бы также и слѣдствіе. Эти переменны необходимы и именно потому необходимы, что каждая общественная форма нуждается для своего торжества въ опредѣленныхъ, соответствующихъ ей, моральныхъ положеніяхъ.

Какъ различны и измѣнчивы нравственныя нормы, это извѣстно. Достаточно, поэтому, примѣра для иллюстраціи морали, уклоняющейся отъ морали современнаго европейскаго общества.

Фритюфъ Хансенъ даетъ въ десятой главѣ своей «Eskimobeen» очень интересное описаніе морали эскимосовъ, откуда мы заимствуемъ нѣкоторые мѣста:

«Одной изъ симпатичнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ чертъ характера эскимоса является, конечно, его честность... Для эскимоса имѣеть особое значеніе то обстоятельство, что онъ можетъ положиться на своего ближняго и сосѣда. Но для того, чтобы это взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно наладить дѣло въ борьбѣ за существованіе, было устойчиво, необходимо, чтобы каждый поступалъ честно по отношенію къ другому... По той же причинѣ они, особенно мужчины, не любятъ лгать другъ другу. Трогательнымъ доказательствомъ этого служить слѣдующая, описанная фонъ-Далагеромъ, черта: «Если эскимосы должны другому описывать вещь, то они остерегаются обрисовать ее болѣе блестяще, чѣмъ она заслуживаетъ. Если кто-нибудь хочетъ купить что-либо имъ невиданное, то продавецъ, хотя бы и хотѣлъ сбыть вещь, старается ее представить въ нѣсколько худшемъ свѣтѣ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ».

Мораль рекламы еще не изобрѣтена эскимосами. Конечно, все это имѣеть мѣсто только въ сношеніяхъ между собою. По отношенію къ чужимъ они не такъ строги.

«Драки и тому подобныя грубости у нихъ не въ обиходѣ. Убийство тоже большая рѣдкость», а гдѣ оно имѣеть мѣсто, тамъ является послѣдствіемъ не экономическихъ распрей, но любовныхъ драмъ. «Они считаютъ жестокостью убійство своихъ ближнихъ. Война поэтому является чѣмъ-то непонятнымъ въ ихъ глазахъ, достойнымъ презрѣнія, на ихъ языкѣ не существуетъ даже соответственнаго слова для этого понятія, и солдаты и офицеры, которые обучаются искусству убивать людей, являются въ ихъ глазахъ истинными живодерами».

«Та изъ нашихъ заповѣдей, противъ которой гренландцы чаще всего грѣшатъ, это—шестая... Добродѣтель и непорочность не особенно высоко цѣнятся въ Гренландіи... Многіе совѣтъ не

считаютъ за грѣхъ (на западномъ берегу), если дѣвушка рождаетъ дѣтей... Въ то время, какъ мы были въ Годтабѣ, тамъ по сосѣдству находились двѣ дѣвушки въ интересномъ положеніи, но онѣ этого вовсе не скрывали... и гордились, повидимому, этимъ очевиднымъ доказательствомъ, что онѣ не были отвергнуты». Но также и о восточномъ побережьи Гольмъ говоритъ, что тамъ не считается стыдомъ если незамужняя имѣетъ дѣтей.

Эгеде также говоритъ, что женщины считаютъ за особое счастье вступленіе въ интимную связь съ ангекокомъ, т. е. однимъ изъ ихъ пророковъ и ученыхъ, и прибавляетъ: «даже многіе мужья сами ничего противъ этого не имѣютъ и платятъ ангекоку за то, что онъ поспитъ съ ихъ женой, въ особенности, если они сами не могутъ съ ними произвести дѣтей на свѣтъ»

Свобода эскимосской женщины, такимъ образомъ, очень отличается отъ свободы, причлествующей германской женщины. Причина, конечно, въ томъ, что поддержаніе наслѣдства, родового и племеннаго древа, въ Германіи играло большую роль; для эскимоса же все это не имѣетъ значенія, такъ какъ наслѣдства на его долю приходилось всегда мало, а то и ничего, и ему, главнымъ образомъ, хотѣлось имѣть дѣтей...»

«Намъ эта мораль, разумѣется, съ перваго взгляда кажется дурной. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что такъ же на дѣло смотритъ эскимось. Мы вообще должны остерегаться того, чтобы тотчасъ же осуждать, съ нашей точки зрѣнія, воззрѣнія, которыя развились въ какомъ-нибудь народѣ въ цѣломъ рядѣ поколѣній путемъ цѣлаго ряда опытовъ, даже если бы эти воззрѣнія рѣзко противорѣчили нашимъ.

Сужденія о добрѣ и злѣ здѣсь на землѣ крайне различны. Въ доказательство я привелъ бы тотъ фактъ, что когда Нансъ Эгеде сталъ говорить одной эскимосской дѣвушкѣ о любви къ Богу и къ ближнимъ, то дѣвушка возразила: «я доказала, что я люблю своего ближняго, пбо одна старая женщина, которая была больна, но не могла умереть, просила меня, чтобы я ее за плату отвела на крутой утесъ, съ котораго всегда бросаются тѣ, которые не хотятъ больше жить; любя своихъ, я отвела ее туда даромъ и сбросила ее съ утеса внизъ».

«Эгеде замѣтилъ, что это былъ дурной поступокъ, и что она убила человѣка. Дѣвушка же сказала, что нѣтъ, и что она жалѣла старуху и плакала, когда та низринулась. Считать ли это дурнымъ или хорошимъ поступкомъ?»

Мы уже видѣли, что необходимость убивать старыхъ и больныхъ членовъ общества легко наступаетъ при скудости источниковъ питанія, и это убійство считается нравственнымъ дѣяніемъ.

«Когда Эгеде въ другой разъ заговорилъ о томъ, что Богъ наказываетъ злыхъ, то эскимось ему отвѣтилъ, что и онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые наказываютъ злыхъ, ибо онъ убилъ трехъ женщинъ, бывшихъ вѣдьмами.

«То же различіе въ пониманіи добра и зла сказывается въ шестой заповѣди. Эскимось ставитъ заповѣдь плодитесь и размножайтесь выше заповѣди о цѣломудріи. Для этого у него тѣмъ болѣе есть основаніе, что его раса по природѣ своей мало плодovitа».

Наконецъ, упомянемъ еще объ одномъ письмѣ, которое одинъ обращенный эскимось прислалъ Павлу Эгеде, работавшему въ восемнадцатомъ столѣтіи въ Гренландіи, въ качествѣ миссіонера, и нашедшемъ эскимосскую мораль почти не затронутой еще европейскимъ вліяніемъ. Новообращенный эскимось слышалъ о колониальныхъ войнахъ между англичанами и голландцами и излилъ свое отвращеніе по поводу этой «безчеловѣчности».

«Если у насъ есть столько птицы, что мы можемъ досыта поѣсть, и имѣемъ достаточно шкуръ, чтобы защитить себя отъ холода, то мы довольны, и ты самъ знаешь, что мы заботимся только о томъ, чтобы поддержать себя на каждый день. Мы бы не стали вести войну изъ-за моря, даже если бы это было въ нашей власти... Мы можемъ сказать, что море, омывающее наши берега, принадлежитъ намъ, намъ также принадлежатъ плавающіе въ немъ киты, моржи, тюлени и лососи; тѣмъ не менѣе мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы и другіе брали изъ обильнаго запаса столько, сколько имъ угодно. Намъ дано въ удѣлъ великое счастье не быть столь жадными, какъ они... Дѣйствительно, замѣчательно, мой милый Павелъ! Вашъ народъ знаетъ, что существуетъ Богъ, творецъ и Вседержитель, что послѣ этой жизни всё будутъ

спасены или осуждены, смотря по тому, какъ они себя ведутъ, и тѣмъ не менѣе они живутъ такъ, какъ будто имъ повелѣно быть злыми, и какъ будто грѣхъ приносить выгоду и дѣлаетъ честь. Мои земляки ничего не знаютъ ни о Богѣ, ни о дьяволѣ и тѣмъ не менѣе они себя ведутъ такъ прилично, живутъ во взаимной любви и согласіи, дѣлятъ все между собою и сообща добываютъ себѣ средства къ жизни».

Здѣсь ярко выступаютъ противоположность морали примитивнаго коммуниста капиталистической морали. Но здѣсь всплываетъ еще другое различіе: въ эскимосскомъ обществѣ теорія и практика морали вполнѣ согласуются; въ капиталистическомъ обществѣ существуетъ глубокая пропасть между ними. Причину этого мы сейчасъ рассмотримъ.

в. Форма производства и надстройки.

Нравственныя нормы мѣняются вмѣстѣ съ обществомъ, но непрерывно, не въ одинаковой формѣ и не въ одинаковой степени, какъ и общественныя потребности. Онѣ потому непосредственно признаются и ощущаются какъ нормы, что онѣ стали *привычками*. Но, разъ, прочно укоренившись, онѣ могутъ долго вести самостоятельное существованіе, между тѣмъ какъ техническій прогрессъ, а вмѣстѣ съ нимъ усовершенствованіе способовъ производства, измененіе общественныхъ потребностей все прогрессируетъ.

Съ предписаніями морали происходитъ то же самое, что и съ остальной сложной надстройкой, которая воздвигается подъ способами производства. Надстройка эта можетъ отдѣлиться отъ своего базиса и продолжительное время вести самостоятельное существованіе.

Открытіе этого факта привело къ возникновенію всѣхъ тѣхъ элементы, которые не могутъ освободиться отъ силы Марксовскаго мышленія, и которымъ въ то же время послѣдствія экономическаго развитія крайне непріятны, эти элементы желали бы, по примѣру Канта, контрабанднымъ путемъ ввести «духъ», какъ самостоятельную побудительную силу. Имъ очень кстати пришлось признаніе того факта, что духовные факторы временами дѣйствуютъ

въ обществѣ самостоятельно. Такимъ путемъ надѣялись, наконецъ, найти желанное взаимодействіе: экономія дѣйствуетъ на духъ, духъ на экономію, оба они должны господствовать надъ общественнымъ развитіемъ либо такимъ образомъ, что сначала экономическое развитіе, а въ позднѣйшемъ періодѣ опять-таки духовныя побужденія подвигаютъ впередъ общество, либо же такимъ путемъ, что оба фактора другъ около друга и взаимно производятъ общее дѣйствіе, другими словами—наша воля, наши желанія въ состояніи, по крайней мѣрѣ, иногда собственными силами проломить и измѣнить жестокую экономическую необходимость.

Несомнѣнно, взаимодействіе между экономикою и ея духовными надстройками—моралью, религіей, правомъ, искусствомъ и т. д. существуетъ; о духовномъ вліяніи изобрѣтенія мы не говоримъ здѣсь, оно относится къ техникѣ, въ которой духъ тоже, вѣдь играетъ роль на ряду съ орудіемъ; техника—это *сознательное* изобрѣтеніе и примѣненіе орудій мыслящимъ человѣкомъ.

Подобно другимъ идеологическимъ факторамъ, мораль также въ состояніи содѣйствовать экономическому и общественному развитію. Въ этомъ имѣетъ ея общественное значеніе. Въ виду того, что опредѣленные общественныя предписанія морали происходятъ изъ опредѣленныхъ общественныхъ потребностей, положенія эти будутъ тѣмъ больше содѣйствовать общественной связи, чѣмъ больше они приспособлены къ особому укладу того общества, которое ихъ создало.

Мораль, слѣдовательно, оказываетъ обратное дѣйствіе на общественную жизнь, содѣйствуя ей. *Но это продолжается до тѣхъ поръ, пока она находится въ прямой зависимости отъ нея*, пока она соотвѣтствуетъ общественнымъ потребностямъ, которыя ее порождаютъ. Какъ только мораль пріобрѣтаетъ самостоятельное существованіе въ обществѣ, какъ только она перестаетъ опредѣляться послѣднимъ, ея обратное дѣйствіе принимаетъ другой характеръ. Покельку она развивается дальше, ея развитіе является уже чисто формальнымъ, логическимъ. Съ тѣхъ поръ, пока она замыкается отъ вліяній внѣшняго міра, она не можетъ уже создавать новыхъ возрѣній, а лишь организовать уже пріобрѣтенныя, устраняя противорѣчія. Устраненіе противорѣчій, достиженіе един-

ства возрѣнія, разрѣшеніе всѣхъ проблемъ, возникшихъ благодаря величизнѣ противорѣчій—все это дѣйствія мыслящаго разума. Но при посредствѣ всего этого разумъ можетъ только укрѣпить идеологическую надстройку, но не поднять ее на высшую ступень. Только возникновеніе новыхъ противорѣчій, новыхъ проблемъ можетъ содѣйствовать истинному прогрессу. Человѣческой умъ не создаетъ изнутри противорѣчія и проблемы: они порождаются въ немъ развитіемъ вѣшняго міра.

Какъ только моральныя положенія принимаютъ самостоятельный характеръ, они перестаютъ быть элементомъ общественнаго прогресса. Они окостенѣваютъ, становятся консервативнымъ элементомъ, препятствіемъ по пути къ прогрессу. Такимъ образомъ въ человѣческомъ обществѣ мораль, въ противоположность животному обществу, изъ необходимаго сдерживающаго, связующаго звена можетъ превратиться въ средство невыносимаго стѣсненія. Это и есть «обратное воздѣйствіе морали», отнюдь однако не того рода, какимъ его представляютъ анти-матеріалистическіе этики.

Противорѣчія между опредѣленными моральными предписаніями и опредѣленными общественными потребностями могутъ достигнуть относительной силы уже въ примитивномъ обществѣ, но они еще усиливаются благодаря возникновенію классовыхъ противорѣчій. Если въ обществѣ, не раздѣленномъ на классы, приверженность къ опредѣленнымъ моральнымъ принципамъ есть дѣло привычки, если для преодоленія послѣднихъ нужно только преодолѣть силу привычки, то отнынѣ приверженность къ опредѣленнымъ моральнымъ понятіямъ становится также и дѣломъ интереса, часто весьма могущественнаго. На сцену выступаютъ средства насилія, физическаго принужденія въ цѣляхъ удержанія эксплуатируемыхъ классовъ въ подчиненіи, и эти принудительныя средства представляются также къ услугамъ «морали» во исполненіе нравственныхъ нормъ, отвѣчающихъ интересамъ господствующихъ классовъ.

Но классовое общество можетъ обойтись и безъ такого рода принудительныхъ мѣръ. Правда, и въ немъ социальныя истинствотвъ не всегда достаточно для достиженія полнаго соответствія поступковъ каждаго индивидуума предписаніямъ морали; сила социальныя истинствотвъ у различныхъ индивидуумовъ, конечно,

весьма различна, также различна и сила другихъ инстинктовъ— самосохраненія и размноженія. Первые не всегда одерживаютъ верхъ, но достаточнымъ средствомъ принужденія, наказанія, утрашенія для другихъ является въ такихъ случаяхъ въ неклассовомъ обществѣ *общественное мнѣніе*, осужденіе общества. Это мнѣніе создастъ въ насъ не нравственный законъ, но чувство долга. Совѣсть тоже оказываетъ свое дѣйствіе на насъ, но только тогда, когда никто не слѣдитъ за нами и когда сила общественного мнѣнія совершенно не принимается въ расчетъ; при извѣстныхъ обстоятельствахъ, живя въ обществѣ, преисполненномъ классовыхъ противорѣчій и противорѣчащихъ другъ другу нравственныхъ нормъ, мы бываемъ иногда вынуждены идти даже наперекоръ общественному мнѣнію большинства.

Но общественное мнѣніе является въ неклассовомъ обществѣ вполне достаточнымъ средствомъ надзора за тѣмъ, чтобы всѣ слѣдовали установленнымъ нравственнымъ нормамъ. Индивидуумъ столь ничтожная величина по сравненію съ обществомъ, что онъ совсѣмъ не имѣетъ силы сопротивляться единодушному голосу этого общества. Последнее дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ, такъ что вовсе не нужно дальнѣйшихъ принудительныхъ и карательныхъ мѣръ, чтобы обезпечить безрепятственное теченіе общественной жизни. И теперь мы видимъ также въ классовомъ обществѣ, что общественное мнѣніе собственного класса, или, если мы выступаемъ изъ рядовъ этого класса, мнѣніе того класса или партіи, къ которымъ примыкаемъ, является болѣе могущественнымъ, чѣмъ всѣ принудительныя мѣры, принимаемыя государствомъ. Тюрьму, бѣдствія, смерть люди предпочитаютъ позору.

Однако общественное мнѣніе одного класса безсилно передъ общественнымъ мнѣніемъ противоположнаго класса. Конечно, общество можетъ, пока въ немъ не создано классовыхъ противорѣчій, обуздать отдѣльнаго индивидуума силой своего мнѣнія и вынудить его къ исполненію своихъ заповѣдей, если для этого недостаточно гнѣздящагося въ его груди соціального инстинкта. Но общественное мнѣніе безсилно тамъ, гдѣ выступаетъ не индивидуумъ противъ общества, но классъ противъ класса. Въ этомъ случаѣ господствующій классъ долженъ прибѣгнуть къ другимъ

принудительнымъ средствамъ, если онъ хочетъ добиться своего, къ средствамъ превосходящей физической или экономической силы, болѣе совершенной организаціи, а также иногда и болѣе совершенной *интеллигентности*. Къ солдатамъ, полицейскимъ и судьямъ присоединяются теперь также и попы, какъ средство для удержанія власти, и именно на долю церковной организаціи выпадаетъ теперь спеціальная задача сохраненія традиціонной морали. Эта связь между религіей и моралью устанавливается, тѣмъ легче, что новыя религіи, которыя формировались во времена упадка первобытнаго коммунизма и языческаго общества, стоятъ въ сильномъ противорѣчій къ старымъ естественнымъ религіямъ, корни которыхъ заходятъ въ эпоху, когда еще не существовало дѣленія на классы и ни одна религія не знала спеціальнаго духовенства. Въ старыхъ религіяхъ божество и этика отнюдь не связаны между собою. Новыя религіи, напротивъ, вырастаютъ на почвѣ той философіи, которая тѣснѣйшимъ образомъ связываетъ этику и вѣру въ божество и потусторонній міръ, обосновывая одинъ факторъ другимъ. Съ тѣхъ поръ религія и этика, какъ средство господства, тѣсно между собою связаны. Нравственный законъ есть разумѣется, продуктъ соціальной природы человѣка; временныя нравственныя нормы являются, разумѣется, продуктами особенныхъ общественныхъ потребностей; конечно, ни то, ни другое не нуждается въ религіи. Но тотъ видъ морали, которую хотятъ навязать народу въ интересахъ господствующаго класса, во всякомъ случаѣ, настоящимъ образомъ нуждается для своей прочности въ религіи и церковной организаціи. Безъ послѣдней мораль эта рухнула бы еще скорѣе, чѣмъ это происходитъ до сихъ поръ.

с. Старая и новая мораль.

Чѣмъ долѣе, однако, унаслѣдованныя моральныя положенія сохраняютъ свою силу, при наличности экономического развитія и возникновенія новыхъ общественныхъ формъ, которыя требуютъ новыхъ нравственныхъ нормъ, тѣмъ болѣе велико становится противорѣчіе между господствующей моралью общества и жизнью и стремленіями его членовъ.

Но это противорѣчіе проявляется въ различныхъ классахъ на различный ладъ. Консервативные классы, тѣ, существованіе которыхъ покоится на старыхъ общественныхъ условіяхъ, ерѣдко стоятъ за старую мораль. Впрочемъ, они придерживаются ея только въ теоріи. Практически они никоимъ образомъ не могутъ уклониться отъ дѣйствія новыхъ общественныхъ потребностей. Извѣстное противорѣчіе между теоріей и практикой выступаетъ здѣсь на сцену. Иные видятъ въ этомъ противорѣчій силу естественнаго закона морали; требованія послѣдней кажутся чѣмъ-то безусловно желательнымъ, но невыполнимымъ. Но противорѣчіе между теоріей и практикой въ морали можетъ принять при этомъ двойную форму. Классы и индивидуумы, полные сознанія своей силы, открыто становятся выше требованій традиціонной морали, обязательности которой они признаютъ для другихъ. Классы и индивидуумы, которые чувствуютъ себя слабыми, лишь тайно переступаютъ нравственные законы, проповѣдуя ихъ публично. Такимъ образомъ на этой стадіи развитія позиціи, въ гибнущихъ классахъ, въ зависимости отъ занимаемой ими исторической позиціи, развивается либо *цинизмъ*, либо *лицемеріе*. Но одновременно въ этихъ классахъ, какъ мы видѣли, легко исчезаетъ сила социаль-ныхъ инстинктовъ, вслѣдствіе усиленія обособленности интересовъ, а также возможности выставять вмѣсто себя въ рѣшительной борьбѣ паемниковъ и избѣгать необходимости ставить на карту свою собственную жизнь.

Все это порождастъ въ консервативныхъ, господствующихъ классахъ то явленіе, которое принято обозначать именемъ нравственнаго упадка.

Этики-матеріалисты, въ глазахъ которыхъ моральныя положенія суть только условныя моды, отрицаютъ возможность подобнаго рода безнравственности, какъ общественнаго явленія. Такъ какъ всякая нравственность—понятіе относительное, слѣдовательно то, что называютъ безнравственностью, есть именно только одинъ изъ видовъ нравственности, отличный отъ нашей.

Съ другой стороны, идеалисты-этики изъ того факта, что встрѣчаются цѣлыя слошъ безнравственные классы и общества, выводятъ заключеніе, что должна существовать также и вѣчная,

въ пространства и времени стоящая, нравственность, что долженъ существовать независимый отъ измѣнчивыхъ общественныхъ отношеній масштабъ, могущій служить мѣриломъ морали всякаго общества и класса.

Но, къ сожалѣнiю, тотъ элементъ человѣческой морали, который, хотя и зависитъ отъ условій, пространства и времени, но все же возникъ раньше всѣхъ измѣнчивыхъ общественныхъ отношеній, есть именно социальный инстинктъ; онъ есть тотъ элементъ, который присущъ и человѣческой и животной морали въ одинаковой степени. Специфически человѣческими въ морали являются нравственныя нормы, и онѣ подвергаются постояннымъ измѣненiямъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что тотъ или иной классъ или общественная группа не могутъ быть безнравственными; это только доказываетъ, что, въ отношенiи нравственныхъ нормъ, не существуетъ ни абсолютной нравственности, ни абсолютной безнравственности. И безнравственность въ этомъ смыслѣ— тоже понятiе относительное. Абсолютной безнравственностью должно считаться лишь отсутствiе даже тѣхъ *социальныхъ инстинктовъ* и *добродѣтелей*, которые человѣкъ унаслѣдовалъ отъ социальныхъ животныхъ.

Если же смотрѣть на безнравственность, какъ на погрѣшность противъ предписанiй морали, тогда она обозначаетъ собою не отклоненiе отъ опредѣленнаго, имѣющаго силу для всѣхъ временъ и странъ, масштаба морали, но противорѣчiе нравственной практики со своими собственными нравственными принципами; тогда это есть нарушенiе нравственныхъ нормъ какого-нибудь народа или класса, нормъ, признаваемыхъ нами самими за необходимыя и общеобязательныя. Поэтому безсмысленно считать опредѣленные нравственныя нормы какого-нибудь народа или класса безнравственными, только потому, что онѣ противорѣчатъ нашимъ собственнымъ нравственнымъ нормамъ. Безнравственность всюду есть отклоненiе отъ собственной морали, но не отъ чужой. То же явленiе, напр., свободное отношенiе половъ или равнодушiе къ собственности, можетъ быть въ одномъ случаѣ продуктомъ нравственнаго растлѣнiя общества, въ которомъ строжайшее единопоччiе и величайшая святость собственности признаются необходимыми;

но оно можетъ въ другомъ случаѣ быть высоконравственнымъ продуктомъ очень здороваго общественнаго организма, который не нуждается для удовлетворенія своихъ потребностей ни въ избыточности института, признающаго частную собственность на женщину, ни въ частной собственности на опредѣленные средства потребленія и производства.

д. Нравственный идеалъ.

Но если растущее противорѣчiе между измѣнчивыми общественными условіями и все больше застаивающейся моралью переходить у консервативныхъ классовъ, у господъ, во все растущую безнравственность, во все усиливающееся лицемеріе и цинизмъ которыя часто идутъ рука объ руку съ ослабленіемъ соціальныхъ инстинктовъ, то среди проснувшихся эксплуатируемыхъ классовъ противорѣчiе это ведетъ къ совершенно другимъ послѣдствіямъ. Ихъ интересы стоятъ въ полнѣйшемъ противорѣчiи къ общественному базису, создавшему господствующую мораль. У нихъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія быть ей приверженными, но есть все основанія выступать противъ нея. Чѣмъ больше они создаютъ свое противорѣчiе къ господствующему общественному порядку, тѣмъ больше усиливается также ихъ нравственное возмущеніе, тѣмъ болѣе рѣзко противопоставляютъ они старой традиціонной морали новую, которую они хотятъ сдѣлать моралью всего общества. Такимъ образомъ въ возставшемъ классѣ возникаетъ нравственный идеалъ, который дѣлается тѣмъ болѣе смѣлымъ, чѣмъ болѣе сильными чувствуютъ себя эти классы. И одновременно, какъ мы это видѣли, именно въ этихъ классахъ, благодаря классовой борьбѣ, развиваются съ особенной силой соціальныя инстинкты; при этомъ вмѣстѣ со смѣлостью новаго нравственнаго идеала растетъ также и воодушевленіе имъ. Итакъ, то же самое развитіе, которое въ консервативныхъ или гибнущихъ классахъ порождаетъ растущую безнравственность, вызываетъ въ возстающихъ классахъ въ неуклонно растущихъ размѣрахъ сумму явленій, которыя мы резюмируемъ подъ именемъ *этического идеализма*, при чемъ послѣдній отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ философскимъ идеализмомъ... Именно эти возставшіе классы часто склоняются къ философскому материализму, противъ

котораго классы, осужденные на гибель, сопротивляются съ того момента, какъ они сознають, что дѣйствительность произносить надъ ними смертный приговоръ, что имъ остается ожидать спасенія только отъ сверхъестественныхъ, божественныхъ или этическихъ силъ. *Содержаніе* новаго нравственнаго идеала не всегда вполне ясно. Онъ вытекаетъ не изъ глубокаго научнаго познанія общественнаго организма, который часто остается совершенно неизвѣстнымъ поборникомъ идеала, но изъ глубокой общественной потребности, изъ *страстнаго желанія*, энергическаго стремленія къ чему-то *другому*, чѣмъ существующее, чего-то, что составляетъ *противоположность* существующему. Такимъ образомъ этотъ нравственный идеаль является въ основѣ чѣмъ-то прежде всего отрицательнымъ, простой *противоположностью* господствующей нравственности.

Но съ тѣхъ поръ какъ возникли классовыя противорѣчія господствующая нравственность постоянно защищаетъ *отсутствіе* свободы, *неравенство*, *эксплоатацію*. И въ то же время нравственный идеаль поднявшихся классовъ въ историческія времена былъ, повидимому, всегда одинъ и тотъ же, включалъ въ себѣ постоянно то, что французская революція резюмировала въ словахъ: свобода, равенство, братство. Казалось, что этотъ идеаль, какъ бы независимо отъ условій пространства и времени, заложенъ въ человеческой груди, что какъ задачей человеческого рода съ самаго начала его существованія было стремленіе къ этому самому нравственному идеалу, что развитіе человечества состояло какъ бы въ приближеніи къ нему вновь и вновь возникавшему передъ нимъ.

Но, присмотрѣвшись ближе, мы находимъ, что сходство нравственнаго идеала различныхъ историческихъ эпохъ крайне поверхностно, и что за нимъ скрываются очень большія различія въ постановкѣ общественныхъ цѣлей, которыя соотвѣтствовали различію соотвѣтствующихъ общественныхъ эпохъ.

Если мы сравнимъ христіанство, французскую революцію, нынѣшнюю социаль-демократію, то мы найдемъ, что подъ свободой и равенствомъ въ каждомъ изъ этихъ движеній понималось нѣчто совсѣмъ другое, смотря по положенію, въ которое каждое изъ нихъ становилось по отношенію къ *собственности* и *производству*.

Первобытное христіанство желало равенства собственности въ томъ смыслѣ, что требовало равнаго дѣленія его между всѣми въ цѣляхъ потребленія. И подъ свободой оно понимало освобожденіе отъ всякаго труда (на подобіе полевыхъ лѣній, которыя не ткуть и не прядутъ и все же радуются своей жизни). Французская революція опять-таки понимала подъ свободой равенство *права собственности*. Самую же частную собственность она признавала священной. И истинной свободой была для нея свобода, по своему усмотрѣнію, возможно выгодно использовать собственность въ хозяйственной жизни.

Соціалъ-демократія, наконецъ, не санкціонируетъ частной собственности и не требуетъ ея дѣлежа. Она требуетъ ея обобщенія, и равенство, къ которому она стремится, есть одинаковое право всѣхъ на продукты общественнаго труда. Общественная свобода, наконецъ, которую она требуетъ, не есть ни свобода отъ труда, ни свобода, по своему усмотрѣнію, распорядиться средствами производства и продуцировать, но ограниченіе труда необходимымъ временемъ путемъ привлеченія къ нему всѣхъ работоспособныхъ и путемъ самого широкаго примѣненія сокращающихъ трудъ машинъ и методовъ. Такимъ образомъ общественный трудъ, который не долженъ быть свободнымъ, но общественно урегулированнымъ, долженъ отъ каждаго индивидуума требовать минимума работы и долженъ обезпечить каждому достаточно свободного времени для свободной дѣятельности въ области искусства и науки для свободного наслажденія жизнью. Общественная свобода—политической мы здѣсь не принимаемъ во вниманіе—вслѣдствіе возможнаго сокращенія необходимаго рабочаго времени, — вотъ что понимаетъ подъ свободой современный соціализмъ.

Мы видимъ, что одинаковый нравственный идеаль свободы и равенства можетъ заключать въ себѣ весьма различные общественные идеалы. Вышнее сходство нравственнаго идеала различныхъ времяя и странъ не является послѣдствіемъ дѣйствія нравственнаго закона, который занесенъ въ душу человѣка изъ надзвѣзднаго міра, но есть просто результатъ того, что при всѣхъ общественныхъ различіяхъ основныя черты классоваго господства въ человѣческомъ обществѣ постоянно оставались тѣми же.

Тѣмъ не менѣе новый нравственный идеалъ можетъ возникнуть не изъ однихъ только классовыхъ противорѣчій. Среди консервативныхъ классовъ могутъ встрѣчаться отдѣльные индивидуумы, которые въ общественномъ отношеніи только вѣшне связаны со своимъ классомъ и въ которыхъ не развито классовое самосознаніе. При этомъ имъ присущи иногда сильные социальныя инстинкты и добродѣтели, которые заставляютъ ихъ относиться съ отвращеніемъ ко всякому лицемерію и цинизму; они бываютъ иногда надѣлены высокимъ интеллектомъ, дающимъ имъ возможность ясно познавать противорѣчіе между традиционными моральными положеніями и общественными потребностями. Такіе индивидуумы должны опять-таки придти къ тому, чтобы выработать для себя новые нравственныя идеалы. Но будутъ ли содержать въ себѣ эти идеалы общественную силу, или нѣтъ—это зависитъ отъ того, вольются ли они въ русло классовыхъ идеаловъ. Только какъ побудительная сила классовой борьбы, нравственный идеалъ можетъ быть плодотворнымъ. Ибо только классовая борьба, а не разрозненныя стремленія отщепенцевъ, обладаетъ силой вести общество къ дальнѣйшему развитію и приспособлять его къ потребностямъ болѣе высоко развитыхъ производительныхъ силъ. И поскольку вообще измѣненіе нравственнаго идеала осуществимо, оно можетъ быть достигнуто лишь путемъ измѣненія самого общества.

Но какому же особенному несчастью до сихъ поръ дѣло складывалось такимъ образомъ, что нравственный идеалъ не удавалось осуществить? Это легко понять, если изслѣдовать его происхожденіе. Нравственный идеалъ есть только комплекс желаній и стремленій, порождаемыхъ протестомъ противъ существующаго состоянія. Это есть двигательная сила классовой борьбы, средство сосредоточенія силъ и роста классовъ, возставшихъ для борьбы съ существующимъ, могучій рычагъ для преодоленія этого существующаго. Но новый общественный строй, который наступаетъ на мѣсто стараго, зависитъ не отъ формы нравственнаго идеала, но отъ данныхъ матеріальныхъ условій, отъ техники, отъ естественной среды, отъ права сосѣдей и предковъ существующаго общества и т. д.

Такимъ образомъ новое общество легко можетъ значительно уклониться отъ нравственнаго идеала тѣхъ, которые содѣйствовали

его рожденію и это происходит тѣмъ, легче чѣмъ меньше согласовалось нравственное возмущеніе съ знаніемъ этихъ матеріальныхъ условій. Борьба за идеаль до сихъ поръ постоянно кончалась разочарованіемъ, идеаль оказывался иллюзіей, послѣ того какъ онъ выполнялъ свою историческую миссію и содѣйствовалъ, въ качествѣ могучаго стимула, крушенію стараго.

Мы уже видѣли, какъ всплываетъ въ консервативныхъ классахъ противорѣчіе между нравственной теоріей и практикой, такъ что нравственность кажется имъ чѣмъ-то такимъ, чего весь свѣтъ жсдаетъ, но никто не исполняетъ, что превышаетъ силы земныхъ существъ, что дано выполнить только существамъ неземнымъ. Теперь мы видимъ, что въ революціонныхъ классахъ возникаетъ другой видъ противорѣчія между нравственной теоріей и практикой, противорѣчіе между нравственнымъ идеаломъ и дѣйствительностью, созданной путемъ соціальной революціи. И здѣсь снова идеаль кажется чѣмъ-то такимъ, къ чему стремятся всѣ, но что ни для кого не достижимо, чѣмъ-то недосыгаемымъ для земныхъ существъ. Неудивительно поэтому, что этики полагаютъ, будто нравственность неземного происхожденія, и наше животное существо, которое привержено земному, виновато въ томъ, что мы постоянно должны только издали, полные страстнаго желанія, благоговѣнно созерцать ея образъ, не будучи въ состояніи когда-либо объять его.

Съ этихъ небесныхъ высотъ историческій матеріализмъ низвелъ нравственность на землю. Мы научаемся познавать ея животное происхожденіе и видимъ, что превращенія, которыя она претерпѣваетъ въ человѣческомъ обществѣ, обуславливаются тѣми превращеніями, которыя послѣднее претерпѣваетъ, гонимое техническимъ развитіемъ. Теперь раскрывается передъ нами чисто отрицательный характеръ нравственнаго идеала, являющагося протестомъ существующему нравственному порядку, и древность этого идеала выясняется какъ цѣнность стимула классовой борьбы, средства соединить во едино силы революціонныхъ классовъ и развить ихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ за нравственнымъ идеаломъ приходится также отрицать значеніе направляющей силы. Не отъ нашего нравственнаго идеала, но отъ опредѣленныхъ данныхъ матеріальныхъ условій зависитъ направленіе, которое принимаетъ въ дѣйствительности об-

цествепне розвитіе. Эти матеріальныя условія и въ прежніе періоды опредѣляли въ значительной степени общественныя цѣли, нравственную волю возставшихъ классовъ, но, по большей части, это происходило безсознательно. Если же и имѣлось на лицо сознательное, направляющее соціальное познаніе, какъ, напр., въ восемнадцатомъ столѣтіи, то оно вліяло на выработку общественныхъ цѣлей несистематически, непослѣдовательно

Только материалистическое пониманіе исторіи впервые совершенно лишило нравственный идеалъ роли фактора, дающаго направленіе соціальному развитію, и научило насъ выводить наши общественныя цѣли исключительно изъ познанія данныхъ матеріальныхъ основъ. Этимъ оно впервые указало намъ путь въ исторіи, вѣдъ которымъ мы можемъ избѣгнуть несоотвѣтствія революціонной дѣятельности общественному идеалу, можемъ избѣгнуть иллюзіи и разочарованій. Насколько ихъ, дѣйствительно, можно избѣгнуть, это зависить отъ степени достигнутаго пониманія законовъ развитія и движенія общественного организма, его силъ и органовъ.

Этимъ нравственный идеалъ отнюдь не лишается своего вліянія на общество; этому вліянію отводится лишь должное мѣсто. Какъ и соціальныя инстинкты, какъ и совѣсть, такъ и нравственный идеалъ не суть цѣли, но лишь *силы* или *оружія* въ общественной борьбѣ за существованіе; нравственный идеалъ есть особое оружіе для особенныхъ условій классовой борьбы.

И соціаль-демократія, какъ организація пролетаріата въ его *классовой борьбѣ*, не можетъ обойтись безъ нравственнаго идеала, безъ нравственнаго возмущенія противъ эксплуатаціи и классоваго господства.

Но идеалу этому нѣтъ мѣста въ *научномъ* социализмѣ, въ научномъ изслѣдованіи законовъ развитія и движенія общественного организма, съ цѣлью познанія *необходимыхъ* тенденцій и цѣлей пролетарской классовой борьбы.

Конечно, въ социализмѣ изслѣдователь постоянно вмѣстѣ съ тѣмъ и борець, а человекъ не можетъ быть искусственно раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ одна не имѣетъ ничего общаго съ другой. Такимъ образомъ у Маркса, на примѣръ, иногда посреди его научнаго изслѣдованія проглядываетъ также дѣйствіе

нравственнаго идеала, по онъ постоянно пытается, и вполнѣ справедливо, изгнать его оттуда, насколько это для него возможно. Правственный идеалъ неизбежно является въ наукѣ источникомъ ошибокъ, если онъ позволяетъ себѣ указывать послѣдней ея цѣли. Наука всегда имѣетъ дѣло только съ познаниемъ необходимаго. Она, правда, можетъ придти къ тому, чтобы предписывать должное по это можетъ получиться лишь въ результатѣ уразумѣнія необходимаго. Она напротивъ, должна избѣгать поисковъ за такимъ должнымъ, которое не является въ то же время необходимостью, имѣющей своимъ, базисомъ мѣръ явленій. Этика должна быть постоянно только *объектомъ* науки; послѣдняя должна заняться изслѣдованіемъ какъ нравственныхъ побужденій, такъ и нравственныхъ идеаловъ и сдѣлать ихъ понятными; но отъ послѣднихъ она не можетъ получить указаній относительно тѣхъ результатовъ, къ которымъ ей нужно стремиться. Наука выше этики; ея результаты столь же мало нравственны или безнравственны, какъ сама необходимость.

Тѣмъ не менѣе и при приобрѣтеніи и расширеніи научнаго познанія нравственность не выбрасывается за бортъ. Новымъ научнымъ познаниемъ часто задѣваются воззрѣнія, унаслѣдованныя, вкоренившіяся, ставшія твердой привычкой.

Въ обществахъ съ ясными классовыми противорѣчіями новое научное познаніе, именно познаніе общественныхъ условій, по большей части обозначаетъ собою также и оскорбленіе интересовъ отдѣльныхъ классовъ.

Искать и распространять научное познаніе, не отвѣчающее интересамъ господствующихъ классовъ, значитъ объявить войну послѣднимъ. Это предполагаетъ не только высокую степень развитія интеллекта, но также способность къ борьбѣ и жажду борьбы, независимость отъ господствующихъ классовъ и прежде всего сильную нравственную эмоцію; мощные соціальныя инстинкты, неустойчивую жажду познанія и распространенія истины, горячее желаніе служить подчиненнымъ, возставшимъ классамъ.

Но и это желаніе ведетъ также къ заблужденіямъ, если оно не ограничивается ролью отрицателя въ дѣлѣ оцѣнки притязаній господствующихъ классовъ и стимула къ преодолѣнію препятствій, которыя про-

твояположные классовые интересы воздвигаютъ по пути къ дальнѣйшему общественному развитію, но желаетъ стать выше всѣхъ этихъ препопъ, давать направленіе и указывать соціальному познанію опредѣленныя цѣли, которымъ оно должно служить.

Но если сознательная цѣль классовой борьбы превратилась въ научномъ соціализмѣ изъ нравственнаго идеала въ экономическій, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она потеряла въ своемъ величинѣ. Вѣдь то, что до сихъ поръ носилось передъ всѣми новаторами общества, какъ нравственный идеаль, и было для нихъ недостижимо, именно теперь впервые находитъ экономическія условія, необходимыя для своего осуществленія. Впервые можемъ мы теперь признать идеаль въ міровой исторіи необходимымъ результатомъ экономического развитія: *этотъ ставиый достижимымъ идеаль есть не что иное, какъ уничтоженіе классовъ.* Это не означаетъ уничтоженія различій по призванію, уничтоженіе раздѣленія труда, это означаетъ уничтоженіе тѣхъ общественныхъ различій и противорѣчій, которыя происходятъ изъ частнаго владѣнія средствами производства и изъ того, что въ удѣль массѣ народа отводится исключительно матеріальная производительная дѣятельность. Средства производства стали столь могучи, что имъ уже стали тѣсны рамки частной собственности. Производительность труда такъ могуче разрослась, что уже возможно значительное уменьшеніе рабочаго времени. Такимъ образомъ вырастаютъ основы не для уничтоженія раздѣленія труда, не для уничтоженія профессій, но для уничтоженія противоположностей между бѣднымъ и богатымъ, эксплуататорами и эксплуатируемыми, между невѣжественными и образованными.

Одновременно съ этимъ раздѣленіе труда такъ далеко зашло, что оно охватываетъ также ту область, которая много тысячъ лѣтъ была замкнута отъ него — а именно, домашній очагъ. Женщина освобождается отъ него и увлекается въ сферу раздѣленія труда, остававшуюся такъ долго монополіей мужчинъ. Это не уничтожаетъ естественныхъ различій, существующихъ между мужчиной и женщиной; это можетъ привести даже къ нѣкоторому новому общественному различію, равно какъ и къ нѣкоторымъ новымъ этическимъ требованіямъ, предъявляемымъ исключительно къ жен-

ципамъ, и сохранить кое-что изъ стараго, но, несомнѣнно, исчезнуть всё тѣ различія въ государствѣ и обществѣ, которыя существовали между мужчиной и женщиной благодаря тому, что женщина была прикована къ частному домашнему очагу, и что для нея была исключена возможность участія въ спеціальныхъ профессіяхъ. Въ этомъ смыслѣ мы не только приближаемся къ уничтоженію эксплуатаціи одного класса другимъ, но также къ уничтоженію подчиненія женщины мужчине.

И вмѣстѣ съ тѣмъ міровое хозяйство принимаетъ такіе размѣры, международныя хозяйственныя отношенія становятся столь тѣсными, что благодаря этому растетъ основа, на которой становятся возможными, послѣ уничтоженія частной собственности на средства производства, ~~послѣ уничтоженія национальныхъ противорѣчій~~, прекращеніе войнъ и вооруженій, въ чѣмъ миръ между вѣдьми народами.

Есть ли еще такой нравственный идеалъ, который бы открывалъ болѣе прекрасныя перспективы! И тѣмъ не менѣе перспективы эти получились въ результатъ трезваго экономическаго изслѣдованія, а не вслѣдствіе смѣненія нравственными идеалами свободы, равенства, братства, справедливости, гуманности! И это не перспективы состоянія, которое только *должно* наступить, наступленія котораго мы *желаемъ*,—это есть перспективы, которыя наступятъ съ неизбѣжной необходимостью. Конечно, перспективы эти необходимы не въ фаталистическомъ смыслѣ, не потому, что высшая сила сама приведетъ къ ихъ осуществленію, онѣ необходимы, неизбѣжны въ томъ же смыслѣ, какъ неизбѣжно изобрѣтеніе техники изобрѣтателями, какъ неизбѣжно то, что капиталисты въ своей погонѣ за барышами переворачиваютъ вверхъ дномъ всю хозяйственную жизнь, а наемные рабочіе мечтаютъ о сокращеніи рабочаго времени и повышеніи заработной платы, организуются, воюютъ съ классомъ капиталистовъ и ихъ государственной властью, какъ неизбѣжно то, что они мечтаютъ о переходѣ въ ихъ руки политической власти и о ниспроверженіи господства капиталистовъ. Соціализмъ неизбѣженъ, потому что неизбѣжна классовая борьба, потому что неизбѣжна побѣда пролетариата.

